Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БОЛЬШЕВИК

№ 15 СЕНТЯБРЯ 17

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ДВУХНЕДЕЛЬНИК ЦК ВКП (б)

СОДЕРЖАНИЕ

1927
МОСКВА
ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

Главлит № 97100. Москва. Тираж 75.000.
Тип. Изд-ва «Правда» и «Беднота», Яузский мост, Серебрянич. наб., д. № 23/а.

Партия ждет ясного ответа.

Последний об'единенный пленум ЦК и ЦКК с особенным возмущением констатировал тот факт, что оппозиционный блок вступил в самые тесные идейные и организационные связи с исключенными за борьбу против коммунизма из Коминтерна элементами, в первую очередь с группой германских «ультра-левых»— Рут Фишер—Маслова—Урбанса.

Этот политический факт вызывает особое возмущение прежде всего потому, что сами лидеры оппозиционного блока, уже находясь в оппозиции, неоднократно высказывались и внутри ВКП и в ИККИ о политическом существе идеологии «ультра-левых» самым отрицательным образом.

На XIV с'езде ВКП тов. Зиновьев квалифицировал «ультра-левых», как «взбесившихся мелких буржуа», как политических «банкротов». Отмечая тот факт, что «ультра-левые» пытаются играть на противоречиях внутри ВКП, тов. Зиновьев заявлял:

> «Я не удивляюсь, что такие элементы будут пытаться воспользоваться нашими разногласиями, это во всех дискуссиях неизбежно; но на этом они, безусловно, просчитаются, так как наша позиция в этом вопросе остается такой же, какой она была».

В резолюции VI расширенного пленума ИККИ (февраль— март 1926 г.), который происходил под руководством т. Зиновьева, бывшего тогда председателем ИККИ, фракция Рут Фишер характеризовалась следующим образом:

> «Рут Фишер во многих важных политических вопросах близка к воззрениям Корша, а именно: в недооценке германского рабочего движения, *в антибольшевистском анализе русской революции и международной политики СССР, в поддержке разлагающей легенды—легенды о мнимом «повороте» вправо, т.-е. об оппортунистическом вырождении ГКП и Коминтерна*».

В своем заявлении от 16 октября 1926 года, лидеры оппозиционного блока подчеркнули недопустимость какой бы то ни было связи с исключенными из Коминтерна «ультра-левыми», в том числе и «ультра-левыми» типа Рут Фишер—Маслова.

И вот теперь, после об'единенного пленума ЦК и ЦКК, лидеры оппозиционного блока вновь демонстрируют свою идейную

солидарность с «ультра-левыми», антиреволюционность позиций которых еще так недавно не оспаривалась ими. Что «сей сон означает»? Произошло ли это вследствие того, что *изменились «ультра-левые»*, что они отказались от тех элементов идеологии, которые давали основание т. Зиновьеву говорить об их «антибольшевистском анализе русской революции и международной политики СССР» и побудили оппозицию в ее заявлении от 16 октября 1926 г. решительно отмежеваться от группы Рут Фишер—Маслова, *или*, быть может, наоборот, «ультра-левые» остались на прежних позициях, а *т.т. Троцкий и Зиновьев* и др. в процессе обострения своей борьбы против партии, в своих попытках подменить ленинизм троцкизмом, *целиком и полностью скатились к тем идейным позициям «ультра-левых»*, для резко отрицательной характеристики которых они не так давно находили достаточно сильные и правильные выражения?

Достаточно самого беглого взгляда на идейное лицо «ультралевых» в наши дни, чтобы ответить на этот вопрос. Разве на страницах «Знамени Коммунизма» («Die Fahne des Kommunismus») не дается попрежнему «антибольшевистский анализ русской революции»? Разве не они доказывают, что правительство СССР в своей внутренней политике «выращивает элементы контр-революции»? Разве, говоря о международной политике СССР, они не пытаются изобразить эту политику, как политику смычки с антиреволюционными силами в мировом масштабе? Разве они попрежнему не распространяют «легенду о мнимом «повороте» вправо, т.-е. об оппортунистическом вырождении ГКП и Коминтерна»? Отрицать этот факт не осмелятся и представители оппозиционного блока. Таким образом, нет никаких оснований об'яснять перемену отношения руководителей оппозиционного блока к «ультра-левым», каким-нибудь принципиальным изменением идейно-политической линии *последних*.

Дело обстоит совсем иначе. Суть дела заключается в том, что оппозиционный блок с каждым месяцем и с каждым днем отходит в сторону от ленинизма, занимая по отношению к нему все более враждебную позицию, скатываясь в результате этой борьбы против ленинизма, целиком и полностью в болото «ультралевого» оппортунизма, солидаризировавшись с теми антиленинскими «ультра-левыми» взглядами и оценками, которые совсем недавно были неприемлемы для лидеров оппозиционного блока. *Теперь* для них Рут Фишер, Маслов, Урбанс, *не* «взбесившиеся мелкие буржуа», *не* худшего пошиба политические сплетники, распространяющие «легенды о мнимом «повороте» вправо Коминтерна», а «честные пролетарские революционеры», стоящие ближе к коммунизму, чем вся германская коммунистическая партия, чем Коминтерн. *Теперь* для них эти ренегаты—не союзники Корша, к воззрениям которого они «близки», как это свидетельствовал сам т. Зиновьев, а совсем другое течение, чем течение Корша.

Вожди оппозиционного блока сами добровольно поставили знак равенства между собою и «ультра-левыми» ренегатами, а последние охотно приняли их в свои об'ятия и во всех своих последних выступлениях «из кожи лезут вон» в заверениях, что их политическая позиция, точка в точку совпадает с таковой оппозиционного блока, что *они не имеют никаких особенностей по сравнению с русской оппозицией, что всякие разногласия по внутригерманским вопросам не имеют никакого значения, что суть дела заключается именно в полной идентичности взглядов оппозиционного блока и представителей «ультра-левой» группы.*

Вместе с русской оппозицией, вслед за нею, они охотно поднимают вопрос о приеме их обратно в ряды Коминтерна, об отмене решений Коминтерна, поставивших их вне рядов последнего. В № 24 «Знамени Коммунизма» с. г., помещено заявление, адресованное Исполнительному Комитету Коминтерна, об обратном приеме их в Коминтерн. Однако, смысл этого заявления виден из того, что «ультра-левые» выступают с претензией быть вновь принятыми в Коминтерн, оставаясь на почве той идеологии, той политической «платформы», тех оценок международного революционного движения, внутреннего и внешнего положения СССР, исходя из которых они ведут борьбу против коммунизма. «Ультра-левые» полагают, что их должны принять в Коминтерн *без всяких условий*, что они, наоборот, должны получить *гарантию свободной пропаганды своих антикоммунистических взглядов.*

Замечательнее всего то, что «ультра-левые», столь охотно солидаризирующиеся с платформой русского оппозиционного блока, заявляют, что линия ВКП в целом и линия оппозиции не соединимы, что здесь идет *«борьба из-за двух линий, которые не об'единимы»* («unvereinbar») (см. «Знамя Коммунизма», № 23, стр. 90). В самом последнем номере (№ 25) своего листка они *еще раз* подчеркивают, что эти две линии принципиально не об'единимы. (См. передовую статью «За единство, против раскольников, против оппортунистов», стр. 108).

Мало этого. Листок «ультра-левых», оценивающий борьбу с оппозицией и предложение об исключении т. Зиновьева и Троцкого из ЦК, как «открытые шаги к расколу», добавляет: «и притом к расколу, основанному на *классовых различиях*» («Знамя Коммунизма», № 23, стр. 90).

Итак, и представители оппозиционного блока и сами «ультралевые», настаивают на обратном приеме группы Рут Фишер—Маслова в ряды Коммунистического Интернационала. Нам еще неизвестно, что Рут Фишер и Маслов думают об обратном приеме

в Коминтерн Каца, Корша и др. наимахровейших ренегатов; ведь, известно, что в середине марта 1927 г. представители группы Рут Фишер—Маслова требовали от эссенского с'езда ГКП, чтобы «исключенные, которые стоят на платформе коммунизма и требуют обратного приема при немедленной отмене их несправедливого исключения, опять получили свои полные права членов партии», при чем в числе стоящих «на платформе коммунизма», которые, якобы, несправедливо исключены, указаны Кац, Корш, Шварц и др., не имеющие, по утверждению тов. Троцкого и Зиновьева, ничего общего с Рут Фишер и Масловым.

С другой стороны, требуя своего *обратного приема* в Коминтерн, представители группы Рут Фишер—Маслова *одновременно заявляют*, что, по их мнению, линия Коминтерна и «линия» «ультра-левых», линия ВКП в целом и «линия» оппозиционного блока «*необ'единимы*», что разногласия, разделяющие ВКП и оппозицию, Коминтерн и ультра-левых, являются разногласиями «*классового характера*».

Перед лицом этого вопиющего противоречия необходимо подчеркнуть, что «ультра-левые» ренегаты насквозь лицемерны, что *они пытаются вновь пролезть в ряды Коминтерна с тем, чтобы вести внутри его разлагающую работу, вести борьбу против коммунизма, прикрываясь знаменем Коминтерна.* Само собой разумеется, что Коминтерн ответит на наглое обращение «ультра-левых», решительным и безусловным отказом, ибо принимать в Коминтерн людей, смыслом политической жизни которых является борьба против коммунизма, против Коминтерна, против СССР,— это значит отойти от принципов ленинской политики.

Рассуждения «ультра-левых» о «классовых различиях», конечно, имеют некоторое основание. Оно заключается в том, что «ультра-левые» верно оценивают разногласия, которые имеются между Коминтерном и «ультра-левыми», как разногласия в известном смысле носящие классовый характер, ибо оппортунизм идеологии «ультра-левых» питается *мелкобуржуазными* взглядами и воззрениями, ибо антикоммунистичность, антиреволюционность «ультра-левых», есть *мелкобуржуазная антиреволюционность меньшевистского типа*, противопоставленная *пролетарской революционности* Коминтерна.

Посмотрите, что ставят во главу угла своих разногласий с Коминтерном и ВКП «ультра-левые». По мнению «ультра-левых», «началом начал» «ошибок» Коминтерна и ВКП является ленинская теория, о возможности построения социализма в СССР. «Стратегическая формула сталинизма,—пишут они в № 23 своего листка на 90 стр.,—есть *тезис о возможности полнейшего построения социализма в изолированной аграрной стране России*... Для сталинистов речь идет об изолированной на многие годы русской революции, которая на пути уступок кулакам и новым буржуазным слоям олицетворяется изолированным государством» и т. д. «Ультра-левые» пророчат этому «изолированному» государству крушение.

В каком смысле СССР является «изолированным» государством? Он является изолированным в том смысле, что выступает в качестве *единственного* пролетарского государства, окруженного враждебными ему и жаждущими его гибели империалистическими государствами. Но он не является «изолированным» в том смысле, что рабочие массы всего мира, трудящиеся всего мира, угнетенные народы всего мира стремятся оказать первому пролетарскому государству всемерную поддержку, что чем дальше, тем больше они оказывают сопротивление империалистическому нажиму на СССР, они сопротивляются тенденциям империализма поставить СССР в положение блокированной страны, в положение страны, находящейся в войне с империалистическими государствами.

Оппортунисты и ренегаты всех мастей своей политикой способствуют изоляции СССР, изоляции экономической, изоляции дипломатической, изоляции военной. Об'ективный смысл антиреволюционной деятельности «ультра-левых» заключается в том, что своей клеветой на СССР, на руководящую им партию, на мобилизующий революционные силы всего мира для защиты СССР Коминтерн, *они пытаются сорвать мобилизацию антиимпериалистических сил*, пытаются навредить делу обороны СССР против наступающего империализма, пытаются ослабить стойкость рядов и рост влияния международной революционной армии.

И вот, действуя подобным образом, «ультра-левые» ренегаты вменяют нам в вину *эту* нашу изолированность. Но ударение на «изолированность» имеет у «ультра-левых» определенный политический смысл. В своих рассуждениях, они обнаруживают здесь еще и еще раз свое *меньшевистское* нутро. Для них попытка построения социализма «в аграрной России», есть «утопическая» попытка, для них теория построения социализма в СССР—есть «утопическая» теория. Выводы подобного рода, несомненно, основаны на тех же посылках, на которых основаны аналогичные выводы российского и международного меньшевизма. Меньшевики считали и считают, что внутренние противоречия классов в СССР не разрешимы, что противоречия между пролетариатом и крестьянством, неизбежно должны привести к краху пролетарской диктатуры, в случае задержки международной революции, в случае, если эта международная революция не выразится в ближайшие же годы в победе пролетариата, в захвате им власти в ряде передовых капиталистических стран.

Переход к новой экономической политике, меньшевики всех стран расценивали, как крах коммунизма, как шаг, продиктованный давлением антипролетарских сил, как политику, способную

только «выращивать силы внутренней контр-революции». Посмотрите теперь, как к подобной же оценке расчищают дорожку «ультра-левые», как они оценивают возможности строительства социализма на основе нэпа, являющейся *«единственной правильной пролетарской экономической политикой»*.

> *«Созданным Октябрьской революцией элементам социализма со времени введения нэпа стало, само собой понятно, трудно бороться против вновь созданных и оживленных нэпом элементов капитализма»* («Знамя Коммунизма», № 23, стр. 90).

Ультра-левые «намекают», что смена военно-коммунистической политики новой экономической политикой, означала ослабление позиций социализма и укрепление позиций капитализма, что «со времени введения нэпа» социализм стало строить труднее. Они усмотрели в нэпе только воссоздание и оживление элементов капитализма; смысл нэпа, как политики, обеспечивающей рост социализма, социалистическое переустройство хозяйства, успешное наступление социализма на капитализм; смысл нэпа, как политики, единственно обеспечивающей нам успешное строительство социализма, на основе смычки пролетариата и крестьянства под гегемонией пролетариата, под руководством пролетарского государства,—остался для них так же не понят, как и для меньшевиков.

В основе «ультра-левой» теории невозможности построения социализма в нашей стране, теории, которая заимствована ими непосредственно у идеологов нашего оппозиционного блока, лежат *меньшевистские* посылки. Ленинская теория построения социализма в нашей стране, на почве которой стоят ВКП и Коминтерн, действительно, в корне отлична от той теории, на почве которой стоят идеологи оппозиционного блока и их «ультра-левые» союзники, ибо ленинская теория исходит из *большевистских* посылок, из большевистской оценки взаимоотнощений пролетариата и крестьянства, а оппозиционная теория имеет *меньшевистские* идейные источники. Вот почему эти теории «необ'единимы», вот почему «необ'единимы» и те линии политики, которые определяются этими теориями; и вот почему идеологи оппозиционного блока должны позадуматься о том, «на чем они стоят», вот почему они должны осмыслить тот факт, что их лобызают ренегаты, антиленинский характер воззрений которых в свое время они понимали сами.

Если оппозиция желает единства партии и единства Коминтерна *на ленинской основе*, то она должна решительно и безусловно отказаться от антиленинских теоретических основ своей политики, то она должна решительно и безоговорочно отбросить от себя «ультра-левых» союзников, то она должна считать для себя обязательным то разрешение вопроса о построении социализма

в нашей стране, которое дал XIV с'езд партии в строгом согласии с ленинизмом.

Если оппозиция желает единства партии и Коминтерна *на ленинских основах*, то она должна отказаться от идей, которые привели ее к союзу с ренегатскими «ультра-левыми» союзниками. Последние не имеют в рабочих массах никакого авторитета, никакого влияния; они все больше отходят от коммунизма, *делая своей специальностью политическую клевету и пытаясь тем самым облегчить себе борьбу с Коминтерном и его руководством*. Посмотрите, например, какой план они приписывают руководству ВКП, какую программу они приписывают тому партийному руководству, линия которого одобрена *всей партией* и линия которого есть линия *пролетарской диктатуры*. Вот она как «выглядит» эта программа:

> *«Отмена монополии внешней торговли, признание довоенных долгов и выплата процентов от 150 до 200 милл. зол. рублей ежегодно, далеко идущие политические уступки кулаку и новой буржуазии»*. («Знамя Коммунизма», № 24).

Кто поверит этой клевете? Разве со стороны меньшевизма, разве из лагеря заядлых оппортунистов не раздавались подобные клеветнические утверждения? Разве «ультра-левые» так же, как меньшевики, основывают эти клеветнические утверждения хоть на тени каких-нибудь деловых аргументов? Если оппозиция солидаризируется с *такими* методами борьбы против коммунизма, против Коминтерна, против ВКП, то она достигает *крайнего предела морально-политического падения*.

Партия не потерпит, чтобы в ее рядах находились политики, идейно солидаризирующиеся с ренегатами типа Рут Фишер—Маслова; она требует от оппозиции ясного, категорического, безусловного—и идейного и организационного—разрыва с этими врагами коммунизма.

Партия ждет недвусмысленного ответа,—оппозиция обязана его дать.

Н. Бухарин.

Наука и СССР [1]).

Великие исторические перевороты могут быть оценены во всем своем об'еме и во всем своем значении только через некоторое время после самого исторического «события». *Прежние* революции—будь то восстание египетских рабов, китайских крестьян или «классические» революции европейской буржуазии—прикрывали свое об'ективное содержание плащом более или менее фантастической идеологии. Только post factum пуританская идеология «круглоголовых» была раскрыта, как эмбрион «калькулирующего», «рационального» etc. «капиталистического духа». Только post factum были расшифрованы лозунги «свободы, равенства и братства», как лозунги свободы буржуазного индивидуума, «экономического человека» политической экономии, свободно продающего и покупающего товары, свободно покупающего и эксплоатирующего рабочую силу пролетариев.

Пролетарская революция отличается, с этой точки зрения, тем, что она с самого начала осознает и свою классовую природу и свое историческое место. Ее величайшее *общечеловеческое* значение возможно именно потому, что она отдает себе отчет в своем *классовом* значении. Ее крупнейшая роль, роль тарана, пробивающего ворота от «пред'истории человечества» к его «действительной истории», возможна именно потому, что это есть революция класса, познавшего свою *собственную* историческую роль. И тем не менее во *всем* об'еме всемирно-историческое значение пролетарской революции раскроется только спустя ряд десятилетий. Жизнь настолько богаче «серой теории», налицо имеется такое огромное разнообразие факторов, не подлежащих еще точному учету, что *наверняка* можно сказать о неизбежности *ряда* исторических сюрпризов. Если *в общем и целом* нам известна природа и значение пролетарской революции, то это отнюдь не опровергает того положения, что ход событий будет в величайшей степени обогащать наш опыт, наполняя абстрактные схемы живым конкретным содержанием, давая массу новых деталей, черт и черточек, которые только и смогут дать цельную—и притом *конкретную*—картину грядущих переворотов.

[1]) Настоящая статья тов. Бухарина написана для трехтомного сборника «Наука и техника за десять лет», выпускаемого Издательством «Работник Просвещения» под редакцией акад. А. Ф. Иоффе, Г. М. Кржижановского и М. Я. Лапирово-Скобло.

10 лет прошло со времени захвата власти победоносным пролетариатом. Из этих *десяти* лет в сущности лишь *половина* была посвящена строительной работе, ибо первое пятилетие было пятилетием отчаянной вооруженной борьбы против классового противника, поддерживаемого всеми силами иностранной интервенции. Пять лет—и даже десять лет—это бесконечно-малая величина с точки зрения всемирной истории. И тем не менее, разве этот период не углубил наших знаний о диктатуре пролетариата? Не только советская форма государства, «открытая» революцией и теоретически обоснованная Лениным, является «новым словом» нашей эпохи. Таким «словом» является и экономическая политика пролетариата («новая экономическая политика») и многое другое. И разве можно думать, что на этом *остановится* творчество народных масс и их организованных сил? Разве не ясно, что с под'емом хозяйства и с усилением его обобществленных, социалистических форм мы будем свидетелями *ряда* «новых слов» и в области экономики и в области так называемой «духовной культуры»? И разве не ясно, что *раздвижение* революционного процесса на Запад и на Восток, в свою очередь, выдвинет не мало специфических задач, беспрестанно толкая вперед революционную практику и обобщающую революционную мысль пролетарского движения?

Революция в громадной степени раздвигает духовные горизонты. При этом она безжалостно разбивает ряд старых фетишей, привычных и косных представлений, нередко приобретавших прочность настоящих народных предрассудков. Десять лет существования пролетарского государства и глубоких революционных брожений по всей планете удлинили радиус познавательных интересов в необычайной степени и *во времени и в пространстве*. Еще совсем недавно научная мысль была ориентирована главным образом *европейски*: ее orbis terrarum лежал, в первую очередь, в Европе. *Империализм и войны за колонии* разбили отчасти эту ограниченность, но они разбили ее, прежде всего, в форме варварской: замечательным символом этой «работы» является сожжение во время антибоксерской экспедиции со стороны «цивилизованных держав» великой китайской энциклопедии, насчитывавшей свыше двух десятков тысяч томов. Международный *революционный* процесс, подымающий колониальные народы, разрушает, в свою очередь, великодержавную спесь, расовые перегородки, барски-варварское отношение к так называемым «неисторическим народам», которые весьма внятным языком пред'являют свои права на историческое существование, превращаясь на наших глазах из об'екта империалистского насилия в суб'екта активного исторического процесса. Теперь уже *нельзя не мыслить*

«в континентах». Теперь, с другой стороны, уже *нельзя не считать «в миллионах»*.

Но революция раскрывает глаза и на смену *историко-общественных формаций*: она заставляет смотреть гораздо более пристально *в будущее*. До большевистской революции пролетариата в России не было *эмпирического доказательства* возможности социалистического строительства,—теперь это доказательство *дано* для всех, имеющих очи, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать. Величайшей трагедией значительной части нашей интеллигенции являлось то, что она не в состоянии была видеть *перспективу* развития. Выраставшая на базе капиталистического хозяйства, она вращалась целиком в области представлений, адэкватных этому укладу, и относительные категории капитализма—хозяйственные («частная собственность», «частная инициатива» и т. д.), политические (буржуазное государство вообще, буржуазная демократия в частности), культурные—превращала в незыблемые институты, свойственные человеческому обществу, как таковому. И если в свое время она аплодировала «тираномахам», то она в ужасе отшатнулась от пролетарского восстания, как от посягательства на вечные и лучезарные ценности человеческой культуры вообще. Эта историческая ограниченность могла быть преодолена лишь на опыте строительной работы. Если бы интервенция 1918—21 гг. смела молодое государство рабочих, вся мировая печать, начиная от бульварной и кончая научно-квалифицированной, на все лады доказывала бы крах социализма. Теперь даже экономические эксперты буржуазного мира вынуждены признавать факт сосуществования двух систем: капиталистической и *социалистической*.

Но СССР делает еще только первые шаги по пути своего под'ема. Государство пролетариев еще не в состоянии отдавать росту *«духовной»* культуры в ее квалифицированных формах столько средств, сколько было бы необходимо. *Пока* центр тяжести лежит в другом: в спешной стройке материальных производительных сил страны, могучих индустриальных единиц в первую очередь. Однако, само это противопоставление условно, ибо дальнейшее развитие поставит—и уже ставит—перед нами грандиозные научно-культурные задачи, и СССР станет—если только империализм не сорвет нашей работы—*величайшим очагом научной жизни мира*.

Это вытекает из самой природы пролетарской революции и социалистического строительства, и поэтому здесь нет ни капли преувеличения. Нужно только отказаться от привычных и шаблонных взглядов, выражающих ту относительную узость кругозора, которая свойственна буржуазному миру.

Как это парадоксально ни звучит, но даже первая фаза пролетарской революции, нашедшая свое наивысшее воплощение в октябрьском восстании, насквозь была проникнута научным духом.

Ибо коммунистическая политика классовой борьбы есть *научная* политика и притом *единственно*-научная политика. Ни одна партия, ни один класс, ни один штаб руководителей политической борьбы не опирался на такой трезвый, об'ективный, *научный* анализ соотношения общественных сил и основных тенденций развития, как рабочий класс, большевистская партия, ее руководство, Ленин. Нигде так поразительно не сказалась мощь марксистского *научного предвидения*, как в ходе нашей революции (если не говорить об общих гениальнейших предвидениях самого Маркса). Когда-нибудь, спустя много десятилетий, будет с поразительной ясностью видно, как научная марксистская теория, овладевшая массой и ставшая поэтому великой общественной силой, выводила человечество из кровавого империалистского тупика, как ленинская диалектика, превращаясь в практику революционного действия, раскрывала новые горизонты всемирной истории. Если теперь для многих эти положения звучат еще, как положения, продиктованные одним желанием épater les bourgeois, то они станут аксиомами для следующих поколений...

Разрушительный период революции ограничивается, однако, почти исключительно, опорой на *общественные* науки. *Строительный* ее период будет в возрастающей степени служить предпосылкой могучего научного расцвета *всей совокупности наук, всего знания в его целом*. При этом неизбежно будет происходить и революция в самой науке, революция, идущая по разным направлениям: и по линии метода, и по линии организации самого научного труда, и по линии соотношения между различными научными дисциплинами, и по линии практической значимости науки, и, наконец, по линии, если можно так выразиться, *самопознания науки*.

В капиталистическом обществе научное разделение труда построено почти так же анархически, как и хозяйственная его основа. Несмотря на поразительные успехи в области естественных наук (в широком смысле этого слова), за последние годы совершенно ясно обнаружился известный *тупик* в научной мысли капиталистического мира, тупик, аналогичный тому, в который зашло и искусство капитализма. В области искусства мы наблюдаем дробный анализ и полное бесплодие, когда речь идет о синтетических построениях: последние кричат сами против себя. Но то же, в известной степени, происходит и в *научной* области: мы не говорим уже об общественных науках, которые обретаются в состоянии полного паралича, и где отказ от теоретических обобщений является чуть ли не последним словом теоретической мудрости. Даже в области естественных наук дело идет гладко лишь в кругу той или другой специальности, оторванных друг от друга. Но как только подымается вопрос о крупных обобщениях, сейчас же обнаруживается состояние все-

общей неуверенности с несомненной тягой в сторону агностицизма, идеализма, религии, мистики и т. д. Колебания от крайнего рационализма и фетишизма «чистой науки» до прагматического критерия индивидуальной полезности или даже до полного принципиального отрицания всякого «ratio»—такова картина в области *научного самопознания.*

Между тем *строительство социализма* дает настоящую и действительную основу для самопознания науки. Научный труд, как и труд хозяйственный, имеет здесь тенденцию превращаться в труд, общественно организованный труд, отдельные отрасли которого непосредственно оплодотворяют друг друга, а не замыкаются броней цеха, треста, частной собственности и конкуренции. Великое значение этой перемены еще не видно теперь так, как оно будет видно завтра. Мы еще убоги с *количественной* точки зрения, но мы уже подходим к крупным *качественным* переменам, которые дадут нам, в свою очередь, и необходимое *количество.* Лучшие работники буржуазной науки обычно стоят на точке зрения так называемой «чистой науки», воображая, что эта точка зрения наиболее плодотворна и ценна. Между тем, с точки зрения *планового научного «хозяйства»* ясно видно, что идеология «чистой науки» есть фетишистское *искривление* действительного соотношения вещей, есть идеология, которая из «форм развития» превратилась уже «в оковы развития». Она смешивает «чистую» *суб'ективную научную страсть* («наука для меня всё») с *об'ективной ролью* науки, как познавательных щупалец *человеческого коллектива,* вырастающих на основе его практических потребностей и запросов. Она выдёргивает *научный* труд, который есть продолжение, завершение и регулировка труда *физического,* из всей совокупности трудовых общественных функций. Любой научный закон есть формула, выражающая об'ективные факты. Закон, как факт, есть нечто данное вне нашего сознания. Закон, как формула, есть факт, переведенный на человеческий язык. Критерий соответствия с действительностью поэтому нисколько не противоречит тому, что познавательные формулы суть инструменты и органы нашей, в конечном счете, практической ориентации. Непонимание этой истины, влечет за собой со всей неизбежностью от'единение теории от практики и от'единение одной научной отрасли от другой. Но именно это и есть основная причина кризиса буржуазной науки.

Плановый научный труд, общественно организованный, есть *новый* принцип, связанный всеми своими корнями с плановым хозяйством *социализма.* От каждого работника науки он требует всего самопожертвования и развертывания всей научной страсти. И в то же время, он создает ясное соотношение между научным трудом и всей трудовой системой человеческого общества, он вновь соединяет—в общественном масштабе—теорию и практи. Это мственный и физический труд, науку «чистую», теоретическую и прикладную, разные отрасли ее между собою, что, несомненно, в величайшей степени оплодотворит *все* отрасли знания, разделенные и в то же время образующие некое единство.

Социалистический принцип физического и научного труда, общественно-организованное воссоединение теории и практики, совершенно нелепо представлять себе на манер изолированных «заказов», идущих от фабрик к научным лабораториям—и *только.* Ничто не будет так чуждо духу социалистической культуры вообще, и социалистической науки в частности, как плоский эмпиризм, *непосредственно* ограниченный решением ряда технических задач. Об «американизме» здесь можно говорить лишь в условном смысле, а именно в смысле практической ориентировки научного труда в противоположность его школьной («схоластической») оторванности от практики. Наоборот, специфическая *ограниченность* американско-капиталистической культуры («цивилизация») versus «культура», если принимать обозначение *О. Шпенглера,* отнюдь не будет свойственна социалистическому обществу. Постоянный процесс *освобождения труда* (не только социального, но и освобождения от гнета стихийных сил природы через их покорение и целесообразное их использование) даст основу, для перераспределения совокупных производительных сил общества из сферы материального труда в узком смысле этого слова в сферу труда интеллектуального и чрезвычайно раздвинет рамки научного интереса и круг научных проблем.

Одновременно социалистическая организация общества дает всей науке *единство метода,* неизбежно выдвигая в качестве такового *диалектический материализм* Маркса. Этот процесс уже обозначился в СССР со всей резкостью. Борьба против идеализма в науке получает в диктатуре пролетариата могучую поддержку. Плакальщики и плакальщицы от идеализма, возмущающиеся этим, как отсутствием «свободы мысли», по сути дела возмущаются отсутствием свободы для «обезьяньих процессов», которые действительно *немыслимы* на территории пролетарской диктатуры. СССР, как государственная организация, берет из научного арсенала человечества самое острое, самое совершенное оружие и ведет крестовый поход против всех научно-философских суеверий. Если вспомнить, какое колоссальное количество энергии тратится буржуазной наукой на «философское» и quasi-научное оправдание буржуазного общества (а защита идеалистических позиций именно и сводится, в конечном счете, к этому), то можно видеть, какие поистине огромные накладные расходы, какие неисчислимые faux frais, влачит на себе интеллектуальный труд буржуазного мира. Общественно-практический корень научных теорий, становящийся совершенно осязаемым при более или менее плановой организации научного труда, умерщвляет

остатки идеализма, которые выстраиваются в один [illegible] богословскими трактатами, «Молотом Ведьм» и упражнениями теософов. Идеалистическими концепциями, так же мало можно двигать вперед бэконовское ars inveniendi, как заколачивать логическими понятиями железные гвозди. Вот почему таким исключительным признанием пользуется у нас, напр., школа Сеченова-Павлова или работы академика Иоффе, или наследство физика Лебедева или—в другой области—работы Маркса и Ленина.

Разумеется, не всякий материализм есть материализм *диалектический*. И само собой понятно, что *не сразу* «общественное мнение» ученых кругов усваивает себе метод, давший такие плодотворные результаты в области общественных наук. Тем не менее мы наблюдаем, как «стихийный материализм» сменяется материализмом диалектическим, как этот последний отвоевывает одну область науки за другой, как он получает все большее и большее признание, как он *становится единым научным методом*. Единство материалистического метода повышает в чрезвычайной степени познавательную боеспособность науки: и потому, что это есть единство *материалистического* метода, и потому, что это есть *единство* материалистического метода.

Метод диалектического материализма в известном смысле продолжает лучшие традиции самой буржуазии, поскольку эта последняя шла когда-то под знаменем борьбы против «идолов» и бесстрашно вскрывала реальную связь вещей. Обогащая старый материализм диалектикой, марксистский материализм бросает свой пытливый взор за все перегородки, на которых современная буржуазная методология написала свое знаменитое «Jgnorabimus». Последовательно изгоняя всех духов идеализма, вплоть до химер витализма в биологии, иллюзий «чистых логиков» в математике, стыдливого скептицизма многочисленных агностиков и т. д., диалектический материализм соединяет самое смелое опытное исследование—принципиально для него безграничное—с точной обобщающей работой теоретической мысли.

Если внедрение диалектически-материалистического метода в области все большего числа научных дисциплин само по себе является громадным шагом вперед, то, с другой стороны, факт *единства* метода крайне облегчает взаимное оплодотворение различных научных дисциплин, что, в свою очередь, не может не способствовать уточнению и заострению самого метода. «Плановое хозяйство» в области науки неизбежно будет поэтому сопровождаться и все более быстрым ростом производительности научного труда.

Наконец, следует отметить огромное *расширение* влияния науки и огромное повышение ее *роли*.

Социализм означает мощную тенденцию к *рационализации общественной жизни*, прежде всего рационализации ее хозяйственного базиса. Это не может не предполагать точнейшего научного *анализа* соответствующих факторов. Наука развивает здесь тенденцию стать *всепроникающей* силой.

Эта рационализация общественных отношений, прежде всего общественных отношений производства, не имеет ничего общего с рационализмом XVIII века. Разумное начало, т.-е. плановые принципы, хозяйственной политики пролетариата опирается само на точный научный анализ. Свобода есть для марксизма *познанная необходимость*, а не произвольный рефлекс человеческого ума. Хозяйственный план не есть комбинация цифр, данная как идеальное их сочетание «вообще»: это есть результаты строгого учета реальных соотношений, есть результаты *научной обработки* этих соотношений в условиях, когда есть материальная база *проведения* плана (государственная концентрация средств производства). Совершенно ясно, что чем быстрее будет расти социалистический сектор хозяйства, тем шире будет поле плана, рационализации, точного научного предвидения. Полемика против социализма, выдвигающая положение о вечном дуализме хозяйственного процесса, в котором противоречие между рациональным началом (план) и началом иррациональным (хозяйственная стихия) якобы является принципом, имманентным всякому обществу, как таковому, эта полемика, по сути дела, опирается на совершенно детский догмат *А. Смита*, по которому *обмен товаров* есть вечная категория, а стремление к обмену—одно из основных свойств человеческой «души». Для капиталистических улиток, приросших к скорлупе капиталистических производственных отношений, это кажется «аксиомой». Но революция рабочего класса разбила эту скорлупу и вместе с ней разбила и «аксиому»...

Плановое хозяйство социализма требует, таким образом, гигантского расширения научной работы. План есть ее результат. Но этот результат есть непосредственная *директива*. Экономическая политика и с *этой* точки зрения неминуемо пропитывается наукой, а наука превращается в могучий рычаг общественного преобразования. Уже самый размер «хозяйственного целого», являющегося об'ектом планового воздействия, говорит, насколько разнообразны должны быть отрасли науки, которые приводят в движение процесс социалистического строительства, и которые, в свою очередь, оплодотворяют это строительство. Если могучие американские лаборатории возникли на основе концентрированной, но все же разбитой на куски *частной собственностью* машинной индустрии, то не подлежит ни малейшему сомнению, что гигантский размах об'единенного и общественно организованного социалистического строительства будет порождать (и *начал* уже порождать) еще более могучую сеть научных учреждений и институтов, обнимающих все отрасли знания, от геологии и механики до медицины, психологии и этно-

графии. Размах «полета мысли» буржуазного мира ограничен, в конечном счете, уздой частной собственности и капиталистической прибыли. Размах научного творчества в СССР будет ограничиваться только общественными рессурсами страны. Уже теперь советским экономистам приходится калькулировать, иметь дело с цифрами огромного значения. Но это только зародыши будущих хозяйственных планов. Уже теперь советским инженерам приходится строить мощные электростанции, которым не мешает никакая частная собственность, никакая поземельная рента. Но и это только бледный намек на наше будущее. Эти намеки, эти зародыши грядущего, ценны для нас тем, что они красноречиво говорят, какие поистине грандиозные возможности раскрывает перед наукой строительство социалистического общественного уклада.

Ученые СССР совершенно правильно поставили сейчас в центре своей работы, изучение производительных сил нашего Союза. Со всех сторон закипает эта работа. Но и здесь самый круг проблем будет гораздо шире, чем в капиталистических государствах.

И не только по тем причинам, о которых мы говорили выше. В капиталистическом обществе нет интереса в сбережении *человеческого организма*. Между тем, чем больше будет расти социализм в нашей стране, тем более пристальное внимание будет уделяться самой живой рабочей силе, самому хозяйствующему суб'екту, самой массе физиологических организмов. Капиталистическое изучение человека (включая т. н. психотехнику) исходит из принципа капиталистической «рентабельности». Между тем, социалистическое хозяйство в высочайшей степени заинтересовано в *сбережении* организма трудящихся. Отсюда в будущем расцвет наук, изучающих самого человека, и с точки зрения физиологии труда, и с точки зрения физиологии вообще. Сюда же относится и другая сторона дела. Капиталистическое общество систематически подавляет т. н. «инородцев». Социалистическое общество раскрепощает все народности. Уже теперь СССР дал могучий толчок расцвету национальных культур. Отсюда в будущем неизбежный расцвет не только этнографии, но и истории, и филологии, и других дисциплин, занимающихся изучением национально-своеобразного. Уже сейчас даже в таких науках, как сравнительное языкознание и теория языка, имеются попытки, исходящие из прямого восстания против «великодержавных» филологических теорий. Не входя в оценку этих попыток, мы можем все же констатировать, что принципиально—иное соотношение между *народами* на территории СССР, есть прочный базис для расцвета новых научных постановок вопроса в ряде теоретических отраслей.

Есть еще одна существеннейшая сторона дела, которую никоим образом не следует обходить даже при кратком анализе

особого положения науки в СССР. Это вопрос о *научных кадрах*. В эпоху гражданской войны и голода научные кадры значительно поредели. Но значительная часть оставшихся героически преодолевала препятствия и продолжала работать. Нельзя не признать, что прослойка действительно квалифицированных научных сил у нас недостаточна. Однако, весь ход развития говорит за то, что и с *этой* стороны в СССР дело будет двигаться не медленнее, а быстрее, чем в капиталистических странах.

Можно с известным правом сказать, что тот порядок социальных отношений исторически выше, исторически прогрессивнее, который максимально расширяет *поле подбора* квалифицированных работников умственного труда, так называемых «талантов», вождей в различных отраслях научной работы. Но как раз в этом отношении *пролетарская* демократия является непревзойденной формой государственного бытия. Впервые, подняты к культурной жизни огромнейшие человеческие массы. Впервые, для них уничтожены рогатки на пути к образованию. Впервые, это образование стало терять характер кастовой и классовой монополии незначительных в числовом отношении общественных групп. Другими словами: впервые в человеческой истории так *расширилось селекционное поле* для руководителей и квалифицированных работников культуры.

Почти у каждого процесса, в том числе и у процесса революции пролетариата, имеется своя фразеология. В настоящее время мы имеем громадное *экстенсивное* распространение элементарной культурности. Оно еще не дало—но оно скоро даст—свои результаты в смысле *углубления* этой культурности. К этой фазе развития мы уже начинаем переходить, и тогда вопрос о *научных кадрах* будет решен так же, как сейчас решается вопрос о «восстановлении» нашего хозяйства: мы будем иметь «бурный рост» квалифицированных работников научного труда.

СССР—страна величайших возможностей. Не даром буржуазные «геополитики» предрекают ей блестящую будущность. Но она будет быстро расти не только потому, что вопрос решает *масса*: масса *пространства*, масса *населения*; не только в силу своеобразного своего положения на великом европейско-азиатском континенте; и не только в силу своих неистощимых естественных богатств, еще дремлющих тяжелым сном во всех концах необ'ятной пролетарской родины. Она быстро растет—и будет расти все быстрее—потому, что Октябрьская революция пролетариата круто повернула руль всего общественного развития и приоткрыла перед народами бывшей императорской России возможности, совершенно неизвестные и невозможные для капиталистических стран.

Но Октябрьская революция не есть изолированный акт. И СССР не стоит в стороне от могучего международно-революционного брожения. Наоборот. Сама Октябрьская революция родилась из колоссальнейшего кризиса мировой капиталистической сис-

темы. СССР есть первый крупный революционный кристалл, вокруг которого *неизбежно* будут оседать другие. И чем дальше будет итти революционный процесс, чем шире будет развертываться великая работа переделки мира, тем грандиознее будут перспективы, развертывающиеся перед наукой.

Невиданный кризис, переживаемый человечеством, может быть разрешен только на пути Октября, на пути СССР. *Империализм* пытается разрешить его подготовкой новых истребительных войн, и наука капиталистического мира со всех сторон обслуживает эту задачу. *Пацифизм* об'ективно лишь расслабляет волю трудящихся, а в научном отношении он не выдерживает никакой критики, опираясь на иллюзии, не имеющие никаких корней в действительных соотношениях. *Идеалистическо-мистические* течения современного буржуазного мира выражают собой процесс гниения и декаданса. Они прямо *враждебны* точному научному знанию и рациональному мышлению вообще. Из всех сил современного общества, только *рабочий класс* может претендовать на роль массовой силы, выводящей человечество из грозной и истребительной катастрофы.

Вот почему наука в СССР выполняет благороднейшую задачу: она помогает делу высвобождения человечества от позора нашего времени, от варварства империализма. Она помогает строить новый порядок отношений, в котором не будет места войнам, торгашеству, насилию. Она помогает строить разумное хозяйство, управляемое коллективом разумных людей. Она помогает строить *социализм*.

Но тем самым наука поднимает на небывалую высоту и свою собственную роль. Из служанки богословия она превратилась когда-то в служанку золотого тельца. На наших глазах она превращается в друга и товарища трудящегося человечества. Она помогает строить социализм. Но строительство социализма само есть наука в действии. Социализм и наука неотделимы. Высшая степень плановости есть высшая степень научного руководства. Поэтому расцвет социализма означает не только расцвет материальных производительных сил и не только уничтожение власти человека над человеком: он означает также величайший триумф человеческого *знания*. Когда творцы электрического стула, на котором погибли Сакко и Ванцетти, и режиссеры «обезьяньего процесса» против замечательнейшей естественно-научной теории XIX столетия кричат о «варварстве Советов»; когда инспираторы новой империалистской войны спускают с цепи своих «Авгуров» с криками: «Sovjets versus civilization»,—рабочий класс нашей страны вместе с учеными ее может спокойно сказать, что красное знамя октябрьского «great rebellion» навсегда стала знаменем не только освобожденного физического труда, но и *освобожденной науки*.

В. А.

Австро-марксистская „социализация“.

В противоположность Реннеру, отодвигающему роль государства в деле проведения социализации на задворки, официальный идеолог и автор программы австрийской социал-демократии Отто Бауэр обладание политической властью об'являет «первой предпосылкой» социализации. В программном докладе на Линцском с'езде австрийской социал-демократии Бауэр говорит:

...«Пришло время, когда австрийский пролетариат ставит задачей *этой* исторической эпохи, целью этого поколения—*завоевание политической власти, как первую предпосылку борьбы за хозяйственную власть, за овладение средствами производства*. И отсюда новая структура этой программы. Мы хотим—в этом состоит подлинная мысль программы—истолковать завоевание власти, эту предпосылку построения социалистического общественного порядка, не просто как тенденцию развития, что стояло в нашей старой программе и что, конечно, остается, но, в то же время, как *стратегическую задачу* партии» [1]).

План социализации Бауэра—это в основном план социализации *после* «завоевания политической власти».

Точно так же и австрийская с.-д. программа говорит об «обобществлении» «*после* овладения властью в собственной стране» [2]). «Переходный период» от социализма к капитализму австро-марксисты рассматривают, как период, наступающий в основном *после* «завоевания власти».

Вместе с тем, их программа об'являет целью «обобществление концентрированных средств *производства и обмена*», а для краткости в некоторых местах ее говорится просто про «обобществление средств *производства*».

Таким образом, официальная австро-марксистская идеология формально отвергает и реннеровскую «экономическую ориентацию» и его «примат обращения» в деле социализации. Этим она внешне выглядит несколько более «благопристойно», отдавая формальную дань ряду общеизвестных марксистских положений. Как мы увидим, однако, дань эта лишь чисто формальна.

Чтобы рассмотреть во всей красе бауэровский план социализации, лучше взять не самую партийную программу, где формулировки более общи и кратки, а произведения Бауэра и прежде всего его брошюру «Путь к социализму», вышедшую в 1919 году. Отклонения от этого «первоисточника», имеющиеся в программе, мы оговорим особо.

Эту брошюру, первоначально помещенную в виде ряда статей в «Венской Рабочей Газете» («Wiener Arbeiter Zeitung»), Бауэр

[1]) Protokoll d. s. d. Parteitags Wien. 1926. Стр. 255.
[2]) Там же, стр. 192.

писал в обстановке, когда социал-демократы в Австрии стояли у власти, располагая большинством в правительстве и относительным большинством в парламенте. «Завоевание власти», как лозунг «исторической эпохи», «этого поколения» и пр., таким образом, в *те* времена для Бауэра, казалось, был уже «позади»: австро-марксизм храбрился и, под давлением революционно настроенных масс, уже говорил о социализации, как «задаче дня». По этой причине также имеет смысл познакомиться с брошюрой Бауэра, имеющей «историческое» значение для австро-марксизма.

«Социализация народного хозяйства должна *начаться с тяжелой индустрии*: сначала должны быть обобществлены угольная и рудная промышленность, железная и стальная индустрия» [1]).

«*Социализация начинается с экспроприации* [2]) *собственности: государство силой своего закона об'являет прежних собственников тяжелой индустрии лишенными их собственности* [3]).

Начало, пока что, недурно. Почитаем дальше.

«Очень многие *отрасли* индустрии,—говорит Бауэр,—еще *вообще* (?) не готовы для социализации. Мы не сможем их сразу социализировать, но должны сначала организовать, чтобы подготовить их позднейшую социализацию» [4]).

При этой постановке вопроса Бауэром, у него *все отрасли*, кроме отраслей тяжелой индустрии, у Бауэра попадают в число «очень многих неготовых»: текстильная, химическая и другие отрасли производства *целиком* и *механически* зачислены в незрелые для социализации, ибо автор говорит о социализации только по *отраслям* производства, а не по величине и концентрированности предприятий в каждой отрасли. Но не будем к этому «придираться», ибо это все же более или менее «конкретный» и практический вопрос.

Сам же по себе принцип, если бы его принять всерьез,—экспроприация сперва более зрелых для социализации предприятий—при одновременной организации менее зрелых с целью подготовки их социализации в будущем,—возражений не вызывает и в Советской России проводится. Организация «незрелых» предприятий играла даже очень большую роль в первоначальных хозяйственных планах советской власти (перспектива государственного капитализма в пролетарском государстве, начало 1918 года [5]). Но пойдем дальше.

Основным принципом проведения социализации Бауэр считает тот принцип, что мероприятия социализации не должны понижать «производства благ». Надо,—говорит он,—«*проводить это преобразование так, чтобы при этом не страдало производство благ*».

---

[1]) «Der Weg zum Sozialismus». Цитируется по 12-му изданию. Wien 1921, стр. 9. Неоговоренный курсив наш. В. А.

[2]) «Бауэр здесь употребляет слово Enteignung» — «отчуждение» или экспроприация. В других главах брошюры Бауэр прямо говорит об «экспроприации экспроприаторов». («Die Expropriation der Expropriateure»).

[3]) Там же, стр. 10.

[4]) Стр. 12.

[5]) Между прочим, Бауэр заявляет, что он свои социализаторские идеи заимствовал из двух источников: из гильдейского социализма и из первых мероприятий большевизма в области организации народного хозяйства, как они наметились «на 1-м с'езде Совнархозов в мае 1918 года» (см. его «Der Weg», стр. 4, а также брошюру «Bolschewismus oder Sozialdemokratie», стр. 98).

На этом основании он *отвергает перспективу «в один прекрасный день насильственно* овладеть всеми (?) предприятиями», ибо «такое преобразование было бы, конечно, возможно только в кровавой *гражданской войне*; а война, само собою разумеется, в сильной степени *разрушила бы* средства производства—машины, железнодорожные материалы». «Сразу» овладеть «*всеми*» (?) предприятиями, разумеется, никогда ни один нормальный человек не предлагал. Но не трудно «догадаться», что Бауэр направляет здесь свой удар против коммунистов, которые предлагают «сразу» (хотя может быть и не в «один» день) «насильственно овладеть» *крупнейшей* промышленностью *без всякого выкупа*.

Гражданская война, продолжает рассуждать Бауэр, привела бы к блокаде со стороны «капиталистической заграницы» и к саботажу «директоров, инженеров, химиков, управляющих имениями, техников, служащих» и т. д. А без их помощи «*рабочие разве были бы в состоянии одни «справиться с организацией хозяйства»?*

Бауэр полагает, что поставив этот «убийственный» вопрос, он уже тем самым на него ответил: отрицательный ответ у него подразумевается сам собой.

При гражданской войне, стращает Бауэр рабочих, сами рабочие не имели бы для работы «ни покоя, ни интереса; интенсивность труда ужасно понизилась бы».

В итоге,—«*распределение благ было бы справедливее; но отдельный рабочий получал бы, несмотря на это, не больше, а, вероятно, даже значительно меньше, чем теперь*, потому что, если много *меньше было бы произведено* благ, то *меньше их было бы и для распределения. Народ, который все же ожидает от социализма улучшения своего положения, был бы ужасно разочарован, и это разочарование стало бы оружием в руках контрреволюции*» [1]).

Разумеется, рабочий класс стремится свести к минимуму снижение производства и уменьшение «производимых благ» в период пролетарской революции. Однако, опыт показывает, что *сопротивление капиталистов* неизбежно ведет к временному расстройству процесса производства, независимо от воли рабочего класса. Даже буржуазные революции проходили в условиях того или иного хозяйственного распада. Как же может миновать этого *исторического закона* несравненно более глубокая и сильная пролетарская революция, взрывающая *основу* эксплоатации,—частную собственность? Мыслимо ли провести в жизнь столь *педантский* план: рубить лес так, чтобы не летели щепки?.. Заранее можно сказать, что в основе этого педантства лежит не мысль о проведении социализации, а забота об *отсрочке* гибели капитализма, заставляющая оппортунистов выдумывать несуществующие «причины» и «условия», *якобы* препятствующие пролетарской победе.

Рассуждения Бауэра о «народе» насквозь проникнуты «барским», высокомерным отношением к народу. Так о народе может говорить и мыслить только представитель *господствующего* класса буржуазии или его прислужник, относящийся свысока к «черни», которая «ждет улучшения своего положения», а если улучшение *сейчас же*, немедленно не воспоследует, то эта «чернь» якобы немедленно «разочаруется» и перебросится на сторону контр-

---

[1]) «Der Weg zum Sozialismus». Стр. 8—9.

революции. По-настоящему, де, способны бороться за исторические классовые идеалы только люди, одушевленные «стремлением к свободе», получившие «образование и воспитание»!

Каждое слово этих подлых рассуждений—плевок в рабочих и крестьян, в славную историю их борьбы. *Все* революции *без исключения* всегда показывали огромную готовность народных масс к величайшим жертвам (разумеется, временным) для достижения крупных исторических задач своих классов. Зачем брать английские и французские революции, где даже в *буржуазных* переворотах народ доказал это величайшими подвигами? Разве не ближе всего стоит к нам пример Советской России, где рабочие и крестьяне вынесли три—четыре года непрерывных тягчайших лишений для того, чтобы *победить*, изгнать за пределы своей страны помещиков и капиталистов? Разве они не *научились* управлять промышленностью, не *заставили* работать на рабочий класс «инженеров и химиков»?

Для Бауэра этого непререкаемого исторического опыта не существует. Он надеется исключительно «*демократическими средствами*», *без* «*насильственных*» мер, ведущих к гражданской войне, провести социализацию. В чем же состоят чудодейственные демократические рецепты Бауэра?

Прежде всего надо знать, как замечательно Бауэр расшифровывает свои «революционные» слова об «экспроприации экспроприаторов». Это—классический пример употребления марксистами революционных фраз для прикрытия гнусного оппортунистического делячества:

«*Собственники* (тяжелой «экспроприируемой» индустрии. *В. А.*),—пишет он,—*должны быть вознаграждены*; *потому что было бы несправедливо (!) отнять собственность у акционеров угольных шахт и металлургических заводов, в то время как все другие капиталисты остаются во владении их собственностью*» [1]..

Вот тебе и «экспроприация экспроприаторов»: *за чистые денежки!..*

Мотивировка соображениями «справедливости» в данном случае так выразительна и бесподобна, что к ней трудно чего-нибудь добавить. Когда «социалист» опускается до того, что начинает считать капиталистическую собственность *справедливостью* и требования ее выкупа — справедливыми, остается только развести руками.

Однако, предположим, что люди, размягченные сердцем под влиянием апелляции Бауэра к чувству справедливости, овладеют властью от имени пролетариата. Откуда же они возьмут деньги для вознаграждения собственников (шутка это, что ли?) *всей* (сначала тяжелой, а потом, очевидно, и остальной) промышленности?

На этот счет Бауэр проектирует:

«Выкупную сумму, которую государство должно уплатить бывшим собственникам тяжелой индустрии, *обязаны внести все капиталисты и помещики в их совокупности*. С этой целью государство вводит прогрессивный подоходный налог со всех капиталистов и помещиков, поступления которого обращаются на то, чтобы вознаградить экспроприированных акционеров тяжелой индустрии. *Таким образом, экспроприированные акционеры не потерпят никакой несправедливости: их предприятия будут выкуплены по их полной стоимости* (вот это настоящая австро-марксистская «справедливость»!—*В. А.*) и они потеряют из их доходов только часть, которую они, точно так же, как все другие капиталисты, должны внести в качестве подоходного налога. *Рабочий народ таким образом придет бесплатно* («*umsonst*»! Слушайте! *В. А.*) *в обладание тяжелой индустрией*; *потому что не народ, а капиталистические классы возьмут на себя выкупную сумму*» *(!)*.

[1]) «Der Weg» u. s. w. Стр. 10.

И Бауэр строит подробный план обложения налогами капиталистов. Рассчитывая с них еще, кроме того, собрать уплату военных долгов Антанте и пр., он приходит к выводу, что у капиталистов будет отбираться «*четыре девятых их дохода*» [1]).

Глядишь—и не знаешь, чему тут больше удивляться: то ли финансовому «гению», каким себя здесь проявляет Отто Бауэр, то ли его социал-демократической гнусности.

Как это: «*не* народ, *а* капиталистические классы» внесут выкупную сумму? А откуда же эти «классы» *сдерут* эту «сумму», как не с «народа»?

Или Бауэр думает, что капиталисты и помещики могут (если бы даже предположить, что они, под влиянием социал-демократической пропаганды, воспылали таким желанием) вознаградить своих экспроприированных коллег за счет сокращения *своего собственного* личного потребления? Однако, надо быть круглым идиотом, чтобы строить такое предположение, ибо оплатить предстоит многие *миллиарды*, составляющие полную ценность предприятий.

Рассчитывает ли Бауэр, что капиталисты будут брать средства для взноса налога из той (несравненно большей, конечно) части прибыли, которая идет не на их личное потребление, а на пополнение постоянного капитала, на расширение и улучшение предприятий? Не говоря уже о том, пойдут ли на это капиталисты без применения к ним диктаторских средств, — но куда же в таком случае девается план «вызревания» капиталистических предприятий до социализации, если средства, до сих пор шедшие на повышение техники, должны будут идти, как в прорву, на выплату огромных сумм чистейшим паразитам общества?

На самом деле, понятно, у капиталистов, «обложенных» Бауэром, был бы один очень простой исход, обычное и испытанное средство получения денег для налогов: капиталисты стали бы сильнее нажимать на рабочих и потребителей, сокращая зарплату, увеличивая рабочий день, повышая цены. Это при «социалистической»-то власти!..

Но предположим, что крупным тузам тяжелой индустрии уплатят выкуп другие капиталисты. А кто будет платить этим другим, когда придет черед их «отчуждать»? Тоже «не народ»? А не платить, пожалуй, будет «несправедливо», особенно после того, как с них же брали налог в пользу «бедных» самых крупных—богачей? Быть может, Бауэр тогда пойдет им «собирать» с шапкой?..

[1]) Там же, стр. 10 и 32.

Бауэр развертывает детальный план управления «отчужденной» и «организуемой» промышленностью, так как будто бы она уже находилась у него в руках. План этот весьма напоминает шитье шубы из шкуры неубитого медведя.

Государство, отчуждая тяжелую индустрию у собственников, однако, в свои руки ее не берет. Бауэр *против национализации (огосударствления) промышленности* и доводы его таковы:

«Кто должен управлять обобществленной промышленностью? Правительство? Отнюдь нет! Если бы правительство обладало всеми доступными ему предприятиями, тогда *оно было бы слишком могущественно по отношению к народу и парламенту*; *такое усиление власти правительства было бы опасным для демократии* (!) Вместе с тем, правительство управляло бы обобществленной промышленностью плохо: никто не управляет индустриальными предприятиями хуже, чем государство. Поэтому мы, социал-демократы, всегда требовали *не огосударствления, а обобществления* индустрии» [1]).

«Обобществление, а не огосударствление» Бауэр рисует себе так. Управление промышленностью составляется, сверху до низу, на основе равного представительства *трех* сторон: *треть* мест в управлении принадлежит государству, *треть*—рабочим и служащим данной отрасли производства в лице их профсоюза и *треть*—«потребителям», при чем под последними имеется в виду не обязательно кооперация, но и «индустриальные организации», если только они закупают продукты данной обобществленной отрасли промышленности (эти «потребители» могут быть, само собою понятно, и капиталистами).

Что касается не обобществленной, а «организуемой» промышленности, то здесь, вместо нынешних трестов и центров, в каждой отрасли создается «индустриальный союз», «совет управления» которого, опять-таки, носит смешанный характер: одна четверть мест принадлежит государству, другая четверть—профсоюзу, третья—«потребителям» и четвертая—предпринимателям данной отрасли.

Эти общие организационные предположения, однако, не исключают других форм обобществления, которое, по словам Бауэра, в различных отраслях производства будет проходить различным образом (передача предприятий муниципалитетам и общинам, кооперативам, сельскохозяйственным и другим товариществам и т. д.).

В основе всего этого плана лежит глубоко оппортунистическое отношение Бауэра к вопросу *о государстве*. Если принять всерьез, что Бауэр действительно одушевлен намерением проводить социализацию и хочет говорить о задачах настоящего пролетарского государства, то его доводы против национализации не выдерживают никакой критики.

Решающим преимуществом социалистического хозяйства, доставляющим ему победу над капитализмом в хозяйственной борьбе, является *плановость*. И вот, Бауэр добровольно разоружает свою социализацию в этом вопросе, не отдавая даже тяжелой индустрии в руки *единой* организации, способной проводить твердую плановость. *Обще*-классовая организация, государство, располагает только третью голосов в органах управления тяжелой промышленностью, где ему противостоит, пожалуй, такая же треть капиталистов-потребителей («потребителем» продуктов тяжелой индустрии, машин и т. д. является прежде всего легкая индустрия, остающаяся, по плану Бауэра, вся в частных руках). Остальная решающая в спорах государства с частниками треть голосов отдается не *обще*-классовой организации пролетариата, а представителям рабочих и служащих данного производства, подверженным самым разнообразным, местным, цеховым и другим влияниям.

[1]) Стр. 10.

Тяжелая индустрия поплыла бы «по воле волн», вместо того, чтобы быть мощным рычагом централизованного руководства всем народным хозяйством.

Не имея преимущества социалистической плановости перед частным хозяйством, разлагаемая, к тому же, изнутри своих органов управления капиталистами, «обобществленная» индустрия неизбежно только дискредитировала бы идею социализма, сдавая позиции капиталистическому предпринимательству.

В то же время государственная организация, оторванная от *первейшей жизненной* функции пролетарской власти—от организации хозяйства, лишенная экономической силы и экономического фундамента, неизбежно должна была бы загнить и либо упасть, либо прозябать в виде паразитически-бюрократического аппарата парламентской болтовни под дирижерством буржуазии.

Таким образом, отказ от национализации крупной промышленности одним разом убил бы и социализацию и пролетарское государство.

Отношение к пролетарскому государству со стороны австромарксиста вообще замечательно характерно. Он озабочен не тем, чтобы оно было *достаточно* сильно для проведения в жизнь огромных экономических преобразований, его «гложет» другая мысль: как бы пролетарское правительство не оказалось *слишком* (!) сильно. Ничем, кроме тайного или явного воздыхания по осужденному на смерть капитализму такая ренегатская «установка» вызвана быть не может. В ней сквозит глубокое *неверие в пролетариат* и его силы, неверие в способности пролетариата создать подлинно социалистическую пролетарскую власть.

Если речь идет о *настоящей* пролетарской власти, то чем *сильнее* будет она, тем скорее, легче и *безболезненнее* будут проведены ею меры, лежащие в интересах подлинных народных масс, пролетариата и трудящегося населения города и деревни. Тем к большей активности она сможет пробудить массы, привлекая к делу организации национализированной промышленности и профсоюзы, и кооперативы, и другие организации под своим руководством.

Но, разумеется, если не верить в способность пролетариата построить свое, классовое сверху донизу государство, верное интересам пролетариата и руководимых им масс, если видеть в перспективе не работающее классовое пролетарское правительство, а плод сменяющихся парламентских комбинаций и блоков с буржуазными партиями, при «демократическом» сохранении старого чиновничьего аппарата,—тогда законно ставить вопрос о *гарантиях* против «усиления власти» этого правительства, тогда можно оспаривать необходимость национализации крупной промышленности.

Только исходя из такой предпосылки, Бауэр может претендовать на логику в его отрицательном отношении к национализации. Но тогда логика поднимает новый скандал в другом звене его предположений: если имеется в виду государство не пролетарское, тогда вообще смешно говорить о социализации, тогда грохается на пол вся воздвигнутая Бауэром постройка.

Что эта теоретическая постройка гнилостна с самого ее фундамента и до карниза, показывает еще пункт о социализации *банков*. Известно, что современные банки—узловые пункты руководства индустрией. Далее, известно, что даже в старое время Маркс упрекал парижских коммунаров в том, что они, взяв власть, не захватили сразу банка. Для Отто Бауэра в этом отношении «закон не писан». Он говорит:

«*Социализация банков не может быть началом великого дела социализации; она должна быть его заключением и укоронованием*» [1]).

Таким образом, у «пролетарского» государства при проведении социализации не должно быть в руках не только крупной промышленности, но и банков для руководства промышленностью. Мало того, что банки не будут в руках государства, но они останутся целиком *в частных* руках, такими, какие они есть сейчас. Таким образом, вся «обобществленная» и «организуемая» промышленность остается под высокой рукой и под руководством частных банков, как и вся прочая промышленность. Нечего и говорить, что при таких условиях, хотя бы политическую власть и держали Бауэры, экономический спор между «обобществленными» и частными предприятиями банки своей кредитной политикой всегда решат в пользу последних.

О монополии внешней торговли, как об одном из основных устоев социалистического строительства, у Бауэра речи нет. В применении к Австрии, он говорит лишь о монополии на ввоз и вывоз хлеба и о возможности монополизировать внешнюю торговлю кофе, какао, чая и хлопка. Как известно, кроме того, австрийская «комиссия по социализации» разрабатывала еще проект социализации крупной торговли углем.

Говоря о социализации сельского хозяйства, он опять-таки откладывает на конец даже момент обобществления сельскохозяйственных кредитных и гипотечных банков, предоставляя, таким образом, процесс развития сельского хозяйства целиком руководству частного банкового капитала. О социалистическом пути развития деревни в таких условиях и речи быть не может: кооперирование крестьянских хозяйств, которое Бауэр защищает, как путь к социализму, в таких условиях останется одной из форм развития капитализма [2]).

Такова была первоначальная программа социализации Бауэра. Официальная программа, принятая австрийской с.-д. спустя 7 лет, в 1926 году, оставляет открытыми два вопроса, по которым Бауэр высказался очень определенно: это вопрос о времени социализации банков и о вознаграждении предпринимателям. В 1919 году социал-демократы стояли у власти и приходилось давать ответы на эти вопросы. Теперь «завоевание власти» снова оказалось

[1]) Стр. 29.
[2]) Постановку Бауэра вопроса о социализации сельского хозяйства, мы в этой статье опускаем.

где-то впереди и «тактичнее» умолчать перед рабочими о некоторых своих намерениях и перспективах: авось рабочие подумают об австро-марксистах лучше, чем они того заслуживают.

Что касается вопроса о национализации, то программа отступает от первоначальной непримиримой позиции Бауэра и говорит о передаче крупной промышленности в «собственность общества» («Gemeinwesen»), под чем разумеется государство и местные общины вместе.

Это уже как будто программа непоследовательной и неясно сформулированной национализации. Однако, банки остаются в стороне от государства. К тому же и свои предприятия государство может передать для ведения их другим организациям.

Соответствующее место программы гласит:

«Частные и церковные, лесные и сельскохозяйственные крупные поместья, застроенная территория больших городов, горное дело, крупные предприятия индустрии и транспорта должны быть переведены в *собственность общества*, капиталистическая торговля, капиталистические банки и страховые общества должны быть заменены частью посредством учреждений общества («Gemeinwesen»), частью кооперативными учреждениями.

«Произойдет ли экспроприация собственников с их вознаграждением или без него, это зависит от особых обстоятельств в момент экспроприации. *Если оно произойдет с вознаграждением*, то выкупные облигации должны быть *в течение человеческого возраста* погашены из дохода от состояний и налога на наследства».

(Только наивные люди могут думать и только обманщики могут утверждать, что рабочие согласятся на добровольное закабаление себя капиталистам еще в течение *целого «человеческого возраста»* после того, как власть перейдет в руки рабочих! *В. А.*).

«Обобществленные крупные предприятия будут вестись, в соответствии с их характером, как государственные, местные или общинные предприятия, или будут переданы под руководство общественно-хозяйственным учреждениям, автономным хозяйственным образованиям или кооперативам» [1]).

Основной дух и тенденции программы остались те же, что были у Бауэра и в 1919 году, но, конечно, официальный документ более аккуратно «причесан», чем индивидуальное литературное произведение.

Будут ли австрийские социал-демократы проводить *хотя бы* эту программу, если они придут к власти? В этом приходится усомниться самым серьезным образом уже по одному тому, что австро-марксизм заранее оговаривает ряд *условий*, без которых социализация «не выполнима».

Из этих условий заслуживает внимания прежде всего, отказ от строительства социализма *в одной* стране. В одной стране австро-марксисты признают возможным для пролетариата овладеть властью, но не признают возможным построить социализм. Программа их по этому поводу гласит:

«Но (знаменательное «но»! *В. А.*) социалистический общественный порядок *не может быть построен в отдельной*, маленькой, зависящей от мировых капиталистических держав стране, а только в больших связанных между собою областях, которые

[1]) Протоколы, стр. 190—191.

заключают в себе предпосылки социалистического планового хозяйства. Поэтому социал-демократическая партия после завоевания государственной власти в своей стране сможет проводить обобществление средств производства, сконцентрированных в руках капиталистов и помещиков, *только лишь по мере того, как развитие в других странах уже подготовит предпосылки для этого. По мере зрелости этих предпосылок будет проводиться переход от капиталистического способа производства к социалистическому...»* [1]).

Это *австро-марксистское положение о невозможности построения социализма в одной стране*, много раз расшифровывалось социал-демократами более конкретно, как целиком применимое к Австрии. В той же брошюре («Путь к социализму») Бауэр писал:

«Он (социализм) предполагает государство, по его сути способное провести социальное преобразование. Эту предпосылку именно мы в немецкой Австрии должны принять во внимание. Потому что мы стоим еще перед большим вопросом, быть ли нашей немецкой Австрии составной частью большой Немецкой Республики или ей придется об'единиться в один государственный союз с Чехией, Юго-Славией, Венгрией, Польшей и Румынией,— в «*Дунайскую Федерацию*»...

«Представьте себе такую федерацию дунайских народов! Кто должен был бы проводить социализм внутри этой федерации? Правительство немецкой Австрии? Но нельзя себе представить, чтобы в одной и той же федерации, в одной и той же хозяйственной области могли быть об'единены социалистическая Австрия с капиталистическими соседями. *Или должна вся федерация в целом итти по пути к социализму? Союзное ли правительство, составленное из представителей многих наций, должно проводить социализацию? Социализация предполагает прежде всего сильное, единое, дееспособное правительство, которое могло бы сломать сопротивление капиталистов* (когда надо говорить *против* социализации, то у Бауэра находятся даже такие «грозные» аргументы! *В. А.*), построить могущественные, единые, полные сознания социалистические организации. Союзная власть одной только рыхлой федерации *не могла бы* осилить этой громадной задачи. Наше вхождение в Дунайскую федерацию, таким образом, загородило бы нам надолго дорогу к социализму».

«Совершенно иными будут наши перспективы, если Немецкая Австрия будет составным государством большой немецкой республики»... «Там будет существовать сильная государственная власть»... «И что эта власть будет исполнена воли итти к социализму, в этом нам порукой численность, духовная зрелость и революционная решимость немецких рабочих. Присоединение к Германии, таким образом, знаменует для нас дорогу к социализму» [2]).

Итак, не только в одной Австрии, но и в целой «Дунайской Федерации», *включая Венгрию, Польшу, Чехию, Юго-Славию, Румынию*,—Бауэр не считает возможным построить социализм.

При этом Бауэр умалчивает о Советской России, территория которой с востока примыкает непосредственно к территории «дунайских» государств и которая всегда готова была войти в

[1]) Прот. стр. 190.
[2]) «Der Weg», стр. 35—36.

один союз с государствами, действительно стремящимися к социализму. Но ведь и Россию он считает страной, где предпосылок для построения социализма нет.

Таким образом, речь идет не об «одной маленькой стране», как скромно сформулировано в программе, а вообще об «отсталых» восточно-европейских странах, независимо от их числа и величины: в них построить социализма, по Бауэру, невозможно.

Пока что, до революции в других странах, программа австрийцев является программой завоевания политической власти *без хозяйственной власти»*. По сравнению с реннеровской утопией «социализации» хозяйства при государстве буржуазии, это—утопия навыворот, ибо пролетариат *не может* удержать политической власти, *оставляя* центры хозяйства в руках капиталистического класса. Надо совершенно отказаться от азбуки исторического материализма, чтобы стать на бауэровские позиции и проповедовать захват власти пролетариатом без *одновременного* подведения под эту власть минимально необходимого экономического фундамента, без национализации крупной индустрии, банков, железных дорог, без конфискации поместий.

Заранее можно сказать, что если такое «завоевание власти» и удастся социал-демократам, то правительство останется игрушкой в руках обладателей хозяйственной мощи, капиталистов. Ни о какой подлинной пролетарской власти в этом случае и речи быть не может. Это убедительно доказывает богатейший опыт послевоенных революций в Европе.

Между тем, австро-марксизм имеет еще «условия», которые он выставляет, как «предпосылки» социализации.

«Первая предпосылка социализации, конечно, есть мир», говорит Бауэр [1]). В случае войны, внешней или внутренней, проведение социализации, таким образом, должно быть отсрочено. В случае войны, с.-д. оставят в неприкосновенности капиталистов, как будто специально для того, чтобы им было кого «оборонять»!.. Опыт гражданской войны в России, которая вынудила русских коммунистов ускорить проведение экспроприации буржуазии, здесь перевернут вверх ногами [2]).

Не только социализация, но и момент взятия власти господа Бауэры связывают, как с непременным условием, *с высокой кон'юнктурой капитализма*. Бауэр пишет:

«*Только в период, когда хозяйственная кривая снова будет подниматься*, будет снова усиливаться вместе с профессиональной и политическая сила рабочего класса. *Сила, которая необходима для завоевания политической власти, будет приобретена рабочим классом впервые в периоде поднимающейся кон'юнктуры»*... Конечно, *мы сможем завоевать власть только тогда, когда новый под'ем хозяйственной жизни* увеличит силу пролетариата» [3]).

«Оседлать» капитализм в период его под'ема, когда он *наиболее* силен, когда буржуазное государство устойчиво, когда капи-

[1]) «Der Weg», стр. 34.
[2]) Необходимо, однако, заметить, что логика событий в 1919 году вламывалась даже в черепную коробку Бауэра, заставляя его противоречить своим собственным теориям. В той же самой брошюре он заявлял, что именно условия разрухи военного времени диктуют необходимость для Австрии шагов к социализму. Он писал: «Война вызвала огромные хозяйственные сдвиги; эти сдвиги делают социализм совершенной необходимостью и т. д. («Der Weg», стр. 6.).
[3]) Bauer «Zum Parteitag». (К партийному с'езду). «Der Kampf», № 11, 1925 г., стр. 403, 409.

талистическое производство в *наибольшей* доступной ему мере «удовлетворяет» массы продуктами и «снабжает» их работой,—в этом у социал-демократов состоит одна из их отговорок от революции, превращающая их в добровольных слуг капитализма.

Далее, для «социализации» нужны «моральные предпосылки», о которых Бауэр говорит так, что «большинство народа должно быть исполнено социалистическими убеждениями, одушевлено волей к социализму» [1]). Довод звучит насмешкой над автором, который считает условием овладения властью—получение социал-демократией большинства голосов, что, очевидно, для него уже должно означать, что большинство «исполнено убеждений» и «воодушевлено». Но к таким доводам все оппортунисты любят прибегать именно в виду крайней растяжимости этих доводов.

На с'езде же в Линце Бауэр говорил, например, что «люди решатся» «расширять обобществленную продукцию» только тогда, когда они увидят на примере, что обобществленные предприятия «лучше и дешевле производят» [2]).

На это приходится Бауэру сказать, что при его социализаторских методах совершенно невозможно показать людям подобного «примера», ибо частные банки и предприятия, пользуясь оставленными у них преимуществами, экономически побили бы «обобществленную промышленность», а не наоборот. Кроме того, ведь весь этот «пример» Бауэр сам откладывает до того времени, когда пролетариат победит в других странах. До тех же пор «моральная подготовка» к социализации мыслится австрийцами, как и с.-д. вообще, в форме проведения «хозяйственной демократии».

Говорить о роли этой «категории» в будущем обществе, однако, совершенно неинтересно, ибо пока что социал-демократическое «обобществление» не вышло за рамки шарлатанских обещаний. За то «хозяйственная демократия» внутри капиталистических предприятий ведет к совершенно определенным практическим последствиям.

Программа, в разделе «Социальная политика» (глава: «Ближайшие задачи»), гласит:

«Социал-демократия способствует развитию хозяйственной демократии: разработка прав рабочих, служащих и государственных служащих на соучастие в управлении («Mibestimmungrecht») по месту их работы и во всем общественном хозяйстве через советы на предприятиях, персональные представительства, профсоюзы и камеры рабочих и служащих» [3]).

Требование «соучастия» рабочих в управлении капиталистическими предприятиями—характернейшее социал-демократическое требование последних лет, покоящееся на непроходимо-глупой иллюзии о классовом мире между капиталистами и рабочими. Этого «требования», социал-демократам нигде еще не удалось осуществить, ибо нет на то согласия капиталистов, которое является необходимым условием «соучастия» рабочих в управлении предприятиями. Между тем, вокруг этого утопически-реформистского требования поднимают шум, как вокруг «лозунга эпохи». Все это делается для того, чтобы под этот шум оказать

---

1) Там же, стр. 35.
2) «Протоколы», стр. 275 и др.
3) «Протоколы», стр. 181.

крупнейшие услуги капиталистам, борясь с революционным пролетарским движением и тем самым «авансом» уплачивая «хозяевам» за нигде еще не полученное «право соучастия». Плата эта идет, разумеется, за счет рабочего горба. Та же программа об'являет, что:

«Социал-демократия способствует *поднятию производительности труда*, как предпосылки поднятия жизненного уровня трудящихся народных масс» [1]). Будто бы поднятие производительности труда в капиталистических предприятиях действительно «поднимает жизненный уровень» не класса капиталистов в первую очередь, а «народных масс»!

«Моральная подготовка» социализации путем «хозяйственной демократии» у австрийцев предвидится та же, что у германских социал-демократов: «подготовлять» социализацию — *всемерно укрепляя капитализм*. После этой *практической* политики сегодняшнего дня, вообще все разговоры о социализации со стороны австро-марксистов становятся пустой болтовней.

Этой болтовни у них, действительно, сколько угодно. Откладывая проведение социализации на неопределенные времена даже после овладения властью и отрицая возможность построения социализма в одной стране, австрийские социал-демократы чрезвычайно охотно признают (*на словах*) возможность «строить» социализм не только в одной стране,—но и в одном предприятии.

Реннера мы уже видели во всей его красе (см. предыдущую статью, № 12—13 «Большевика»): он готов признать «возможность строительства социализма» где угодно и про нашу эпоху современного капитализма пишет так:

«*В нынешнем периоде социализма, в периоде осуществления (!)*, каждое практическое продвижение, которое *воплощает в действительность еще один лишний кусочек социализации*, много важнее, чем ученые рассуждения» [2]).

Бауэр хотя и заявлял патетически не раз, что «проблема социализации — это вопрос власти» [3]), эклектически совмещает с этой точкой зрения и признания реннеровских «кусочков социализации». Так, например, он утверждает, что в Вене сейчас, при капитализме, социализм имеется налицо в виде «социализированных предприятий» венского самоуправления [4]), находящегося в руках социал-демократов (об этом «социализме» мы еще скажем ниже).

Разумеется, такие предприятия внутри капиталистической системы, подчиненные ее законам, руководимые учреждениями, выполняющими функции буржуазного государства (венский муниципалитет),—не социалистичны, являясь всего лишь государственно-капиталистическими,—или, в других случаях, кооперативно-капиталистическими.

Кроме того, никаких значительных преимуществ перед капитализмом они показать вообще не могут, пока крупнейшая ин-

---

1) «Протоколы», стр. 180.
2) «Der Kampf», Heft 2, 1927 г., стр. 89. Статья «Хозяйственная демократия».
3) См. напр., и его брошюру «Социализация в первые годы Республики». Wien 1919, стр. 15 и др.
4) См. речь в Линце «Протоколы», стр. 275: «Я вижу, например, что существуют крупнейшие социализированные, обобществленные предприятия внутри капиталистического общества в Вене, именно крупные предприятия общин».

дустрия, лучше технически вооруженная и выносящая более стойки удары кризисов и депрессий, остается в руках частных предпринимателей.

Программа австрийской с.-д. прямо требует развития такого «социализма внутри капитализма» в главе «ближайшие задачи с.-д. рабочей партии»:

«Социал-демократия *способствует* развитию общественного хозяйства: кооперации рабочих, промышленных и крестьянских кооперативов, общественно-хозяйственных учреждений, *государственных и муниципальных предприятий»* («Staats-und Gemeindebetriebe») [1].

Иными словами, австрийская социал-демократия «способствует» не только кооперативному капитализму, но и *государственному капитализму.* При чем выражено это в такой общей и всеоб'емлющей форме, что, по смыслу сказанного, австро-«марксистская» партия «способствует», например, *развитию государственных военных заводов.* Можно не сомневаться в том, что на практике дело именно так и обстоит.

Замечательно, что программа говорит о «способствовании государственным предприятиям *капиталистического* государства, тогда как в применении к «пролетарскому» государству господин Бауэр не постеснялся выставить лозунг: *«не национализация!*

В программе имеются и другие государственно-капиталистические требования, облаченные в форму «протеста» против частных капиталистических организаций—трестов, банков и концернов (наиболее удобная форма, чтобы требованию государственного *капитализма* придать якобы «социалистический» оттенок).

«Социал-демократия борется с капиталистическими монополиями добиваясь *усиления государственного контроля* над кредитной и учетной политикой кредитного банка, *над банками, картелями* и индустриальными *концернами* и издания закона о картелях» [2].

За усиление чисто капиталистического государства,—*против* усиления того государства, на которое «мы», социал-демократы, возложим когда-нибудь дело социализации,—такова несомненная установка австро-марксизма. После этого никаких сомнений не может быть в том, что действительная социализация будет проведена рабочим классом *против* австро-марксистов.

* * *

Просмотрим бегло опыт «социализации», который проделывала австрийская социал-демократия, стоя у власти, в осуществление своих теорий. Этот опыт как нельзя более наглядно, шаг за шагом, *опровергает* бауэрианские идеи.

Целесообразнее всего заставить самого Бауэра опровергать фактами его социализаторские проекты. Поэтому мы возьмем его книгу «Австрийская революция» и посмотрим, как бывший председатель комиссии по социализации излагает причины краха своих попыток:

«Зимой и весной 1919 года, в период великой борьбы за диктатуру Советов и социализацию в Германии, в период диктатуры Советов в Венгрии, в Немецкой Австрии *массы также стремились к социализации частной промышленности* [1]). Мы также не могли предвидеть, *не сделает ли победа движения* в пользу социализации *в соседних странах* возможной и необходимой социализацию отдельных отраслей промышленности *также и в нашей стране.* В комиссии по социализации были разработаны под руководством гейдельбергского профессора Эмиля Ледерера проекты социализации отдельных отраслей производства. Мы прежде всего решились на социализацию крупной металлообрабатывающей промышленности, крупных лесных владений, крупной торговли углем, крупных рудников и набросали проект использования водяной энергии на началах общественного предпринимательства... ...Но уже в течение лета 1919 года *становилось все яснее, что на пути к осуществлению этих проектов будут стоять непреодолимые препятствия»* [2]).

Никакой «социализации» не только «отраслей», но даже и отдельных (*частных*) предприятий, за время пребывания с.-д. у власти проведено не было. «Непреодолимые препятствия» к этому Бауэр иллюстрирует, например, следующим образом:

«В своей работе по социализации мы обратили внимание прежде всего на металлургическую промышленность. Работа должна была начаться с социализации Альпийского горного общества. Условия для нее были благоприятны. Пражское общество металлургической промышленности отказалось от акций Альпийского общества. Последнее было теперь целиком в собственности немецко-австрийских капиталистов. Курс акций был очень низок; мы очень дешево овладели бы им, при полном вознаграждении акционеров. Но уже начатые действия были сорваны противодействиями, которым способствовал и помогал один член правительства. Профессор Шумпетер, государственный секретарь финансов в первом коалиционном министерстве, ...был решительным сторонником социализации»... «Но скоро... он завязал сношения с венгерским банкиром Рихардом Кола»... «По предложению Шумпетера, Кола поехал в Цюрих; там он заключил с одной итальянской финансовой группой крупную сделку: Кола начал скупать для этой группы акции Альпийского горного общества. Шумпетер покровительствовал этим действиям своего банкира, потому что Кола передал лиры, вырученные за альпийские акции финансовому ведомству, которое очень нуждалось в иностранной валюте»... «Но результатом этих действий Шумпетера было то, что теперь нам в Альпийском горном обществе противостоял заграничный капитал»... *«О социализации Альпийского горного общества, поскольку оно попало в итальянские руки, нечего было и думать.* Столь слабая по отношению к зарубежным государствам, Немецкая Австрия *не могла осмелиться на экспроприацию иностранных капиталистов»* [3]).

Не социализация,—а настоящий фарс! Хорошее «пролетарское» (!!) правительство, члены которого могут с ним проделывать

[1]) «Протоколы», стр. 180.
[2]) Там же, стр. 179.

[1]) В брошюре «Путь к социализму» Бауэр признается в том же самом: «Массы, которые только что изгнали кайзера, теперь верили в возможность также быстрым натиском сломать капитализм» («Der Weg», стр. 2). Тот факт, что массы стремились к подлинной социалистической революции, много раз был признан самими австро-марксистами.
[2]) «Die Oesterreichische Revolution», Wien, 1923 г., стр. 178. Рус. изд. стр. 173 (Госиздат).
[3]) Там же, стр. 178. Рус. изд.—174—175.

такие «штуки» в решающем вопросе хозяйственной политики,—в деле социализации металлургии!..

«Но и другие наши проекты по вопросу о социализации,— продолжает Бауэр,—натолкнулись на препятствия со стороны зарубежных государств»... Частных предпринимателей в угольной промышленности, например, потому нельзя было тронуть, что они были «незаменимы»: «частные предприниматели могли, путем использования *своих личных деловых связей* в Чехо-Словакии и Верхней Силезии, окольными путями доставлять уголь, который не был доступен государству. *В особенности незаменимы* были для нас торговые предприятия, в которых принимали участие крупные верхне-силезские торговцы углем. При таких обстоятельствах монополизация угольной торговли в руках государственных учреждений могла только ухудшить дело снабжения нас углем. Она потому должна была быть отложена».

«Эксплоатация водяной энергии была невозможна без участия заграничного капитала»... «Но все переговоры с заграничными капиталистами показали, что *иностранный капитал недоверчиво относился к социализации.* Полагали, поэтому, что социализация водяных сил не может быть проведена, не подвергая опасности все дело эксплоатации их»...

И вообще—«*каждая экспроприация частного капитала подвергала опасности необходимый для нашего хозяйства импорт капитала.* Нельзя было ожидать, что иностранцы будут покупать наши акции и предприятия, что они будут вкладывать свой капитал в нашу промышленность, если они вынуждены опасаться того, что здесь их капитал будет экспроприирован. Таким образом, *сопротивление наших отечественных капиталистов социализации, нашло себе сильную поддержку в реальных нуждах народного хозяйства, которое не могло обойтись без притока заграничного капитала*» [1]).

...«Если бы мощное движение, порожденное войной, привело в других странах к социализации»,—то тогда дело обстояло бы иначе; но—«*рейхсвер в Германии, подавив революционное движение рабочих* (почему автор скромно говорит «рейхсвер», не упоминая *германских социал-демократов, Носке, Шейдемана, Северинга? В. А.*), *заставил пролетариат перейти к обороне и этим самым снял социализацию с порядка дня и там*»... «Летом 1919 года сопротивление всякой социализации чрезвычайно окрепло и *после падения диктатуры Советов в Венгрии* (почему автор молчит, что это падение произошло *при его собственном* содействии, в бытность его министром иностранных дел, когда он предал советскую Венгрию румынским войскам?! *В. А.*) *стало ясно, что теперь (!) больше нет возможности проводить социализацию*» [2]).

При добросовестном просмотре этих самооправдательных реляций можно усмотреть только одну, действительно *решающую*, причину краха социализации в Австрии. Этой причиной была *политика австрийской социал-демократии.*

Вместо пролетарского интернационализма, австрийская социал-демократия проявила глубокую *буржуазно-национальную ограниченность, отказавшись от строительства социализма в своей стране.* Вместо того, чтобы решительными шагами к социа-

[1]) Там же, стр. 180. Рус. пер.—175.
[2]) Там же, стр. 180—181. Рус. изд.—стр. 175—176.

лизму двинуть вперед дело революции в других странах, в том числе и в той же самой Германии, оказать активную поддержку Советским республикам Венгрии, России и т. д.,—ставшая у власти социал-демократия «ждала», что социализм ей будет принесен на крыльях победоносной революции из других, более «зрелых» странах.

Австрийское хозяйство, видите ли, не могло обойтись без ввоза капитала из-за границы, говорит Бауэр. *Какое* хозяйство? Капиталистическое—да, ибо капиталистическая Австрия осуждена хозяйственно на роль мелкой лавочки при том или другом крупном торговом доме буржуазной Европы: не при Германии, так при государствах Антанты. Но Австрия, *экспроприировавшая* крупных капиталистов и помещиков и вошедшая в союз с Советской Россией и Венгрией, *могла* бы сладить со всеми хозяйственными трудностями и выйти на дорогу к социализму. Трудности были бы велики, но они были бы ни больше, чем у Советской России: наоборот, присоединение Австрии *уменьшило* бы эти трудности обеим странам. А австрийский пролетариат к нынешнему дню уже имел бы упроченную власть в своих руках, оставив позади себя все те тяжести борьбы за власть, которые сейчас у него еще только впереди. Он строил бы уже социализм.

А пример Советской России показывает, что это строительство *может* вестись и силами «отсталой» страны, отвоевавшей себе *независимость* от капиталистических правительств.

В высшей степени важны признания, которые Бауэр делает в отношении влияния венгерской и германской революции на австрийскую. Он признает, что наличие Венгерской Советской Республики *содействовало* социалистическому движению в Австрии, а на ее падение ссылается, как на обстоятельство, которое послужило сигналом к провалу социализации в Австрии. И все-таки Бауэр не поддерживал Венгерскую Советскую Республику, а помогал ее врагам *раздавить* ее! Бауэр признает подавление рейхсвером революционного движения в Германии, опять-таки, сигналом к спаду австрийской революции. И все-таки он остается единомышленником германских социал-демократов, в среде которых был «кровавая собака» Носке и ярым врагом германских коммунистов, боровшихся за советскую республику в Германии.

Вернемся к опыту «социализации». Единственно, что было «обобществлено», рассказывает Бауэр, это — некоторые *бывшие государственные* военные предприятия. Как он излагает, в момент демобилизации с ними буквально ничего не оставалось другого делать, как только... обобществить. Работа в них приостановилась. Военное ведомство «не увольняло рабочих, чтобы не увеличивать количества безработных, и не пыталось занять их продуктивным трудом». Предприятия эти «были обременены огромными дефицитами» и «легли тяжелым бременем на государство». «Отдавать их в аренду или продавать частному капиталу было не расчетливо» в виду «быстрого обесценения курса денег» и к тому же это было время, когда «предпринимательский дух был парализован»... «Столь же невозможным было оставлять их в руках технически и коммерчески неспособных руководителей бюрократов».

Словом, эти предприятия «*пришлось*» обобществить! Это вышло совершенно незаконнорожденное дитя обобществления, с точки зрения социал-демократической теории, «обобществляющей»,

как известно, промышленность только на ходу, в период капиталистического расцвета. Но что же делать?

Эти единственные обобществленные предприятия взяты из рук государства и отданы в руки «новых форм управления», созданных на разный манер, но в общем в духе рецептов Бауэра (смешанное управление из представителей государства, кооперации, профсоюзов, иногда и частных капиталистов). В различных предприятиях, при этом, преобладало влияние различных представительств и организаций. О противоречиях, развивавшихся на почве этой разнокалиберности, другой австро-марксистский автор, Кэтэ Лейхтер, пишет даже, что они принимали «*политический* характер, «вытекающий из различных позиций по отношению к задачам общественного хозяйства». Особенно же дело пошло худо, по мнению этого автора, когда социал-демократов у власти сменила чисто-буржуазная партия. Тогда «прежде всего вырисовалось с большей ясностью, что «общие интересы» у представителей капиталистического государства по существу все же являются *политическими интересами существующего правительства*». Автор рассказывает о ряде трений между социал-демократами и представителями правительства в управлениях «обобществленных» предприятий [1]).

Предприятия испытывали жесточайшую нужду в деньгах. Бауэр пишет:

«Общества возникли в период быстрого обесценения денег. В такое время всякое промышленное предприятие должно все время увеличивать свой оборотный капитал. *Капиталистические акционерные общества* это и делали, выпуская время от времени новые акции и *пользуясь все в больших размерах банковским кредитом*. Для общественных предприятий оба эти пути были закрыты»... «§ 8 закона (об общественных предприятиях) давал, конечно, *право государственному секретарю финансов заставлять банки* часть чужих денег, хранящихся у них, и часть резервных фондов вкладывать в платежные обязательства общественных предприятий. *Но правительство не решалось использовать это право* (еще бы! ведь секретарем финансов был профессор Шумпетер, так ловко проваливший «социализацию» в металлургии. *В. А.*). *В других же формах общественные предприятия не могли получать банковский кредит. Банки давали кредит предприятиям, в которых они участвовали и которые они контролировали; учреждениям, которые не подлежали их контролю, они отказывали, тем более, что постоянная враждебная агитация капиталистической прессы подрывала доверие к ним*».

Прекрасный опыт, «подтверждающий» бауэровский проект социализации банков *после* социализации промышленности (а заодно «подтверждающий» и социал-демократический принцип абсолютной свободы капиталистической прессы!)—при условии, разумеется, если сторонники этих мер стремятся к тому, чтобы социализация *не* удалась!..

Чего же достигли частные банки своим кредитным бойкотом «общественных» предприятий? Об этом Бауэр пишет:

«Общественные предприятия таким образом вынуждены были требовать дополнительные дотации к их оборотному капиталу...

[1]) Käthe Leichter. «Erfahrungen des österreichischen Sozialisierungsversuch». («Опыт проведения социализации в Австрии»). Сборник «Der lebendige Marxismus» (к 70-летию Каутского), стр. 204, 205 и след.

Государство же, испытывая страшный финансовый кризис, не могло в достаточной мере удовлетворить их потребности в средствах... *Общества вынуждены были перевести некоторые их предприятия в смешанные общества, которые они основали совместно с частным капиталом*. Так, например, только таким путем мог быть пущен в ход стальной отдел арсенала. Таким образом, *развились самые разнообразные смешанные формы и связи между общественными учреждениями и капиталистическими предприятиями*» [1]).

С этим итогом мы и поздравляем бывшего председателя комиссии по социализации: он благополучно привел бывшие казенные предприятия *на поклон к частному капиталу*. Чем не «социализация»?!

Из «обобществленных» таким образом предприятий, самым крупным является оставшийся до сих пор в руках венской общины бывший «Арсенал» [2]). Его австрийские социал-демократы до сих пор считают своей красой и гордостью, классическим примером «социализации». Посмотрим же, что делается на этом арсенале.

В выборной кампании этого года, арсенал доставил большие хлопоты и неприятности социал-демократам. Наравне с другими капиталистическими предприятиями, арсенал подвергся действию переживавшегося Австрией экономического кризиса. Все прорехи этого арсенала, понятно, были поставлены в политический счет социал-демократам. Число рабочих, по данным самих с.-д., в арсенале с 1920 года (момент его перехода к венскому муниципалитету) к 1927 сократилось больше, чем вдвое, — с 2.700 до 1.300. По сравнению с дореволюционной цифрой, когда рабочих в арсенале было 12.000, нынешняя цифра является ничтожной. С 1921 по 1924 год арсенал ежегодно приносил *десятки миллионов* крон *дефицита*. (Это было, примерно, то время, когда обобществленная промышленность в России, в целой стране, достигала *довоенного* уровня и начинала приносить значительную прибыль).

Нашелся какой-то бывший администратор этого предприятия, который опубликовал кучу данных о бесхозяйственном ведении дела в арсенале, о тяжелых условиях труда и пр. В ответ на это, Вильгельму Элленбогену (социал-демократ, сменивший в свое время Бауэра на посту председателя комиссии по социализации) пришлось выпустить целую брошюру с подробным ответом на обвинения. Придерживаясь взятого нами правила, будем говорить и об арсенале словами самого австро-марксиста.

В то время, как европейский капитализм, — говорит автор в заключительных выводах своей брошюры,—вследствие кризиса, переживает «массовую смерть частных предприятий», «на почве этого больного хозяйственного порядка образуются общественные хозяйственные предприятия, которые *хотя*, поскольку этот капиталистический порядок существует, *и не могут остаться совершенно целыми от его разрушительного воздействия*, так как анархия этого «порядка» и на них воздействует»... но все-таки остаются целыми и «развиваются вперед» [3]).

[1]) «Австрийская революция». Стр. 175—176. Рус. пер.—171.

[2]) Теперь «Эва» («Öwa»; «Österreichische Werke»).

[3]) «Los gegen die gemeinschaft! Die Wahrheit über das arsenal und die bürgerlichen Verleumdungen». Von W. Elenbogen. Wien, 1927, стр. 50.

Элленбоген вынужден признать, что капиталистический кризис *нанес* ущерб и арсеналу, но арсенал, все-таки, «выжил».

Однако, посмотрим, как и *за чей счет* выжила, «развивается вперед» венская социализация. Социал-демократам было пред'явлено в прессе обвинение в том, что «*арсенал обходится со своими людьми так скаредно* (*или*: «паршиво»), *что с ним не может в этом сравниться ни один частный предприниматель*».

Элленбоген отвечает на этот пункт обвинений ровно следующее:

«Рабочие и служащие получают *по коллективному договору заработную плату, содержание* (единственные слова ответа, которые их автор нашел нужным подчеркнуть курсивом. Дальше будем подчеркивать уже мы. *В. А.*). *Разница в установлении в отдельных предприятиях, конечно, не исключает, что отдельные расценки, в особенности в начале производства, приводили к более низшему уровню зарплаты, чем в других предприятиях. Но вообще* можно сказать, что рабочий арсенала зарабатывает *столько же, как и в частной* индустрии, и что столько же бывает случаев, что рабочие арсенала зарабатывают больше, *как и наоборот*, по сравнению с частной индустрией. *Однако, это правильно, что часто собрания цехов, в действительном понимании трудностей общественного хозяйства, решали по возможности быть умереннее в требованиях заработной платы*» [1]).

Это решительно *все*, что мог сказать Элленбоген, человек, несущий личную и политическую ответственность за арсенал, в ответ на резкое обвинение его в жестокой эксплоатации рабочих. Это—не защита, а беспомощное лепетание!

Он *не может* сказать, что рабочие «социалистического» предприятия,—*крупного* предприятия по австрийскому масштабу (1.300 рабочих),—получают зарплату хотя бы выше *среднего* уровня у частников. Он вынужден признать, что этого *нет*.

Этим он разоблачает *лживость* утверждений Отто Бауэра, который за полгода перед Элленбогеном на с'езде партии утверждал, что «*заработная плата в общинных предприятиях* (он говорит о Вене, где арсенал—крупнейшее общинное предприятие. *В. А.*) *значительно выше, чем в тех же категориях труда в частной индустрии*» [2]).

Элленбоген обвиняет своих противников во «лжи» и «клевете». Пусть же он напишет о том, что лжет Отто Бауэр!

Прочтя оправдания Элленбогена, нельзя даже быть уверенным, что зарплата в арсенале действительно стоит на среднем уровне,—так «скромно» он оправдывается, подчеркивая, что «бывают» получки и *меньшие* по сравнению с частными предприятиями.

Наконец, издевательской насмешкой над рабочими арсенала звучит заявление, что они «сами» ограничивали себя в требованиях зарплаты. Во *имя чего?* Во имя «*ожидания*» революции в других странах? Во имя венского самоуправления, где на счет рабочих живет клика социал-демократических «доверенных людей», занимающаяся лганьем о венском «социализме»?

Тот же самый Бауэр, который лжет направо и налево о высоте зарплаты рабочих, вместе с тем проповедует, что «та производственная форма побеждает, *для которой рабочие и служащие лучше работают*» [1]); тот же самый Элленбоген подчеркивает, что если арсенал вышел из кризиса целым, то это случилось лишь благодаря «преданности рабочих и служащих делу», благодаря *производительности* их труда.

[1]) Там же, стр. 26.
[2]) «Протоколы», стр. 275.

Во имя чего все это? Может быть, *во имя снабжения оружием польской, болгарской и венгерской контрреволюции*, производившегося социал-демократами из запасов арсенала за спиной рабочих, как это явствует из разоблачений того же бывшего администратора арсенала? [2]).

Есть ли у рабочих арсенала хоть подобие, хоть слабая тень той великой цели, во имя которой работают и поднимают производительность труда на *своих* предприятиях рабочие Советской России: *власть рабочего класса*, братские отношения рабочих с крестьянами, страна, освобожденная от паразитов, помещиков и капиталистов,—живой призыв к восстанию угнетенных всего мира? Ничего этого у венских рабочих нет: их просто обманывают и покупают за копейку.

Оглядывая австро-марксистскую «социализацию» в целом,—что мы видим?

Обещания провести социализацию после захвата власти, на поверку, оказываются пустым обманом. Они заранее оговаривают ряд причин, по которым они, взяв власть, дело социализации отложат. Опыт показал, что, стоя у власти, они не произвели даже и *попытки* обобществить какую-нибудь отрасль производства (случай с Альпийским обществом как раз свидетельствует о том, что правительство не смотрело серьезно на свои социализаторские планы,—иначе курьез с банкиром Кола был бы вообще не мыслим). Да и сам план «социализации» свидетельствует как бы о намерении его авторов, во что бы то ни стало, угробить и провалить социализацию: ослабление «пролетарского» государства, выкуп за предприятия по их полной стоимости, выплачиваемый в течение человеческого возраста («не» за счет народа!), оставление банков в руках капиталистов на срок этого «человеческого возраста».

Наконец, «отсрочки» всего переворота до периода расцвета капитализма.

Всю эту дребедень можно называть «марксизмом» только для наглого издевательства над Марксом.

Но и это все—только австро-марксистская «музыка *будущего*». А что в настоящем? Проповедь повышения производительности труда на капиталистических фабриках, проповедь усиления буржуазного государства путем «способствования» его предприятиям и «почивание на лаврах» одного-двух муниципализированных в дни революционного смятения предприятий, рабочие которых теперь эксплоатируется почище, чем у частных хозяев.

Словом, для сегодняшнего дня—тот же реннеровский «поштучный социализм», не больше. Единственная разница та, что официальный австро-марксизм побольше, чем Реннер, шумит о

[1]) Там же.
[2]) Сам Элленбоген не отрицает, в своем ответе на это обвинение, возможного факта продаж из арсенала контр-революционному правительству Болгарии, но утверждает, что это были продажи «негодного» (?) старого материала». Завод, однако, в «старое» время вырабатывал оружие. (См. цитированную брошюру, стр. 31).

«завоевании власти» пролетариатом, но в то же время (замечательно «логично»!) побольше старается об усилении существующей *буржуазной* власти, выдвигая ряд чисто государственно-капиталистических требований.

Основная установка австро-марксистов в настоящий период состоит в том, чтобы всеми силами помогать капитализму *выбраться из послевоенного кризиса*. С этой установкой они согласуют свои социализаторские теории и реформистскую практику. Их выкупная «социализация» непременно «требует» «нормального» отправления капитализмом своих функций: в кризисный период производство уже расшатано, для социализации «не время» («народ» может «разочароваться»!), в такое время австро-марксисты зовут рабочих «сперва» вытаскивать из ямы капитализм, чтобы лишь «потом» заняться его «свержением».

Австро-марксисты закрывают глаза и зажимают уши, не желая слышать и видеть уроков действительности. А эти уроки простым и кратким языком говорят, что даже самих австро-марксистов подняла и швырнула к власти волна народного восстания тогда, когда капитализм уже было наклонился над своей могилой. Размотав власть, попавшую в их руки, вопреки их горе-«теориям», они и впредь будут сидеть на запятках у буржуазии до нового великого вала, который опять их зашвырнет,—но на этот раз уже безвозвратно, на дно истории.

Дм. Илимский.

Американская пятилетка [1]).

Очередная серия (1927 года) известных диаграмм американского бюро промышленных конференций представляет особенный интерес тем, что дает возможность проследить развитие народного хозяйства Америки за пятилетие 1921—1925 г.г., то-есть за тот промежуток времени, когда страна держала экзамен на способность от послевоенного восстановления перейти к реальному прогрессу.

Началом этого пятилетия является тот кризисный 1921 год, когда падение золотых цен поставило под угрозу промышленность и земледелие многих стран, конец же пятилетки совпадает с эпохой перехода основных индустриальных стран на устойчивую валюту и связанного с этим изменения в соотношении сил на международном товарном рынке.

Есть основания думать, что начинающий новую пятилетку 1926 год является последним годом нормального роста всех элементов американской экономической кон'юнктуры, после чего эта исключительная по своему размаху страна, должна будет вступить в полосу искривлений и распада той «гармонии», которой так гордятся американцы.

Составляемые с большой точностью, наглядностью и разносторонностью диаграммы бюро промышленных конференций, могут быть прекрасным источником для обозрения всей совокупности национального хозяйства Америки. Основной их материал строится на основании данных периодических «цензов», и на основании сведений налоговых органов, и добровольной промышленной статистики. Выводимые для некоторых промежуточных дат логическим путем цифры обычно достаточно осторожны, а весь вообще материал сопровождается точным указанием источника.

Сопоставляя данные бюро с некоторыми новыми работами экономического отдела секретариата Лиги Наций, мы можем составить себе достаточно полное и ясное представление о статике и

---

[1]) Основной статистический материал взят из диаграмм и пояснений им, издаваемых National Industrial Conference Board под названием Road Maps of industry. Кон'юнктурные данные и поправки к основному материалу дают ежемесячные Survey of curreut business, издаваемые Depart of Commerce, а также ежемесячные Eederale Reserve Bulletins, иллюстрирующие финансовую жизнь страны. Некоторые сведения в сопоставлении с материалами других стран дает Sfatesman's year—book. Из новейших книг можно рекомендовать (со многими оговорками насчет подхода к оценке политической кон'юнктуры) работу André Siegfried—Les États—Unis d'aujourd'hui, где содержится много интересных мыслей о процессе врастания Америки в мировую экономику и вытекающего отсюда усиления элементов, понижающих классическую «независимость» американского народного хозяйства.

Само собою разумеется, что статистика буржуазного государства закрывает путь к полному выяснению истинной картины социальных отношений в С. А. С. Ш. и что обобщения, произведенные на основе этого статистического материала, не могут быть достаточно дифференцированными и точными.

динамике народного хозяйства страны, привлекающей сейчас к себе всеобщее внимание как своей мощью, так и своеобразием организационной структуры производительных сил и претендующей на роль мирового владыки. Сами американцы не строят еще перспективных пятилеток, ограничиваясь пятилетками итоговыми, тем не менее их материал дает нам возможность заглянуть и в их будущее, хотя бы в самых общих чертах.

Население Америки за пятилетие 1921—1925 г.г. возросло на 7,6%, поднявшись с 107,2 милл. человек до 115,3 милл. Темп роста населения за эту пятилетку заметно отстает от обычного для Америки за последние 20 лет, когда на пятилетку приходилось прироста 11,5%. Это падение прироста приходится целиком отнести за счет принудительного сокращения иммиграции. Если же брать естественный прирост, то он, наоборот, поднялся по сравнению с предшествующими пятилетками. Рождаемость и многосемейность заметно увеличились после войны. Это обстоятельство опрокидывает установившийся взгляд, по которому с ростом благосостояния должна понижаться рождаемость. Впрочем американские статистики об'ясняют это ростом рождаемости и понижением смертности среди негритянского населения, вышедшего из хронической нищеты и начавшего в массе жить в лучших материальных условиях. К сожалению, точных цифр по последнему вопросу в моем распоряжении не имеется.

Заметный общий рост благосостояния и возможность удовлетворять потребности семьи в широком размере даже при наличии только одного работающего члена семьи приводит к тому, что процент «зарабатывающего» населения уменьшился по сравнению с населением живущим на иждивении работающих. Если в 1920 году первая группа составляла 39,4% от всего населения, то в 1925 году она составляет уже только 37,2%, так что теперь на каждую сотню «зарабатывающих» приходится 168 чел. иждивенцев против 156 в 1920 году. Здесь надо оговориться, что американская статистика под «работающим» или «зарабатывающим» понимает всякого, кто самостоятельно, на свое личное имя имеет тот или иной вид дохода, будь ли это заработная плата, рента, или прибыль. О социальном распределении национального дохода будет сказано ниже.

Все «зарабатывающее» население Америки в 1925 году распределялось так: 57,1% в производстве (промышленность и земледелие), 7,6% в транспорте и 35,3% в обслуживающих отраслях (управление, торговля, свободные профессии, личное услужение). По сравнению с 1920 годом роль производительного труда (включая транспорт) заметно упала (главным образом, в связи с повышением реальной продукции на работающую единицу), а роль обслуживающего труда, особенно конторской службы и свободных профессий, соответственно поднялась (67,1% и 32,9%).

Главное уменьшение в производительном труде падает на земледелие, откуда за шесть лет ушло 453.000 работающих, что отражает общеизвестный процесс отлива земледельческого населения из деревни в связи с резко падающей рентабельностью американского сельского хозяйства. Если к этому количеству прибавить прирост возмужалого населения и иммигрантов, всего исчисляемый в количестве 1,3 милл. человек и вычесть 280.000 человек, увеличивших армию занятых в обрабатывающей и горной промышленности и в транспорте, то абсолютный прирост занятых

в обслуживающих отраслях составит около 1,5 милл. человек, из коих на увеличение конторской, муниципальной и государственной службы ушло 694.000 человек, на торговлю—358.000, на свободные профессии (включая религию)—227.000 и на личное услужение—184.000.

О приросте рождаемости говорит и тот факт, что за шесть лет число детей до десятилетнего возраста резко увеличилось и абсолютно (на 3 милл. человек) и относительно (с 21,7% до 22,5%).

В 1925 году в обрабатывающей промышленности занято 29,9% всех «зарабатывающих» (12,8 милл. человек), в земледелии—24,5% (10,5 милл.) и в горной промышленности 2,7% (1,5 милл.). Таким образом, не только по продуктивности на одного участника производства, но и по самому числу занятых людей, промышленность решительно становится основной базой развития экономических сил страны.

Наиболее внушительное впечатление производят абсолютные цифры о национальном богатстве Америки. За пятилетие национальное богатство (в современных долларах) возросло с 307 миллиардов долларов до 355,3 миллиардов, что дает возрастание на душу населения с 2.870 долларов до 3.000, а на каждого «зарабатывающего»—с 7.400 долларов до 8.200. Переводя эти данные в доллары 1913 года, мы получаем реальное возростание богатства со 188,2 миллиарда довоенных долларов до 223,9 миллиарда, то-есть на душу населения с 1750 долларов до 1940 долларов.

Таким образом оказывается, что реальное возростание национального богатства за отчетную пятилетку идет быстрее, роста населения.

Однако, по сравнению с довоенным временем мы видим, что относительный (на душу населения) размер национального богатства лишь в 1925 году едва приблизился к норме 1912 года, то-есть получается впечатление, что разбираемая пятилетка носила не конструктивный, а лишь восстановительный характер. Между тем нам хорошо известно, что за все время с 1912 года в Америке происходило бурное возрастание основного капитала промышленности, накопление золотого запаса, рост оборудования железных дорог и предприятий общественного пользования и, наконец, накопление товаров и личной движимой собственности. Каким же образом можно об'яснить тот парадоксальный факт, что между 1912 и 1925 годами не произошло увеличения национального богатства на душу населения?

Решение вопроса мы находим в том обстоятельстве, что на оценку всей массы национального богатства огромной тяжестью давит стоимость земли, мелиоративных вложений в нее и зданий, занимающая 55% всего баланса. Начавшееся как раз незадолго до войны неуклонное снижение рентабельности сельского хозяйства, обесценивает землю в балансе национального богатства, благодаря чему рост общего итога, несмотря на возрастание других его составных частей, отстает от роста населения. К обсуждению связанных с этим проблем мы вернемся еще в конце работы.

В составе национального богатства, первое место после стоимости земли, занимает личная движимая собственность, составляющая 12,4% всего баланса и достигающая 44,1 миллиардов современных долларов, или 383 доллара на душу населения. Пожалуй именно эта цифра, отражающая свободную часть дохода, отла-

гающуюся в приобретении медленно изнашиваемых вещей, больше всякой другой является показателем поразительно высокого уровня жизни современного американца. Такой долей движимой собственности в составе национального богатства и таким ее размером на душу населения не может похвалиться ни одна страна в мире. Не лишено интереса то обстоятельство, что в этой движимой собственности одни автомобили, находящиеся в личном пользовании, занимают свыше 20%.

Следующее место занимают готовые продукты, товары и промышленное сырье, составляя 11,3% всего итога и достигая по стоимости 40 миллиардов долларов. Эта цифра именно своей относительной величиной свидетельствует о наличии возникающих противоречий в национальном хозяйстве страны. Наличие подлежащих реализации товарных ценностей в готовом и необработанном виде в размере, равном восьмимесячному национальному доходу страны, несомненно является угрожающим и с точки зрения оборачиваемости капитала и с точки зрения устойчивости ценностных соотношений и, наконец, с точки зрения отвлечения значительных средств из производства в товар. Достаточно сказать, что эта товарная наличность, более, чем в полтора раза превышает всю стоимость оборудования промышленности и сельского хозяйства, чтобы понять почему в современной Америке проблема проталкивания товара к потребителю и нахождения иностранных рынков так быстро стала основной проблемой с большим политическим содержанием. Продуктивная способность Америки начинает возрастать с угрожающей быстротой, гораздо быстрее, чем возрастает емкость внутреннего рынка и возможность овладения рынком внешним. Резкое усиление, с одной стороны, экспорта американского капитала заграницу и, с другой—империалистических настроений в борьбе с другими странами—производительности отражает двумя путями эту новую тенденцию американской экономики.

Почти наравне с товарными запасами стоит стоимость железных дорог и сооружений общественного значения (39,2 миллиардов долларов и 11,0% итога). Среди последних обращает на себя внимание трамвайное имущество стоимостью в 5,4 миллиарда и электрические станции, стоимостью в 4,7 миллиарда.

Наконец, на последнем месте (если не считать графы «разное»), стоит в балансе народного богатства оборудование промышленности и сельского хозяйства, выражающееся в сумме 26,8 миллиардов долларов и составляющее 7,5% итога. Об отношении этой цифры к товарному остатку было сказано выше. В дополнение отмечу, что собственно-промышленное оборудование составляет (без стоимости земли, на которой стоят заводы) 17,5 миллиардов, то-есть всего лишь около 50% стоимости товарного и сырьевого запаса промышленности (32,3 миллиарда), в то время как стоимость скота и оборудования сельского хозяйства (также без стоимости земли) в полтора раза превышает товарные запасы сельскохозяйственных продуктов (9,3 миллиарда против 6 миллиардов).

По сравнению с размерами американского национального богатства, приходящегося на душу населения, все остальные крупнейшие империалистические страны показывают резкое отстаивание, наглядно подтверждающее неравенство сил в борьбе между новой Америкой и старым светом. Если пользоваться подсчетами Редмонда и Мооди, то мы увидим, что одна только Англия

еще в состоянии более или менее тягаться с Америкой, располагая на душу населения национальным богатством в размере 2.727 долларов (современных). Затем идет большой скачок вниз и на значительном расстоянии мы находим Францию с 1342 долларами на душу (по подсчетам Маультона 1500 долларов), затем Германию с 1210 долларами (по Редмонду 935 долларов), потом Японию с 872 долларами и, наконец, Италия с 585 долларами. Интересно тут же отметить, поскольку затронут вопрос о соперничестве великих держав, что по военным расходам (данные Стейтемен'а) в 1925 году Америка стоит еще на третьем месте в смысле расходов на душу населения и на втором по абсолютной сумме расходов, а именно:

	Общий расход.	На душу населения.
Англия	572 милл. долларов	12.96 дол.
Америка	553 » »	4,94 »
Франция	254 » »	6,43 »
Япония	218 » »	3,68 »
Италия	155 » »	3,88 »

В то же время, по соотношению между действующей армией плюс резервисты и всем населением мы получаем еще более разительную картину. На каждую тысячу населения числится солдат и резервистов: во Франции 139,4 человек, в Италии 99,3 чел., в Японии 25,4 чел., в Англии 5,7 чел. и в Америке 3,3 чел. Выгода изолированного положения, благодаря морским границам, позволяет Америке и Англии расходовать несравненно меньше живой человеческой силы в случае войны, чем всем другим державам. Исключение, составляемое Японией, не может быть здесь анализировано за недостатком места.

Американская статистика учитывает только ту часть национального дохода, которая подлежит налоговому обложению, то-есть все, что превышает чистый годовой доход в 1000 долларов. Хотя облагаемая часть дохода и охватывает большую часть всего дохода нации, однако отсутствие учета необлагаемой части, приводит к разногласиям при определении общей суммы дохода. Так, по данным бюро промышленных конференций, весь валовой доход в 1925 году составлял 77 миллиардов долларов (современных), тогда как по данным национального бюро экономических исследований он исчисляется в 86 миллиардов, по данным Мооди в 60 миллиардов и по данным Ингаллса в 72 миллиарда. Пользуясь данными бюро промышленных конференций, мы получаем, что за рассматриваемое пятилетие, национальный доход возрос с 55 до 77 миллиардов, то-есть с 514 долларов на душу, населения до 670 долларов, или в реальном выражении с 325 долларов до 396. Однако следует иметь в виду, что этот блестящий темп показателен лишь для данной пятилетки, но не для всего послевоенного периода, так как исходной точкой приходится принимать 1921 год с его знаменитым кризисом золотых цен, когда национальный доход упал в реальном выражении на три миллиарда. Весь же период со времени версальского мира, дает возрастание на душу населения (в реальных долларах) с 363 до 396, или в абсолютном итоге с 38 миллиардов до 45. По сравнению с довоенным временем, мы имеем возрастание всего национального дохода (реального) на 40% и на душу населения

на 18%. Обе цифры свидетельствуют, что Америка является единственной страной в мире из числа принимавших участие в мировой войне, не замедлившей темпа развития своих производительных сил в результате военных событий (предшествующая войне десятилетка дала в полтора раза более медленный темп роста дохода, чем период 1914—1925 г.г.).

Американская налоговая статистика федерального налогового бюро ошибочно соединяет денежный доход от сельского хозяйства с доходом от торговли и делит весь подлежащий обложению денежный доход населения на четыре группы: заработная плата, земледелие и торговля, рента, прибыль. Благодаря этому затрудняется определение той доли в денежном доходе нации, какая изымается буржуазией, эксплоатирующей чужой труд. Однако, применяя некоторые поправочные показатели самого же налогового бюро, можно установить, что из всей массы чистого денежного дохода страны 25% изымается в пользу эксплоатирующих классов и лишь 75% остается в руках носителей физического труда. Среди первой группы следует отметить около 5000 человек с доходом свыше 100.000 долларов на каждого, аккумулирующих в своих руках в общей сложности 1460 миллионов долларов [1]). Это и есть те «верхние пять тысяч», которые правят Америкой.

В общем же, на долю заработной платы приходится (здесь везде данные 1924 года) 46,2% денежного дохода (не считая заработной платы ниже 1.000 долларов в год, т.-е. почти всей массы лиц работающих в личном услужении и значительной части чернорабочих и поденщиков), на долю земледелия и торговли 27,3%, на долю ренты 15,4% и на долю прибыли 11,1%.

Разделяя по величине дохода, мы имеем основную группу с доходом до 5.000 долларов, берущую 60% всего денежного дохода, затем группу с доходом от 5 до 25.000 долларов, на чью долю приходится 20% всего дохода и, наконец, группу, свыше 25.000 аккумулирующую тоже 20% всего дохода. При общем высоком уровне дохода в Америке для эксплоатируемых классов, надо все же признать, что размер из'ятия в пользу буржуазных классов поражает своей высотой.

Резко повысивши налоговое обложение во время войны и этим избежав необходимости прибегать к займам, Америка сейчас в противоположность всем другим странам, решительно идет по пути снижения налоговой тяжести. Со времени Версальского мира налоги на душу населения понизились к 1925 году (по данным Стейтсмен'а) с 53,8 долларов до 27,5 долларов, т.-е. уменьшились ровно вдвое. Правда, эта ставка еще более, чем вдвое превышает довоенную, однако, по сравнению с Англией, где ставка 1925 года втрое выше (реально) 1913 года, или Германией, где она выше в два с половиной раза, положение американского плательщика более благоприятно. В частности отмечу, что за рассматриваемую пятилетку, налог в Америке на душу населения понизился на пять долларов и сейчас он составляет всего лишь 4% национального дохода.

В общем итоге уплаченного налога, группа лиц с доходом до 3.000 долларов уплатила в 1924 году 2,9% всего налога,

[1]) Автор считает необходимым оговорить, что статистика буржуазного государства в этой области должна возбуждать в особенно сильной мере недоверчивое отношение со стороны нашего читателя.

группа с доходом от 3 до 5.000—3,8%, группа с доходом от 5 до 25.000—15,2% и верхние классы—78,1%. Иначе сказать, двум низшим группам пришлось отдать всего лишь 0,3% своего дохода, средней группе—уже 1,5%, а верхним группам—12%. Экспроприируя в свою пользу при помощи капиталистических отношений 25% всего, что производит страна, правящие верхи Америки позволяют себе быть «демократичными» в таком пустяке для этой страны, как налоговая политика и «великодушно» берут на себя главное бремя содержания государства.

1920 год был, как известно, во всем мире высшей точкой золотых товарных цен, как оптовых, так и розничных. В том же году начался резкий перелом, цены пошли вниз и Америка в течение двух почти лет переживала очень тяжелый кризис. Таким образом, рассматриваемая пятилетка особенно интересна в вопросе динамики цен, рисуя путь, по которому отдельные отрасли народного хозяйства выравнивались в своем естественном стремлении к довоенной гармонии.

Основной перелом в оптовом индексе цен за пятилетку произошел в Америке уже в течение самого 1921 года, когда общий индекс упал за полугодие (продолжая бурную тенденцию пред'идущего года) со 170 до 140, после чего началась длительная стабилизация за счет выравнивания отдельных товаров. За время с половины 1921 года по конец 1925 года оптовый индекс даже повысился до 158, оказавшись на одном почти уровне с индексами Канады и Англии, будучи на двадцать пунктов выше индекса Германии и на 37 пунктов ниже индекса Японии.

Стабильность общего индекса достигалась главным образом, за счет пониженного и в то же время устойчивого индекса по сельскохозяйственным продуктам (а в связи с этим и по изделиям пищевой промышленности) и по металлу и металлоизделиям, что в общем составляет значительно более половины всей обращающейся в стране товарной массы. Зато текстиль, строительные материалы и топливо на протяжении всей пятилетки обнаруживали чрезвычайно резкие колебания и относительная стабильность их индексов отмечается лишь с середины 1924 года. Особенно резкий скачок вверх дало топливо в 1922 году, когда индекс его подскочил до 270, спустившись затем в 1923 году в разгар кризиса до 165. Наоборот, строительные материалы, стоя в конце 1921 года на самой низкой за все пятилетие точке (160), пошли вверх во второй половине 1922 года и к середине 1923 года достигли индекса 200, спустившись затем медленно неровными скачками.

В общем, к концу 1925 года, при общем индексе 158, индекс продуктов сельского хозяйства стоял на 153, металла и изделий на 130, а, с другой стороны, индекс текстильных товаров стоял на 185, строительных материалов и топлива на 175. Таким образом, Америка имеет свои «ножницы», но самое существо их значительно отличается от того, что имеет место в Европе и в частности у нас. Кстати можно отметить, что к концу 1926 года эти американские ножницы несколько обострились и в них еще резче обозначались черты их своеобразия.

Картина движения розничного индекса и связанной с этим стоимость жизни, развивается за пятилетие приблизительно в том же направлении. Основной перелом кривой индекса приходится на период июль 1920 года—июль 1921 года, затем к

концу 1921 года прожиточный индекс (вычисляемый в Америке по 75 товарам, плюс жилище, свет, топливо и все гигиенические и культурные потребности) понизился до самой низкой за пятилетие точки—155, после чего он медленно пошел вверх, остановившись в 1925 году на 170. За последние два года пятилетки, составные элементы прожиточного индекса значительно более сближены, чем составные элементы индекса оптового. Даже стоявшие все время на двух крайних полюсах—жилище и пища—резко приблизились к среднему показателю.

Хотя таким образом, покупательная сила доллара к концу пятилетки даже несколько упала по сравнению с ее началом, однако, это обстоятельство на удовлетворении потребительских нужд населения не отразилось, так как общий размер национального дохода вырос в реальном выражении, точно так же, как мы увидим ниже, выросла и реальная заработная плата.

Анализ состава бюджета семейного американца, живущего заработной платой, показывает, что за время с 1914 по 1925 год в строении бюджета почти не произошло изменений, если не считать маленького возрастания доли расходов на жилище и отопление за счет пищи и «разных» расходов. Самые размеры этих изменений настолько ничтожны, что их не стоит даже разбирать.

Состав американского бюджета рабочего и служащего, резко отличается от состава бюджета его европейского собрата. Благодаря значительно более высокому заработку, американец в состоянии понизить долю пищи в бюджете (60—62% у европейца и всего 43% у американца, при несравненно лучшем абсолютном питании). Зато американец уделяет жилищу в полтора раза больше места в бюджете, чем континентальный европеец и позволяет себе удовлетворять культурные и гигиенические потребности и ряд более утонченных и квалифицированных потребностей которые в Европе доступны только средним классам.

По прожиточному индексу для рабочих по сравнению с довоенным, Америка, начиная с конца 1923 года, сравнивается с Англией и идет все время наравне с Канадой, при чем с конца 1924 года Канада начинает отходить в сторону большей дешевизны жизни.

В общем индекс заработной платы в денежном выражении быстро поднимается в первую половину пятилетки и, дойдя до 230 в начале 1924 года, останавливается на этом уровне до конца пятилетки. Реальная же часовая заработная плата испытывает несколько большие колебания, давая к концу пятилетки значительное снижение (на пять пунктов), продержавшееся около полугода и затем в 1926 году ликвидированное. В общем за время с начала войны, реальная часовая заработная плата американского рабочего обрабатывающей промышленности возросла со 100 до 138, при чем за рассматриваемую пятилетку она поднялась со 120 до 133 [1]).

Денежная заработная плата транспортных рабочих шла все время почти на одном уровне с обрабатывающей промышленностью, параллельно с нею испытывая все колебания. Часовая плата горняков (в денежном выражении) до начала рассматри-

[1]) В американской экономической литературе есть и такие выступления (напр., проф. Догласа), которые оспаривают такой рост зарплаты.

ваемой пятилетки шла параллельно остальным отраслям, а с конца 1921 года начала с нею расходиться, давая затем в 1923 году резкий скачок вверх. В общем за пять лет горняк поднялся с 75 центов за час до 90 центов, т.-е. до 7 долларов за рабочий день, что является совершенно недостижимой мечтой для горняка европейского. Еще выше стоит группа строительных рабочих, часовая заработная плата которых с одного доллара в 1921 году поднялась до 110 центов к концу 1925 года, испытав резкое понижение лишь в период известного строительного кризиса 1922 года.

В огромной добывающей промышленности Америки, продукция которой в 1925 году определялась в 5,7 миллиарда долларов, мы наблюдаем за отчетную пятилетку сравнительное затишье по углю, железу и меди с коротким периодом острого кризиса в 1921 году. Начало и конец пятилетки дают совершенно одинаковые цифры добычи (в ценностном выражении), стоящие, однако, на более высоком уровне, чем довоенная добыча. Зато нефтяная промышленность дает поразительно бурное возрастание за период 1921—1923 гг., сменяющееся после этого относительной устойчивостью. В общем, за пять лет происходит почти полное удвоение добычи нефти и к концу пятилетки она занимает во всей добывающей промышленности 53% по сумме добычи.

Что касается промышленности обрабатывающей, то здесь наибольшее возрастание за пятилетку дает автомобильная промышленность, индекс суммы продукции которой поднялся со 171 в 1921 году до 567 в 1925 году. Мы можем видеть неразрывную связь между ростом этой промышленности и ростом нефтяной добычи. Третьим элементом той же группы является промышленность резиновая, индекс которой поднялся с 250 до 497.

Затем мы имеем большой пропуск, после которого на первом месте стоит химическая промышленность с возрастанием индекса продукции от 134 до 199, на втором—металлургия с возрастанием индекса от 80 (она была больше всех захвачена кризисом 1920—21 гг.) до 186, на третьем—стекольная (от 82 до 157), на четвертом—пищевая (от 116 до 143) и на последнем—текстильная (от 100 до 123), в которой к концу пятилетки наметилось даже некоторое ухудшение в связи с конкуренцией европейских стран.

Механизация промышленности попрежнему шла более быстрым темпом, чем рост других показателей. Так, в то время, как население за эту пятилетку дало повышение индекса со 145 до 153 (за базу берется 100 на начало нынешнего века), а сумма продукции обрабатывающей промышленности повысилась со 170 до 280, индекс числа механических сил в промышленности повысился с 310 до 353.

Грузооборот железных дорог значительно повысился, если брать за основу кризисный 1921 год, и остался почти без перемен по сравнению с 1920 годом. Зато дороги произвели у себя ряд технических улучшений, благодаря чему им удалось сократить свой персонал с 2 миллионов человек до 1,7 миллиона, а расход топлива на тонно-милю понизился на 20%. Благодаря всему этому, чистый доход железных дорог повысился с 953 миллионов долларов в 1921 году до 1.585 долларов в 1925 году.

Зато, как это ни странно, Америка уменьшила в больших размерах тоннаж своего торгового флота, понизив его с 12,4 миллиона тонн до 11,47 миллиона (по регистру английского

Ллойда—до 11,6 миллиона). Характерно, что и судостроение в Америке производится крайне слабо и, по данным Стейтсмен'а, Америка строит от 50 до 90 тысяч тонн в год, занимая в этом отношении шестое место, ниже даже Франции и Голландии. Точно так же, падает и перевозка американских грузов на судах американского торгового флота. Если в 1921 году в общей перевозке морем американских грузов (по части внешней торговли, не считая каботажного плавания), американский флот взял 40%, то в 1925 году он занял лишь 34%, давая на всем протяжении пятилетки правильное снижение. Возможно, что лихорадочная работа Англии, Японии, Франции, Италии и Германии по восстановлению своих флотов именно в ту же пятилетку, и оживление оборотов внешней торговли именно на путях, крепко захваченных названными странами, приводит к тому, что американский флот оттесняется на работу по обслуживанию американского побережья по линии внутренней торговли.

В области внешней торговли, начало пятилетки заканчивает период «разгрузки» Америки от остатков военных запасов, благодаря чему цифра вывоза в 1921 году остается непревзойденной за все последующие годы не только в долларовом, но и в реальном выражении. Нормальный торговый экспорт надо считать, лишь с 1922 года, начиная с которого, мы видим неуклонное возрастании вывоза, примерно, по 250—300 миллионов каждый год, так что с экспорта в 3.771 миллион долларов в 1922 году, Америка поднимается до 4.864 миллионов в 1925 году. Импорт возрастает гораздо более медленно, давая даже некоторое отклонение вниз в 1922 году, так что за пятилетку он возрастает всего лишь на 180 миллионов долларов (с 3.654 миллионов до 3.824 миллионов). По общему размеру своей внешней торговли Америка занимает второе место в мире, не имея еще возможности сравняться с Британской империей с ее чудовищным оборотом в 21 миллиард долларов.

В области торговли золотом и серебром, мы наблюдаем несколько ослабленный по сравнению с военным временем, но все еще несомненный процесс продолжающейся концентрации в Америке драгоценных металлов. За пять лет Америка ввезла золота и серебра на 2,2 миллиарда долларов, а вывезла лишь на 820 миллионов.

В американском экспорте основное место занимают готовые товары, на втором идут полуфабрикаты, затем промышленное сырье и в заключение необработанные продовольственные продукты. В импорте, наоборот, промышленное сырье стоит на первом месте, за ним следуют полуфабрикаты и лишь на третьем месте мы находим готовые изделия. Отметим тут же, что ввоз одних лишь готовых изделий вдвое превышает весь решительно импорт нашей страны.

В американском экспорте основное и все возрастающее место занимает Европа, берущая свыше 50% всего вывоза, затем следует Канада, потом Азия и Южная Америка, при чем последние две вместе берут меньше американских товаров, чем одна Канада. В импорте же соперником Европы становится Азия, резко увеличившая свою долю в течение пятилетки. На третьем месте стоит Канада, понемногу вытесняемая двумя материками старого света.

Естественным итогом непрерывного возрастания всех элементов народного хозяйства этой страны, дошедшей уже до полного

почти насыщения внутреннего рынка и не нашедшей еще достаточно широких путей для выхода своих товаров на рынок внешний, является неуклонное возрастание экспорта американских капиталов во все страны света. За отчетное пятилетие, чистый экспорт американских капиталов составил колоссальную сумму 3.627 миллионов долларов, причем ежегодный размер вывоза возрастал от 631 миллиона в 1921 году до 1.031 миллиона в 1925 году. Резкий перерыв мы находим лишь в 1923 году, когда страна оправлялась от кризиса двух предшествовавших годов.

В размещении экспортируемых капиталов за отчетную пятилетку первое место заняла Латинская Америка, т.-е. те страны Южной Америки, куда идет американское золото для вложения прежде всего в нефтяное дело, затем в железнодорожное строительство и, наконец, в субсидирование многочисленных правительств, коим поручается охранять северо-американские интересы. В конце пятилетки замечается бурное устремление американского капитала в Германию, достигшее рекордных цифр уже в 1926 году.

Переходя к анализу возможных изменений в народном хозяйстве Америки в ближайшем будущем, необходимо прежде всего отметить, что это будущее нельзя ограничивать точным календарным сроком (пятилетним или иным). Можно лишь ориентировочно считать, что определенные сдвиги в тенденциях хозяйственного развития Америки должны произойти в ближайшие же годы, причем от глубины и силы этих сдвигов будет зависеть длительность периода последующего кризиса.

Тенденция всестороннего роста народного хозяйства на базе более широкой, чем у других стран и в более быстром темпе, установленная выше для пятилетия 1921—1925 гг., полностью продолжалась еще в 1926 году, получив свое выражение в рекордных цифрах промышленного производства, торгового оборота, железнодорожных перевозок, банковского накопления, оборота внешней торговли и экспорта капиталов за границу. Параллельно этому шло понижение индекса оптовых цен, повышение жизненного уровня городского населения и рост использования недр земли.

Однако, уже 1927 год не обещает поставить нового рекорда, и, если брать *всю совокупность* показателей роста, даст в лучшем случае уровень, равный 1926 году, что не помешает американцам убежденно говорить о продолжающемся прогрессе, так как *отдельные* показатели безусловно дадут большой скачок вверх (нефть, денежное накопление, экспорт капиталов).

Размер статьи не позволяет остановиться на материалах, иллюстрирующих приближение кризиса, со всей подробностью, поэтому я ограничусь лишь несколькими основными и наиболее характерными именно для американской экономики показателями.

Отбрасывая те месячные показатели, изменение которых обычно в силу условий сезонной кон'юнктуры, мы получаем следующую характеристику замедления темпа движения американского хозяйства.

Прежде всего мы замечаем угнетенное положение сельского хозяйства как в силу общих причин, отмеченных ниже, так и в силу возрастающего господства торгового капитала над земледельческим. В то время, как за период с 1925 года по май 1927 г. оптовый индекс промтоваров упал со 159 до 144, т.-е. на 9,4%, индекс сельскохозяйственный упал со 147 до 126, т.-е. на

14,3%, при чем раствор ножниц с 12 пунктов возрос до 18 пунктов. В то же время, индекс розничных цен на продовольствие поднялся со 145 до 155, демонстрируя бессилие хлебных пуллов и сбытовой кооперации Калифорнии и других мест со специальными культурами, бороться с торговым капиталом, успешно стригущим и производителя и потребителя сельскохозяйственных продуктов.

Особенно тяжело положение хлопководства, индекс которого дошел в апреле 1927 года до 103. В результате этого, посевная площадь нынешнего года сократилась по сравнению с прошлым на 12,4%. Случайное широкое распространение в нынешнем году вредителей на хлопковых плантациях, подняло биржевую цену на несколько десятков пунктов, что, однако, еще не гарантирует хлопковода от нового кризиса в будущем году.

Столь важная для Америки автомобильная промышленность, показала в 1926 и в текущем году лихорадочные колебания с общей явной тенденцией к сжатию. Принимая среднюю месячную продукцию 1923—25 годов за 100, мы получаем понижение производства автомобилей со 116 в январе 1926 года до 93 в июне 1927 года, при чем заметное отклонение вверх от неуклонно понижающей кривой, дают только два месяца из восемнадцати.

Ясно, что вслед за сжимающейся автомобильной промышленностью и за сокращением домового строительства в крупных городах (потребляющего массу металла), должна сжиматься и металлургия. Первой отразила это сжатие металлургия цветных металлов, а вслед за тем и чугун и сталь. Трудность приспособления к запросам рынка, мешала этим отраслям немедленно реагировать на сокращение спроса, сокращением производства, но зато мы видим судорожные колебания производства, с размахом индекса продукции у чугуна от 136 до 115, у стали от 177 до 135, у меди от 148 до 132.

Вообще громадная американская промышленность не в состоянии легко сжиматься, что дает многим иллюзию роста при фактическом застое. В то время, как многие отрасли показывают возрастание продукции, на другом полюсе народного хозяйства угрожающе возрастают нереализованные запасы товаров, огромный абсолютный и относительный размер которых уже сам по себе способен стать источником крупнейших потрясений на рынке. Если принять запасы 1919 года (сами по себе уже очень высокие и признававшиеся всеми чрезмерными) за 100, то рост товарных запасов окажется следующим:

1924 год	137
1925 »	146
1926 »	174
1927 » весна . .	179

В связи с этим мы видим, что индекс оборота оптовой торговли упал с 84 в 1925 году до 80 весной нынешнего года, а грузооборот июня нынешнего года составил всего лишь 3.972 тысячи вагонов против 4.075 тысяч в июне прошлого года, при чем падение перевозок идет почти непрерывно с октября прошлого года, т.-е. не зависит от случайных моментов.

Источники назревающих в американской экономике противоречий (развертывания и обострения коих нужно ожидать в ближайшем десятилетии) разнообразны, но все их можно свести

к факту *нарушения гармоничности американского прогресса, порожденному общей гипертрофией роста.*

На первом месте надо, пожалуй, поставить общеизвестный факт приостановки развития сельского хозяйства, что влечет за собой *относительное* сжатие покупательной способности сельского рынка, бывшего в течение десятилетия грандиозной базой для развертывания промышленности и не менее грандиозным аккумулятором денежных накоплений.

Слишком большие вложения капиталов в сельскохозяйственное производство в виде технических улучшений при наличии других стран с дешевым земледелием на плодородных землях и при дешевом труде, обремененность ферм процентами по банковским долгам, дороговизна сельскохозяйственного труда, наконец, высокий уровень жизни самих фермеров—все это привело к тому, что уже накануне войны земледелие перестало быть относительно выгодным. Военный спрос Европы и самой Америки на продовольствие несколько задержал выявление этой невыгодности, но последняя пятилетка доказала его с несомненностью, в результате чего большое количество людей ушло из деревни в город, а рост продукции сельского хозяйства отстал от роста промышленности.

Целый ряд авторитетов справедливо признают, что этот новый процесс неустраним, ибо корни его лежат за пределами даже американских возможностей. Поскольку это так, постольку намечаются очертания *одного из центральных пунктов предстоящего Америке кризиса.*

Промышленность, стимулируемая наличностью свободных денег, ищущих применения и располагающая огромным основным капиталом в оборудовании предприятий, не может свернуться только ради того, что сельское хозяйство замедлилось в развитии и деревенский рынок пред'являет меньший спрос на промышленные изделия. Промышленность получила такую инерцию и об'ем, при которых она произвольно не в состоянии сжиматься, а если бы она и решила это сделать, то результатом могли бы быть лишь потрясения исключительного масштаба. *Промышленность будет производить* при всяких условиях.

Но такая перспектива влечет за собой неизбежность, во-первых, ряда мелких частных кризисов, во-вторых, серьезного потрясения общего порядка. Когда запасы товаров уже превышают стоимость всего оборудования промышленности и когда проблема проталкивания товара к потребителю становится основной темой всех забот промышленника, а рынок в дальнейшем не обещает стать более емким, тогда при невозможности свернуть производство, рынок товаров будет подвергнут хронической опасности судорог от переполнения каналов обращения, что будет влечь за собой и частичные расстройства производственного механизма.

Переполнение внутреннего рынка, естественно влечет за собой устремление промышленности на поиски рынка внешнего и здесь мы, между прочим, находим достаточное об'яснение внезапному росту американского империализма (в общем, конечно, он сложнее и не ограничивается одним лишь империализмом промышленных экспортеров).

Но даже энергичный рост экспорта с его усиливающимся темпом (5%, 9%, 12%) не в состоянии разрядить товарное накопление. Ибо, что могут означать 4—5 миллиардов долларов

экспорта, когда стоимость продукции цензовой промышленности (обрабатывающей) достигает 60 миллиардов, возросши за пятилетку на 17 миллиардов, т.-е. давая темп, недостижимый для роста экспорта. Если же мы еще сделаем в цифре экспорта поправку на импорт товаров, аналогичных с производимыми в самой Америке, то мы должны будем признать, что *не в промышленном экспорте может лежать разрешение трудностей, надвигающихся на Америку в силу перепроизводства.* В современном бурно индустриализующемся мире, даже крупные и мощные страны со стандартизованным товаром могут рассчитывать лишь на медленное возрастание своего экспорта. Положение Америки затрудняется еще тем, что ее товары в большинстве случаев дороги по сравнению с товарами конкурирующих стран, более же высокое качество этих товаров не удовлетворяет обедневшего покупателя, ищущего вещи по своему карману.

Богатство и продуктивность страны, способствуя быстрому накоплению, уже до войны породили противоречие, заключавшееся в несоответствии размеров накопления, размерам возможных вложений внутри страны. Так родилась нужда в широком экспорте капиталов, частично разрешенная военной эпохой и ее займами правительствам Антанты и резко обострившаяся немедленно по окончании войны. Свободные капиталы, не находящие применения внутри страны, ищут выхода за границу и темп их экспорта настолько велик за последние семь лет, что даже обширный капиталистический мир не успевает нормально переварить их притока, как это видно было на прошлогоднем примере Германии. Но, кроме того, здесь из первого противоречия рождается второе, гораздо более опасное для Америки. Вывозимый капитал инвестируется в промышленность новых и старых стран, ускоряет процесс их индустриализации и делает заемщиков конкурентами американской промышленности не только за границей, но и внутри самой Америки. Страна-кредитор уже начинает ощущать эту опасность и вынуждена бороться со своими военными заемщиками, пытающимися расплачиваться с нею за военные долги ввозом товаров. Дальновидные американские банкиры уже поговаривают о необходимости регулировать экспорт новых капиталов, чтобы не подрезать свою собственную промышленность.

Но неумолимый закон рынка опрокидывает эти попытки ограничений и регулирований и капитал бурно стремится за границу в поисках дохода. Это неустранимое противоречие, сопровождаемое неизбежно следующим за экспортом капитала ростом империалистических потребностей, будет подвергать национальное хозяйство Америки глубоким потрясениям и судорогам, заставит страну перенести центр тяжести своего внимания на примитивные материки, где возможно вложение капитала в продукцию сельскохозяйственного сырья и на этом пути столкнет Америку в грандиозном конфликте с Англией, претендующей на то же сырье, и с Японией, развертывающей по другим причинам политику безраздельного господства над отсталыми сырьевыми странами.

Наконец, внутри самой Америки явственно намечается кризис, вытекающий из насыщения рынка именно в тех областях промышленности, расцвет которых был особенно бурным в последние годы. Повысив до исключительных размеров потребительский уровень рядового жителя, Америка сумела ввести в массовый обиход те предметы (автомобили, мебель и т. д.), которые в других странах считаются достоянием лишь богатых классов. В течение

последних двадцати лет рост спроса на эти предметы был колоссальным, обусловивши такой же энергичный приток капитала в соответствующие отрасли промышленности. В настоящее время все данные говорят за то, что в области этих предметов *рынок насыщен до конца* и дальнейший его спрос в ближайшее время резко ограничится лишь приростом населения, да изнашиванием вещей (большинство которых обладает медленной амортизацией). Иначе сказать—эти предметы должны будут производиться в ничтожных по сравнению с нынешним временем размерах, в силу чего производящая их промышленность должна будет переживать процесс катастрофического свертывания. Но вслед за ней кризис резкого свертывания должен будет распространиться на отрасли промышленности, обслуживающие названное выше производство, то-есть на резиновую, деревообделочную, кожевенную, электрическую и металлургическую промышленность, или в общем на две трети обрабатывающей плюс половину добывающей. Этот кризис будет гораздо больше, глубже и затяжнее, чем обычные очередные кризисы перепроизводства, регулярно потрясающие Америку, так как он произойдет не в силу нормального «просчета» слепой промышленной экономики, а в силу глубокого противоречия между размахом вложения капиталов и возможностями рынка.

Несмотря на повышенный тонус экономической жизни, руководящая деловая Америка сознает приближение трудных времен. Обострение борьбы промышленников с профсоюзами и энергичная поддержка предпринимателями кампанейских союзов, судорожная политика в европейских делах, такая же неустойчивость в вопросе о регулировании европейских долгов, резкие вспышки империалистических настроений, подогревание в массе в ежегодный «день обороны» воинственных настроений, попытки руководящих банков создать систему капиталистического планирования финансового хозяйства, решительное вмешательство в южно-американские дела,—все это показывает, что, с одной стороны, Америка энергично стремится расширить во что бы то ни стало сферу своего экономического и политического влияния, с другой—чувствует непрочность нынешней «гармонии» и тревожно заглядывает в свое будущее. Несомненно, что неизбежный в результате всех указанных противоречий, кризис пойдет в Америке по несколько иным путям, чем он пошел бы в другой стране, хотя бы в силу сочетания в Америке больших производственных возможностей с богатыми естественными рессурсами и в силу исключительно высокого уровня жизни в ней. Но кризис неизбежен и размах его должен будет принять громадные размеры, так как затронет он все отрасли жизни и развертываться будет на базе сложного комплекса противоречий.

Повидимому Америка заканчивает второй, промышленный и финансовый цикл своего развития, длившийся около тридцати лет. Как раз в тот момент, когда все сулило ей возможность неограниченного господства над миром, разоренным великой войной, внутри ее собственной экономики возникли неустранимые противоречия, накопленные предшествующим периодом расцвета. Эти противоречия так громадны, что потрясения, ими порожденные, могут ослабить мощь Америки и ее способность к мировой гегемонии. А для некоторых экономистов это будет означать необходимость пересмотреть столь модную теорию «американизации» мирового хозяйства.

М. Беленький.

Пути производственного кооперирования крестьянства.

... «теперь мы нашли ту ступень соединения частного интереса, частного торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень подчинения его общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов. В самом деле, власть государства на все крупные средства производства, власть государства—в руках пролетариата, союз этого пролетариата со многими миллионами мелких и мельчайших крестьян, обеспечение руководства за этим пролетариатом по отношению к крестьянству и т. д.—разве это не все, что нужно для того, чтобы из кооперации, из одной только кооперации, которую мы прежде третировали как торгашескую и которую с известной стороны имеем право третировать теперь при нэпе так же, разве это не все необходимое для построения полного социалистического общества»?..

(В. И. Ленин. «О кооперации»).

... «переход к социализму совершается в сфере **производственного** (подчеркнуто автором М. Б.) кооперирования, для чего кооперация в обмене лишь расчищает путь. Но как раз именно в сфере такого кооперирования мелких производителей наши успехи пока еше минимальны, и **конкретные формы** (подчеркнуто автором. М. Б.) (а не общая линия) этого процесса сейчас еще совсем неясны»...

(Е. Преображенский. «Новая экономика»).

Деятельность с.-х. кооперации развивалась до сих пор преимущественно по линии обобществления процессов обмена в сельском хозяйстве, в первую очередь, по линии организации сбыта крестьянской продукции. В этой области с.-х. кооперация имеет значительные, непрерывно развивающиеся успехи; она стала одним из основных звеньев в смычке города с деревней, являясь главным проводником крестьянской продукции в город и предметов производственного снабжения в деревню.

Наиболее интенсивно протекало до сих пор развитие с.-х. кооперации в сырьевых отраслях сельского хозяйства. Это об'ясняется большей товарностью сырьевых отраслей и в особенности тем, что строительство с.-х. кооперации протекает в этих отраслях под непосредственным организующим воздействием государственной промышленности. Роль с.-х. кооперации в деле снабжения государственной промышленности с.-х. сырьем непрерывно

растет. Через систему с.-х. кооперации проходит в настоящее время: около 40% товарной массы льна, 80% крестьянской продукции свеклы, 75% табаков, 35% шерсти и т. д.

За последнее время значительно возросла роль с.-х. кооперации в организации сбыта продовольственных продуктов. С.-х. кооперация заготовила в 1926—27 г. свыше 30% всей товарной массы хлеба; участие ее в производстве и сбыте масла достигает 90%, в переработке и сбыте картофеля — 45%, в яично-птичных операциях—около 25% и т. д. Указанные размеры кооперативного оборота свидетельствуют, что с.-х. кооперация стала крупнейшим фактором в народно-хозяйственной жизни страны.

Каково значение этих цифр с точки зрения развития *социалистического* строительства в деревне?

Для правильной оценки их с этой точки зрения необходимо, на ряду с выявлением социального состава с.-х. кооперации и классового направления ее работы, ответить на следующие основные вопросы:

1. Какое развитие получило плановое начало в деятельности с.-х. кооперации?
2. Происходит ли и в какой мере вовлечение растущего кооперативного оборота в русло государственного регулирования и социалистического строительства? Укрепляется ли связь с.-х. кооперации с государственным хозяйством?
3. Наметились ли уже в практической работе массовых форм с.-х. кооперации реальные пути перерастания ее снабженческо-сбытовых функций в производственное кооперирование крестьянства; каковы конкретные условия и формы перехода от кооперирования оборота к коллективизации крестьянского производства?
4. Какова роль с.-х. кооперации в деле рационализации и индустриализации сельского хозяйства?

В настоящей статье мы пытаемся подвести некоторые итоги кооперативного строительства, могущие дать ответ на поставленные вопросы.

Основные формы производственного кооперирования крестьянства.

Опыт кооперативного строительства выявил две главнейшие формы производственного кооперирования крестьянства:

1) Коллективные хозяйства (коммуны, артели и товарищества);

2) производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации.

Несмотря на наблюдающийся в последние годы заметный под'ем коллективного движения, вызываемый ростом активности маломощных слоев деревни, с одной стороны, и развитием машинизации сельского хозяйства—с другой, коллективные хозяйства все еще представляют собой отдельные островки в огромном крестьянском море.

Массовый путь к коллективизации крестьянского производства лежит через организацию процессов обращения в сельском хозяйстве, через организацию сбыта, снабжения и кредита. Дальнейший темп развития и размах *коллективного* движения будет поэтому зависеть, главным образом, от темпа развития и перерастания *массовых* форм с.-х. кооперации в *производственную* кооперацию. За последнее время наблюдается значительный сдвиг в этом направлении. Этот сдвиг находит свое выражение в раз-

витии *производственно-сбытовых* систем с.-х. кооперации, ставших в настоящее время основными массовыми формами *производственного* кооперирования крестьянства.

Производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации организованы в виде централизованных союзов (Хлебоцентр, Маслоцентр, Льноцентр и т. д.), об'единяющих *в государственном масштабе* соответствующие отрасли сельскохозяйственного производства. Каждый из этих союзов обслуживает *одну* определенную отрасль сельского хозяйства, об'единяя в качестве своих членов только те крестьянские хозяйства, которые непосредственно участвуют в обслуживаемой отрасли сельскохозяйственного производства: Хлебоцентр об'единяет производителей зерна, Маслоцентр—молочные хозяйства, Табаководный Центр—табаководов и т. д.

В этой особенности организационного строительства производственно-сбытовых систем *(однородность производственных интересов членов, специализация аппарата и т. д)* заключается одна из существенных причин их успешного развития и массового охвата ими крестьянского населения и крестьянского оборота.

Выше мы привели цифры, характеризующие охват производственно-сбытовыми системами сельско-хозяйственного рынка. Не менее значительны их достижения в деле охвата крестьянского населения. Некоторые из них, как, например, табаководная кооперация, свеклосеевная кооперация охватили до 80—85% всех производителей этих культур. Система Маслоцентра об'единяет в основных молочных районах от 65—90% молочных хозяйств. Союзкартофель об'единяет в главных районах своей деятельности свыше 50% производителей картофеля и т. д.

Социальный состав и социальное содержание работы производственно-сбытовых систем.

Уже одни эти цифры показывают, что производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации представляют собой в основном движение середняцких и бедняцких масс деревни. Это положение подтверждается результатами многочисленных обследований социального состава и содержания работы производственно-сбытовых систем. Приведем некоторые цифры, характеризующие социальный состав молочной кооперации.

Группы	Сибирь		Урал		Европейская часть	
	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.	1925 г.	1926 г.
Без коров	1,0	0,8	0,7	—	2,9	2,5
С 1 коровой	32,4	33,5	28,5	19,4	38,8	48,1
» 2—3 коровами	52,7	49,2	56,5	60,0	53,2	46,7
» 4 и более	13,9	16,5	14,3	20,6	5,1	2,7
Итого	100	100	100	100	100	100

В апреле 1926 года Маслоцентром было произведено специальное обследование, охватившее 197 артелей Сибмаслосоюза,

об'единяющих 48.597 хозяйств в целях выяснения степени *хозяйственного* участия отдельных социальных групп в молочных артелях.

Результаты этого обследования представляются в следующем виде:

	Без коров	С 1 коров.	С 2 коров.	С 3 коров.	С 4 коров.	С 5 коров.	С 6 коров.
Членов артелей в %	1,4	33,3	37,4	16,2	6,6	2,9	2,2
Занос ими молока в %	—	17,1	34,2	21,4	12,4	6,1	8,8
Коэффициент участия (отношение хозяйств. участия к организационному участию)	—	0,5	0,9	1,3	1,9	2,1	4,0

Из этой таблицы видно, что однокоровные и 2-коровные хозяйства составляют 70,7% всех членов молочной кооперации.

Участие этих групп в заносе молока равно 51,3% от общего количества. Участие 3-коровных хозяйств выражается соответственно в 16,2% и 21,4% (занос молока), многокоровных хозяйств (от 4 коров и выше)—11,7% и 27,3%.

Значительный интерес представляет следующая таблица, в которой дается сравнение социального состава членов (по коровности) в *дореволюционном* Сибирском Союзе молочных артелей с социальным составом современной молочной кооперации.

	Группы хозяйств			
	С 1 кор.	С 2—3 коровами	С 4 и более	Итого
Сибирский Союз маслодельн. артелей (1907 г.)	7,3	35,5	57,2	100,0
Сибсельмаслосоюз (1925 г.)	35,8	52,1	12,1	100,0

Эта таблица выявляет в резкой форме различие в социальной природе современной и дореволюционной с.-х. кооперации. В современной молочной кооперации насчитывалось в 1925 г. 35,8% однокоровных хозяйств вместо 7,3% в прошлом и, наоборот, 12,1% членов с 4 и больше коровами вместо 57,2% в дореволюционном Сибирском Союзе молочной кооперации.

На 1-е апреля 1926 года Маслоцентр произвел специальное обследование социального состава органов управления, охватившее 197 артелей, входящих в состав Сибмаслосоюза. Обследование это было произведено по 3-м основным признакам—по посевности, лошадности и коровности. Результаты этого обследования даны в нижеследующих таблицах:

	Распределение по посеву						
	Без посева	До 2 дес.	От 2—4 дес.	От 4—6 дес.	От 6—8 дес.	От 8—16 десятин	Свыше 16 десятин
Председатель правления	7,2	12,3	23,9	26,7	10,8	17,9	1,2
Члены »	6,5	13,0	28,1	22,0	11,6	17,6	1,2
Председатель Ревкомиссии	12,9	11,7	23,0	23,8	10,9	15,7	2,0
Итого	8,3	12,5	25,8	23,6	11,2	17,2	1,4

	Распределение по лошадности				
	Безлошадн.	С 1 лош.	С 2 лош.	С 3 лош.	С 4 лош.
Пред. правления	9,1	29,2	33,6	15,8	12,3
Члены »	9,7	29,4	32,0	14,3	14,6
» Ревкомиссии	15,6	28,8	25,2	15,2	15,2
Итого	11,0	29,2	30,7	14,9	14,2

	Распределение по коровности						
	Бескоровн.	С 1 коров.	С 2 коров.	С 3 коров.	С 4 коров.	С 5 коров.	С 6 и более коровами
Председатель правления	0,8	12,7	33,9	20,7	14,7	7,6	9,6
Члены »	2,0	16,3	30,9	21,8	13,7	5,0	10,3
» Ревкомиссии	3,6	16,1	36,1	17,3	11,2	6,4	9,3
Итого	2,1	15,2	33,0	20,4	13,3	6,0	10,0

Данные Сибмаслосоюза по составу выборных органов маслодельных артелей в 1926/27 году в сравнении с 1925/26 годом по 1700 артелям таковы:

	Имеющих коров						
	1	2	3	Итого 1—3	4—6	7—9	10 и более
На 100 председателей маслоартелей приходится:							
1926 г.	13,6	25,1	17,9	56,6	30,4	9,8	2,2
1927 г.	16,6	27,7	18,5	62,8	26,2	6,9	2,0
На 100 членов правлений (с председателем):							
1926 г.	12,2	25,8	18,9	56,9	29,8	9,1	3,0
1927 г.	15,5	28,4	18,4	62,3	26,6	7,1	2,3
На 100 членов Ревкомиссий:							
1926 г.	13,7	27,4	18,7	59,8	27,6	7,2	2,7
1927 г.	16,7	28,2	17,6	62,5	24,5	5,3	2,2

Следующие данные характеризуют состав правления первичных молочных кооперативов по Северо-Западной области после отчетной перевыборной кампании 1926 года.

	По Северо-Западной Области						В том числе:	
	Бескоровн.	С 1 коров.	С 2 коров.	С 3 коров.	С 4 коров.	С 5 и более коровами	Парт.	Беспарт.
Старый состав правл.	0,6	22,5	43,9	20,8	7,3	4,9	5,3	97,7
Новый » »	1,4	28,4	42,7	17,3	7,1	3,1	6,9	93,1

Как в системе Сибмаслосоюза, здесь заметно усиление представительства в правлениях бедняцких и середняцких групп. Необходимо однако отметить, что % участия этих групп в органах управления еще отстает от % их участия в составе членов молочной кооперации.

Система Льноцентра.

Произведенное Льноцентром обследование, охватившее около 10.000 кооперированных крестьянских хозяйств льноводных районов, рисует социальный состав членов льноводной кооперации в 1925—26 году в следующем виде:

	По признаку лошадности					
	Число хозяйст.	Число крестьянских хозяйств—членов т-в				
		Безлошадных	1-лош.	2-лош.	3-лош.	4-лош.
Кооперированные	100	14,8	69,2	15,0	0,9	0,1
Все с.-х. население	100	18,9	69,8	10,5	0,7	0,1

	По признаку коровности					
	Число хозяйств	Число крестьянских хозяйств, имеющих коров на одно хозяйство в процентах				
		Бескоровных	1-кор.	2-кор.	3-кор.	4-кор.
Кооперированные. .	100	7,6	53,3	29,1	7,9	2,1
Все с.-х. население .	100	8,9	56,3	28,3	5,2	1,3

В 1926—27 году было произведено более детальное *повторное* обследование этого района, охватившее по 4 союзам и 12 товариществам 4789 кооперированных крестьянских хозяйств. Это обследование полностью подтверждает середняцко-бедняцкий характер льноводной кооперации. Вот результаты этого обследования:

	до 2 дес.	от 2—6 дес.	от 6 и выше	
Число хоз. в проц. . . .	21,4	72,3	6,3	100

21,5 кооперированных хозяйств с посевом до 2-х десятин имеют

посева	лошадей	коров	валового дохода
9,8	15,8	15,7	12,9

Вся эта группа хозяйств может быть отнесена к бедноте. 72,3 хозяйств с посевом от 2—6 десятин имеют:

посева	лошадей	коров	валового дохода
75,7	74,3	75,1	76,5

Середняцкий характер этой группы подтверждается таким образом всеми показателями.

6,3 хозяйств с посевом свыше 6 десятин (зажиточные хозяйства) имеют:

посева	лошадей	коров	валового дохода
14,5	9,9	9,2	10,6

Среди членов кооператива число нанимающих рабочую силу составляет 17,5%. Не все они могут быть отнесены, однако, к группе нетрудовых хозяйств. Число арендующих пашню составляет 3,3%, имеющие собственные торговые заведения—1,6%.

Участие отдельных групп в хозяйственной работе льноводной кооперации характеризуется следующими цифрами: бедняцко-середняцкая группа реализует через кооперацию 78,1% от всей реализуемой ею продукции; середняцкая группа—66,5%; зажиточная группа—55,8%.

В общих оборотах льноводной кооперации главное место занимает, однако, середняцкая группа (76,39% кооперативного сбыта), затем идет беднота—18,1%; на последнем месте стоит зажиточная группа—8,9%. Это показывает, что льноводство развито, преимущественно, в середняцко-бедняцких хозяйствах.

Социальный состав картофельной кооперации.

Социальный состав членов картофельной кооперации характеризуется по посевности, лошадности и коровности следующими таблицами:

По посевности (на 1/IV—26 г.).

	Без посева	С 1 дес.	С 1—2 десят.	С 2—3 десят.	С 3 и больше	Всего
% хозяйств	1,8	42,7	46,7	7,3	1,5	100

Из этой таблицы видно, что хозяйства с посевом до 2 десятин составляют 91,2% всех хозяйств, группа хозяйств свыше 3 десятин—1,5%. Группировка по коровности показывает, что бескоровные и однокоровные хозяйства составляют у членов картофельной кооперации 68,56%; хозяйства с 3 коровами и выше составляют ничтожный процент—1,92%.

Группировка по коровности на 1/V—26 г. по 4 товариществам.

	бескоровн.	с 1 коров.	с 2 коров	с 3 и больше	всего
% хозяйств	8,0	60,56	29,52	1,92	100

Бедняцко-середняцкий характер картофельной кооперации полностью подтверждается также группировкой по лошадности.

Группировка по лошадности (на 1/IV—26 г.).

	безлошад.	с 1 лош.	с 2 лош.	с 3 и больше	всего
% хозяйств . .	32,36	65,77	1,77	0,10	100

То же самое подтверждается произведенным Союзкартофелем бюджетным обследованием кооперированных хозяйств.

Распределение хозяйств по валовому доходу (по 3 товариществам, обследованным Союзкартофелем).

	до 200 р.	до 400 р.	свыше 400 р.	всего.
% хозяйств	72,3	27,3	0,4	100

Больше 70% кооперированных хозяйств имеют в год доходу меньше 200 рублей.

Участие отдельных групп в *хозяйственной* деятельности кооперативов определяется ниже следующей таблицей.

В 1925—1926 году обследованные хозяйства поставили для переработки на заводах следующее количество картофеля по группам:

группы по посевам	поставка на заводы в % к валовому сбору
до 1 десятины . . .	43,4
от 1 до 2 дес. . . .	47,3
» 2 » 3 » . . .	18,5
свыше 3 » . . .	13,3
в среднем » . . .	20,6

Как и в льноводной кооперации *степень охвата хозяйств членов растет в картофельной кооперации от высших по посевности групп к низшим.* В этом же направлении растет и роль посевов картофеля в общей посевной площади.

Социальный состав органов управления картофельной кооперации полностью соответствует социальному составу ее членов.

Примерно то же положение рисуется и в свеклосевной кооперации. Соотношение групп хозяйств по посевности (по данным 20 свекловичных организаций в 1926 г. представляется в следующем виде:

Группы по посевности	По данным анкетного обследования в 1926 г.		По данным подворного обследования 1924 г.[1])	
	Число хозяйств в группе	В % к итогу	Число хозяйств в группе	В % к итогу
С посевн. свеклы до 0,25 дес.	10.398	24,5	444	27,9
» 0,26—0,50	13.076	43,4	577	36,3
» 0,51—0,75	6.931	13,9	293	18,4
» 0,76—1,0	4.670	11,4	151	9,5
Свыше 1 дес.	2.696	6,8	126	7,9
Всего . . .	42.771	100,0	1.591	100,0

Сравнение данных по хлопководной кооперации за 1925—26 год и 1926—27 год показывает передвижку, в сторону увеличения числа маломощных хозяйств, что видно из следующей таблицы:

Группы по посевности	1925—26 года		1926—27 года	
	Число членов	В % к итогу	Число членов	% к итогу
С посев. до 1 дес.	287.850	59,6	466 018	71,8
» » от 1—2 дес.	131.850	27,3	140.195	21,6
» » » 2—3 »	40.087	8,3	29.856	4,6
Свыше 3 дес.	23.183	4,8	12.981	2,0
Итого . . .	482.970	100,0	649.050	100,0

Все приведенные выше данные говорят о том, что основная масса членов производственно-сбытовых систем с.-х. кооперации принадлежит к бедняцко-середняцким слоям деревни. Процент зажиточных хозяйств среди членов с.-х. кооперации очень не велик.

Иные результаты получаются, однако, если проанализировать *степень кооперирования* различных слоев крестьянства. Те же обследования показывают, что, как общее правило, степень

[1]) Ю. В. Вильдо, С. Г. Ужанский и Ф. А. Цилько «Крестьянское и крупнозаводское с.-х. о-во в связи с проблемой свеклосеяния».

кооперирования каждой социальной группы *тем выше, чем она зажиточнее:* кооперированность зажиточной группы *выше* кооперированности середняцкой группы, кооперированность середняцких слоев *выше* кооперированности деревенской бедноты. Это можно видеть из следующих таблиц, рисующих соотношение различных имущественных групп в картофельной кооперации по сравнению с их соотношением среди всего населения.

Группы	Все крест. хоз. района % хозяйств	Члены товариществ		
		% хоз.	% кооперирован.	Коэффиц. участ.
По посевам				
До 1 десятины	42,70	29,80	31,71	0,7
От 1—2 »	38,69	47,50	52,23	1,1
» 2—3 »	14,62	19,50	63,67	1,3
» 3—4 »	3,10	5,10	75,80	1,6
» 4—5 »	0,70	0,90	57,14	1,3
Свыше 5 »	0,19	0,20	50,00	1,0
Итого . . .	100,00	100,00	100,00	100,00

Группы	Все крест. хоз. района % хозяйств	Члены товариществ		
		% хоз.	% кооперирован.	Коэффиц. участия
По лошадности				
Безлошадн.	42,90	35,50	35,36	0,7
1-лошадн.	56,65	65,70	52,52	1,1
2-лошадн.	0,41	0,75	71,42	1,8
3-лошадн.	0,04	0,05	80,00	1,2
Итого . . .	100,00	100,00	65,00	

Это относится и к льноводной кооперации (см. приведенные выше таблицы) так же, как и ко всем другим производственно-сбытовым системам с.-х. кооперации.

Этот факт заслуживает самого серьезного внимания, поскольку он указывает, что в деле вовлечения и обслуживания кооперацией маломощных слоев деревни далеко не все еще сделано.

Необходимо, однако, иметь в виду, что более низкий процент участия в кооперации маломощных хозяйств вызывается двумя совершенно *различными* причинами: 1) более слабым вовлечением маломощных слоев населения в с.-х. кооперацию в связи со слабым развитием товарности этих хозяйств, недостаточной активностью маломощных слоев и т. д. и 2) поднятием маломощных хозяйств и их передвижкой в более зажиточные группы уже

внутри с.-х. кооперации под непосредственным влиянием последней. Особенно заметное влияние оказывает в этом отношении то обстоятельство, что с.-хоз. кредит направляется в деревню исключительно по линии с.-хоз. кредитной кооперации и распределяется за редкими исключениями только среди кооперированного населения.

Вторая причина указывает на то, что % маломощных хозяйств в с.-х. кооперации *нормально* должна быть *меньше*, чем среди некооперированного населения.

Рамки настоящей статьи не позволяют нам подробнее остановиться на вопросе о социальном составе и содержании работы с.-х. кооперации. Однако и приведенные данные позволяют установить с достаточной ясностью, что по социальному составу, социальному содержанию работы и по социальному составу органов управления, производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации представляют собой в основном движение середняцко-бедняцких масс деревни.

Как бы ни были еще значительны отдельные недостатки, ошибки и извращения в этой области, движение в целом развивается по правильному классовому пути, по пути укрепления блока бедняка и середняка против капиталистической верхушки деревни.

Организация сельско-хоз. оборота.

Исходной задачей производственно-сбытовых систем является сбыт крестьянской продукции на центральных рынках (внешнем и внутреннем). Этим об'ясняется централизованная форма их организации. Удельный вес их в с.-х. обороте непрерывно растет, развиваясь за счет вытеснения частного капитала и постепенной замены государственной торговли. Ход развития производственно-сбытовых систем свидетельствует о неизбежности полного охвата ими в сравнительно близком будущем всего с.-х. оборота страны. *Мы приближаемся уже сейчас к фактической монополии с.-х. кооперации в ряде областей сельского хозяйства.*

На ряду с количественным ростом кооперативного оборота растет его *организованность и плановость*. Это находит свое выражение в усилении связи между отдельными звеньями системы, в централизации кооперативного оборота и растущей роли кооперативных центров в руководстве хозяйственной деятельностью периферии. *Решающее значение в этом отношении приобретает государственное регулирование рынка.*

Государственное регулирование распространяется в настоящее время на все важнейшие стороны хозяйственной деятельности с.-х. кооперации. *Заготовительные и сбытовые цены, условия заготовки и реализации крестьянской продукции, направление товарных масс, внешняя торговля, взаимоотношения с потребителями, размеры торговых и накладных расходов, размер капиталонакопления в кооперативной системе и т. д.*—все эти моменты хозяйственной деятельности с.-х. кооперации подчинены в настоящее время государственному контролю и регулированию. Последнее имеет своей задачей увязать в деятельности кооперативных организаций частно-хозяйственные интересы индивидуальных крестьянских хозяйств *с общими интересами народного хозяйства, с задачами социалистического строительства.*

Одновременно с ростом кооперативного оборота меняется характер с.-х. кооперации: она теряет рыночные формы оборота и в значительной мере свою *частно-хозяйственную природу.*

От «свободной» торговли крестьянской продукцией с.-х. кооперация переходит к плановому обороту, регулируемому государством в соответствии с общим планом развития народного хозяйства. Это относится в настоящее время ко всем без исключения видам с.-х. кооперации. Система Хлебоцентра заготовляет и реализует хлеб по ценам, устанавливаемым государственными регулирующими органами; она строит свою сбытовую работу в строгом соответствии с государственным планом снабжения населения, государственным планом экспорта и т. д. То же самое следует сказать о системе Льноцентра, Маслоцентра и др.—все они заготовляют и реализуют крестьянскую продукцию по ценам и на условиях, устанавливаемых государством, по утверждаемым государством планам и т. д. Опыт показывает, что регулирование с.-х. кооперации протекает не менее успешно, чем регулирование государственной торговли и потребительской кооперации.

Плановость кооперативного оборота определяется теснейшей связью с.-х. кооперации с государственным хозяйством и системой планового хозяйства в целом. Влияние последнего сказывается с огромной силой во всех областях деятельности с.-х. кооперации, в области—снабжения, сбыта, кредита. В области производственного снабжения, деятельность с.-х. кооперации целиком определяется государственным планом производства, импорта и сбыта орудий и средств с.-х. производства, с одной стороны, условиями и характером ее взаимоотношений с государственной промышленностью,—с другой. *Плановость кооперативного оборота непосредственно вытекает здесь из плановости государственной промышленности, государственной торговли, государственного кредита и т. д.* То же самое имеет место по линии сбыта крестьянской продукции. С.-х. кооперация встречается здесь почти исключительно либо с плановой государственной промышленностью (сбыт с.-х. сырья), либо с организованным потребителем (сбыт продовольственных продуктов). По линии кредитных функций она находится в сильнейшей зависимости от государственного кредита.

Направление кредитной деятельности с.-х. кооперации непосредственно определяется плановым и целевым характером государственного кредитования.

Плановость кооперативного оборота вытекает, таким образом, из всего строя нашего хозяйства. *Организующая роль с.-х. кооперации дополняется и в основном определяется в современных условиях влиянием на нее всей системы планового хозяйства.* Через с.-х. кооперацию оказывают организованное воздействие на крестьянское хозяйство социалистическая промышленность, система государственного кредита, об'единенный потребитель и, наконец, государственные регулирующие и планирующие органы, непосредственно регулирующие кооперативный оборот на внешнем и внутреннем рынках.

Вовлечение с.-х. кооперации в русло планового хозяйства облегчается тем обстоятельством, что хозяйственная деятельность ее, связанная в первую очередь со сбытом крестьянской продукции, сосредотачивается в главной своей части в *центральных звеньях* кооперативной системы, которые гораздо легче поддаются

государственному регулированию, чем распыленная кооперативная периферия. Можно было бы сказать, что степень вовлечения кооперативного оборота в плановое русло непосредственно определяется степенью его централизации. По данным текущего года роль Хлебоцентра в общем хлебообороте с.-х. кооперации возросла с 38% до 78%, Льноцентра до 100%, Табаководсоюза с 47% до 97% и т. д.

Основным условием успешного регулирования с.-х. кооперации, является правильная увязка в деятельности кооперативных организаций частно-хозяйственных интересов индивидуальных крестьянских хозяйств с общими государственными интересами (Ленин), а также правильное сочетание государственного регулирования с кооперативной самодеятельностью трудовых масс крестьянства. Это далеко еще не всегда имеет место в практике регулирования с.-х. кооперации. Всем памятны, в частности, прошлогодние ошибки в области регулирования цен и то влияние, которое они оказали на развитие интенсивных отраслей сельского хозяйства (технические и специальные культуры, молочное животноводство, птицеводство) и на обслуживающие эти отрасли производственно-сбытовые системы. В значительной своей части, эти ошибки исправлены и изжиты в настоящее время; само собой разумеется однако, что несовершенство методов и об'ективные трудности государственного регулирования с.-х. кооперации еще долго будут давать себя чувствовать.

Но как бы ни были еще значительны трудности приспособления кооперации мелких товаропроизводителей к современным условиям планового хозяйства, задача эта оказалась вполне разрешимой. «Теперь мы нашли ту ступень соединения частного интереса, частного-торгового интереса, проверки и контроля его государством, степень его подчинения общим интересам, которая раньше составляла камень преткновения для многих и многих социалистов» (Ленин).

Кооперативный оборот постепенно становится нераздельной частью государственного планового хозяйства. Мы все лучше используем огромные преимущества планового хозяйства для ускорения темпа поднятия сельского хозяйства и его реорганизации на новой технической и общественной основе.

В государственном регулировании кооперативного оборота и его вовлечении в русло планового хозяйства, заключается одна из коренных особенностей с.-х. кооперации СССР, обеспечивающая на ряду с прочими условиями ее быстрый рост и развитие в социалистическом направлении.

С.-х. кооперация и социалистическая промышленность.

Плановость кооперативного оборота получила наибольшее развитие в сырьевых отраслях сельского хозяйства. Это об'ясняется массовым кооперированием производителя и, высокой организованностью потребителя продукции этих отраслей.

Национализация промышленности и ее синдицирование коренным образом изменили положение на рынке сельскохозяйственного сырья: исчез «свободный» рынок для сбыта продукции сырьевых отраслей и его место занял *монопольный плановый потребитель в лице об'единенной государственной промышленности.*

Государственные синдикаты и тресты являются в современных условиях основными, а в ряде отраслей единственными потребителями с.-х. сырья: Главхлопком—монопольный потребитель хлопка, Сахаротрест—монопольный потребитель рыночной массы свеклы, почти единственным потребителем льна на внутреннем рынке является Текстильсиндикат, Табачный синдикат — единственный и фактически монопольный потребитель табачного сырья. Роль неорганизованных заготовителей совершенно ничтожна.

Организованность и плановость потребителя, с одной стороны, и массовое кооперирование производителей сырья—с другой, сделали возможным и неизбежным переход в этих отраслях от стихийных рыночных отношений между производителем и потребителем к плановому обороту.

Снабжение государственной промышленности сельскохозяйственным сырьем, осуществляется в настоящее время в плановом порядке на основе генеральных договоров, заключаемых между об'единениями государственной промышленности с соответствующими центрами с.-х. кооперации.

Льноцентр имеет генеральный договор с Текстильным Синдикатом по снабжению промышленности льном; свеклосевная кооперация снабжает сахарную промышленность по генеральному договору с Сахаротрестом; Табаководный центр имеет генеральный договор с табачной промышленностью и г. д. Эти договоры, заключаемые под контролем государственных регулирующих органов, устанавливают на весь хозяйственный год порядок и условия снабжения промышленности сырьем: цены, качество продукции, условия и сроки доставки сырья и т. д.

Таков первый этап в организации сырьевых отраслей сельского хозяйства, характеризуемый переходом от стихийных рыночных отношений между производителем и потребителем к плановому снабжению государственной промышленности через кооперативную систему.

Организация крестьянского оборота создает, в свою очередь, необходимые предпосылки для постепенного вовлечения в плановое русло *процессов крестьянского производства.* Изживание стихийных рыночных отношений в области сбыта крестьянской продукции делает неизбежным переход в сырьевых отраслях, от *стихийного* производства на *рынок к плановому* производству *по заказу* организованного потребителя.

Основной формой вовлечения крестьянского производства в плановое русло является *контрактация* посевов, широко применяемая в настоящее время по линии хлопководства, свеклосеяния и других технических культур.

Наглядным примером последовательного вовлечения крестьянского производства и оборота в русло планового хозяйства, может служить свеклосевная кооперация. Как мы уже отметили выше, Сахаротрест является в современных условиях монопольным плановым потребителем рыночной массы свеклы. В свою очередь, свеклосевная кооперация об'единяет около 85—90% свеклосевов и приблизительно такую же часть крестьянской продукции. Этим определяется возможность постепенного перехода в этой отрасли крестьянского хозяйства к плановому производству и организованному снабжению государственной промышленности. *Производство свеклы целиком базируется в настоящее время на контрактации посевов.*

Ежегодно за несколько месяцев до посева, Сахаротрест дает центральному кооперативному об'единению свеклосевов заказ на производство и доставку необходимой для сахарных заводов свеклы.

Основные условия заказа (условия производства и сбыта, цены, порядок расчета и т. д.) определяются генеральным соглашением между Сахаротрестом и Центральным Об'единением Свеклосевов.

На основе этого соглашения, утверждаемого правительством, сахарные заводы заключают дополнительные локальные договоры с местными об'единениями свеклосевов. Соглашение между Сахаротрестом и об'единением свеклосевов *регулирует все основные процессы производства свеклы*. Им предусматривается определенный ряд обязательств со стороны производителя *по рационализации производства и улучшению качества продукции*.

Согласно недавно утвержденного ЭКОСО генерального соглашения между Сахаротрестом и свеклосевной кооперацией, кооперированный производитель свеклы обязан *засеять свой участок улучшенными семенами, специально получаемыми с этой целью от Сахаротреста, вложить в землю определенное количество минеральных удобрений, производить посев только сеялками и т. д.*

С этой целью Сахаротрест снабжает производителя через свеклосевную кооперацию улучшенным семенным материалом, минеральными удобрениями, машинами для производства и т. д., а также необходимыми денежными средствами (авансы). Издержки по этому снабжению вычитаются из цены свеклы.

Задачей свеклосевной кооперации является *об'единение населения и организация производства и сбыта крестьянской свеклы*. Она организует производителей свеклы, распределяет *за своей ответственностью* между членами свеклосевных об'единений полученные от Сахаротреста средства производства (денежные авансы, семена, орудия производства), снабжает их другими необходимыми материалами, организует агрономическую помощь и контроль над посевами, об'единяет производителей для совместного производства, в частности для коллективного пользования сеялками и другими машинами—короче, руководит всеми процессами производства, уборки и доставки свеклы на заводы. *Организация сбыта, снабжения и кредита неразрывно связана в деятельности свеклосевной кооперации с организацией крестьянского производства с его реконструкцией на новой технической основе.*

На примере свеклосевной кооперации отчетливо выявляются практические пути и конкретные условия перерастания *массовых* форм с.-х. кооперации в *производственную* кооперацию. Начальная стадия производственного кооперирования крестьянства производственно-сбытовыми системами, характеризуется постепенным вовлечением с.-х. производства *в государственное плановое русло*. Последнее находит свое выражение, переходе кооперированного мелкого товаропроизводителя, от стихийного производства на рынок к плановому производству по заказу кооперативных об'единений (контрактация посевов).

Необходимой предпосылкой для перехода к организованному производству, является изживание в крестьянском обороте элементов рыночной стихии путем кооперирования оборота и его вовлечения в плановое русло.

На примере свеклосевной кооперации мы видим, как в результате организации *производителя и потребителя* (гос. промышленность) стихия мелкого производства и обмена распыленных крестьянских хозяйств, начинает уступать место *в целых отраслях* сельского хозяйства *плановому производству и обороту* на основе более высокой техники (применение улучшенных семян, минеральных удобрений, применение машин и т. д.) *и постепенной коллективизации труда* на основе коллективного пользования машинами.

Свеклосевная кооперация—это *«своеобразная форма домашней системы крупного государственно-социалистического производства» (Сталин), каждый участник которой работает по единому государственному плану, на государственной земле, для государственной промышленности, сдавая всю свою продукцию государству, по установленным государством ценам и т. д.* Внешне сохраняя еще свою самостоятельность, мелкий товаропроизводитель на деле превращается здесь, в результате кооперирования, в работника «на дому» государственной промышленности.

Внедрение крупных машин в организацию крестьянского производства, будет постепенно превращать эту домашнюю систему крупного хозяйства в систему крупного обобществленного хозяйства. В каждом свеклосевном об'единении можно уже сейчас встретить в более или менее развитой форме элементы коллективизации крестьянского производства и труда, на основе коллективного пользования крупными машинами (в результате обязательного применения сеялок и др. крупных машин).

Не подлежит сомнению, что массовое колхозное строительство будет вырастать из недр производственно-сбытовых систем с.-х. кооперации.

Все вышесказанное отнюдь не характерно только для свеклосевной кооперации. Это относится и к хлопководческой кооперации и к другим сырьевым отраслям с.-х. кооперации. Каждая из них представляет в более или менее развитой форме «домашнюю систему крупного государственно-социалистического производства». Некоторые из производственно-сбытовых систем (Союзкартофель, Маслоцентр и др.) развивают значительную деятельность по линии механизации и индустриализации крестьянского производства (применение крупных машин, тракторизация, организация кооперативных маслодельных заводов, картофеле-терочных заводов, паточных заводов и т. д.), намечая таким образом пути постепенного перехода от «домашней системы крупного хозяйства» к обобществлению крестьянского производства.

В сырьевых отраслях с.-х. кооперации начинают отчетливо обрисовываться очертания новых форм социалистического земледелия: плановость оборота, плановое производство, его техническая реконструкция под руководством социалистической промышленности и т. д. Вряд ли нужно подчеркивать, что мы находимся еще в самом начале этого движения и что на этом пути перед нами еще стоят величайшие неразрешенные задачи. Но уже отчетливо выявились *практические пути* и *конкретные формы* этого движения (а не только общая линия). Вряд ли будет преувеличением сказать, что уже на современной стадии развития с.-х. кооперации, крестьянские хозяйства заметно начинают терять в ряде отраслей сельского хозяйства основные черты мелкого товаропроизводителя: свою распыленность, хозяйственную само-

стоятельность, стихийность производства и обмена, в известной мере свою техническую отсталость, последовательно врастая в общую систему государственного планового хозяйства. Попутно следует отметить, что последовательное вовлечение крестьянского оборота и производства в плановое русло, значительно облегчает регулирование процесса классового расслоения деревни. Как показывает опыт производственно-сбытовых систем, *производственная* помощь бедняцким хозяйствам приобретает при контрактации посевов вполне организованный и планомерный характер (в связи с авансированием производителя, снабжением его семенным материалом, минеральными удобрениями, орудиями производства и т. д.).

При организованности и плановости потребителя возможность и степень вовлечения сырьевых отраслей в русло планового хозяйства зависит, в первую очередь, от степени организованности производителей, т.-е. от развития с.-х. кооперации. Больше и нагляднее, чем где бы то ни было, здесь каждый шаг вперед по пути кооперативного развития непосредственно совпадает со строительством социализма.

На примере свеклосевной кооперации мы видели, как велика роль социалистической промышленности в деле переустройства сельского хозяйства и какое громадное значение приобретает в современных условиях, вопрос о взаимоотношениях и формах связи с.-х. кооперации с промышленностью. С этой точки зрения, необходимо особенно подчеркнуть положительную роль дифференциации с.-х. кооперации. Специализация с.-х. кооперации даст возможность установить непосредственную связь между каждой отраслью государственной промышленности и ее сырьевой базой. Организованный в кооперации производитель льна связывается через Льноцентр с текстильной промышленностью, табаководный центр непосредственно связывается с табачной промышленностью; об'единения свеклосевов с Сахаротрестом и т. д. Дифференциация с.-х. кооперации обеспечивает, таким образом, каждой отрасли промышленности возможность непосредственного влияния на организацию ее сырьевой базы. С другой стороны, она обеспечивает и наиболее полное представительство интересов и нужд производителя в его взаимоотношениях с госпромышленностью, что особенно существенно в условиях планового хозяйства. Без дифференциации с.-х. кооперации, вовлечение сельского хозяйства в плановое русло представляло бы несомненно чрезвычайные трудности. Необходимо все же отметит, что существующие взаимоотношения между государственной промышленностью и с.-х. кооперацией не могут быть признаны еще вполне удовлетворительными, а в некоторых отраслях даже нормальными (хлопок, табак).

Процесс дифференциации с.-х. кооперации и ее расчленения на специальные производственно-сбытовые системы, однако, далеко еще не закончен. Процесс этот едва только завершается в центре и лишь постепенно распространяется на кооперативную периферию.

Всего насчитывается в настоящее время 15 производственно-сбытовых центров с.-х. кооперации: Хлебоцентр, Маслоцентр, Союзкартофель, Птицеводсоюз, Животноводство, Пчеловодсоюз, Льноцентр, Центрсвеклосевной кооперации, Хлопководческий центр, Центр семеноводческой кооперации (последние 3 находятся

еще в стадии оформления). Помимо этих производственно-сбытовых центров существует специальный центр производственного снабжения (Сельскосоюз), специальный центр коллективного земледелия и 2 вспомогательных центра—Книгосоюз (для культурно-просветительной работы) и Коопстрахсоюз (центр кооперативного страхования).

Все эти ветви с.-х. кооперации, а также и все те, которые не успели еще оформиться в самостоятельные системы (с.-х. кредитная кооперация, мелиоративная кооперация и т. д.) об'единяются в центре Союзом Союзов.

Только некоторые из производственно-сбытовых систем успели закончить свое организационное строительство сверху до низу (Маслоцентр, Табаководный центр и др.).

От организации оборота, производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации последовательно переходят к организации сельскохозяйственного производства и его переустройству на новых началах социалистического земледелия.

Перерастание преимущественно сбытовых вначале систем с.-х. кооперации в производственно-сбытовые системы находит свое выражение, в первую очередь, в постепенном переходе *от заготовок готовой продукции к контрактации посевов.* Контрактация посевов, является наиболее простым и вместе с тем самым действительным способом вовлечения крестьянского производства в русло планового хозяйства. Ее основной смысл заключается, как уже отмечено выше, в переходе мелкого товаропроизводителя от стихийного производства на рынок к плановому производству по заказам кооперативного центра (или организованного потребителя). В результате соединенных усилий правительства и с.-х. кооперации, метод контракции получил в последнее время применение во всех полеводческих отраслях сельского хозяйства. На контрактации посевов *целиком* базируются в настоящее время производства ряда важнейших культур, как, например, хлопок, свекла. Контрактация посевов очень широко применяется также в производстве табаков и других более второстепенных культур: кенаф, лекарственные травы и пр. В этом году контрактация впервые была применена (и с большим успехом) для организации посевов льна, подсолнуха и других культур. Она получает в последнее время заметное развитие в области зерновых культур, главным образом, по линии семеноводства. Есть основания думать, что в ближайшие годы метод контракции найдет частичное применение и в животноводческих отраслях.

Постепенным внедрением государственного планового начала в с.-х. производство и с.-х. оборот, разрешается *основная и самая трудная задача социалистического переустройства сельского хозяйства.*

Последующая задача социалистического строительства, заключается в постепенном переходе от «домашней системы» крупного хозяйства к концентрации крестьянского производства на основе его механизации и коллективизации.

Контрактация посевов, связанная с подчинением крестьянского производства плановому руководству кооперативных центров, облегчает разрешение этой задачи, открывая широкий путь для организованного внедрения в крестьянские хозяйства новых технических и трудовых навыков.

Как мы видели, генеральное соглашение Сахаротреста со свеклосевной кооперацией, предусматривает *обязательное применение улучшенных семян, минеральных удобрений, крупных машин.* То же самое имеет место во всех других случаях перехода от стихийного производства к контрактации посевов. Центральными задачами кооперативного строительства становятся в этих условиях рационализация и механизация крестьянского хозяйства и его техническая реконструкция.

Под'ем сельского хозяйства, укрепление с.-х. кооперации и развитие индустриализации страны, обеспечивают необходимые условия для успешного разрешения этой задачи.

Само собой разумеется, что задача создания технической базы крупного с.-х. производства, может быть разрешена с.-х. кооперацией только при содействии всего государственного хозяйства, в первую очередь, социалистической промышленности. Мы видели какую огромную роль играет государственная промышленность в деле вовлечения крестьянского производства в плановое русло. Однако, промышленность оказывала до сих пор влияние на развитие сельского хозяйства почти исключительно в качестве *потребителя* крестьянской продукции. Неизмеримо слабее ее влияние по линии производственного снабжения деревни.

Развитие и углубление связи между с.-х. кооперацией и госпромышленностью в этой области значительно ускорит процесс производственного кооперирования крестьянства.

Продовольственные отрасли с.-хоз. кооперации и пути развития.

В отличие от сырьевых отраслей, где национализация и синдицирование промышленности почти полностью уничтожили свободный рынок для сбыта крестьянской продукции, в *продовольственных* отраслях сохранилась еще в значительной мере распыленность потребителя и производителя. Стихия рынка здесь только постепенно ограничивается государственным регулированием. Производственное кооперирование этих отраслей неизбежно будет итти поэтому более медленным темпом. Однако, тенденции развития и условия перехода в этих отраслях от стихии мелкого производства и обмена к плановому хозяйству в общем те же, что и в сырьевых отраслях.

Отчетливо начинают вырисовываться в частности условия и перспективы производственного кооперирования зерновых культур. Намечающийся постепенный переход от заготовки готовой продукции к контрактации посевов, т.-е. к плановому производству, создает необходимые условия для успешного производственного кооперирования крестьянства и в этой важнейшей, наименее еще организованной отрасли сельского хозяйства.

Значительный интерес представляет в этом отношении успешный опыт организации кооперативных товариществ по производству высокосортных семян. Число этих товариществ быстро растет. В некоторых районах, как, например, в Шатиловском районе (Орловской губернии), в такие товарищества об'единяются целые деревни.

Применяемые в этой области методы организации крестьянского производства не отличаются от обычных методов контрактации посевов.

Задачей семеноводческих товариществ является массовая репродукция получаемых от органов Наркомзема высокосортных семян. Семенной материал выдается членам т-в в ссуду до нового урожая. При этом производителю гарантируется приемка всего произведенного им зерна по заранее установленной, повышенной в сравнении с обычными культурами, расценке.

Как и в сырьевых отраслях, переход к организованному производству по заказу и под руководством кооперативного центра, неразрывно связан здесь с рационализацией и постепенной механизацией производственных процессов: с внедрением высокосортных семян, минеральных удобрений, крупных машин и т. д. Сеялка и трактор становятся в этих товариществах все более частым явлением, создавая условия для постепенного превращения их в простейшие формы коллективных хозяйств.

Число семеноводческих товариществ достигает в настоящее время около 1.500 с посевом высокосортных семян до 400 тысяч десятин (в указанное количество входят также и колхозы, занимающиеся производством семматериала). Товарная продукция чистосортных семян (по предварительным сведениям) ожидается в этом году около 15—16 миллионов пудов.

Все позволяет думать, что эти формы организации выйдут в ближайшем будущем из узких рамок *семеноводческой* кооперации, становясь постепенно основной формой организации *хлебной* кооперации.

Массовый переход к организованному производству зерновых культур не вытекает еще из условий монопольного рынка, как это имеет место в сырьевых отраслях. В предстоящем году с.-х. кооперация охватит только около 35% хлебооборота страны. Однако, уже современные размеры кооперативного хлебооборота и степень его организованности допускают в широких пределах возможность планомерного воздействия с.-х. кооперации на организацию крестьянского производства. Возможности в этой области могут быть значительно увеличены при правильном сочетании кооперативных мероприятий с государственным регулированием хлебооборота, в первую очередь, по линии регулирования цен. Последнее является, как показывает опыт, самым мощным орудием планирования крестьянского производства.

Достаточно привести один пример: неправильное регулирование цен в 1924—25 году вызвало резкое сокращение в последующем году посевов подсолнуха, повлекшее за собой значительную недогрузку жировой промышленности.

Установление правильного соотношения цен в настоящем году, соединенное с контрактацией через с.-х. кооперацию посевов подсолнуха, позволило полностью восстановить положение, доведя размеры посевной площади под подсолнухом до желательного уровня.

Контрактация посевов, соединенная с соответствующей постановкой снабженческой деятельности (снабжение улучшенными семенами, минеральными удобрениями и т. д.) с соответствующим регулированием цен, целевым кредитованием производителя и т. д.—коренным образом перестроит в более или менее близком будущем систему хлебной кооперации, переведя ее на правильные производственные рельсы.

Опыт семеноводческой кооперации и также опыт контрактации, проведенный Хлебоцентром в этом году, доказывают пол-

ную возможность и целесообразность этого перехода, как с организационной, так и с хозяйственно-финансовой стороны. С.-х. кооперации *выгодно* переходить по примеру сырьевых отраслей от заготовки продуктов стихийного крестьянского производства к плановому производству и сбыту высокосортных продуктов. С другой стороны, современное состояние с.-х. кооперации и фактически монопольная организация хлебного рынка, обеспечивают необходимые для этого организационные предпосылки.

Выводы.

Резюмируя все сказанное, мы должны признать, что опыт кооперативного строительства выявил уже с достаточной отчетливостью основные условия и *конкретные* формы производственного кооперирования крестьянства. Массовый путь к организации крестьянского производства лежит через организацию крестьянского оборота. Основными формами производственного кооперирования крестьянства, являются производственно-сбытовые системы с.-х. кооперации, об'единяющие и организующие *в государственном масштабе* под государственным руководством целые отрасли с.-х. производства.

Современный этап развития с.-х. кооперации, характеризуется широким охватом производственно-сбытовыми системами крестьянского оборота и последовательным вовлечением его в русло государственного регулирования и планового хозяйства.

В ряде отраслей сельского хозяйства, производственно-сбытовые системы вплотную подошли также к массовому вовлечению в русло планового хозяйства процессов крестьянского производства и их последовательной реконструкции на новой технической основе. Решающее значение имеет в этом отношении развитие и углубление практики контрактации посевов.

По мере вовлечения крестьянского оборота и производства в русло планового хозяйства, создаются главнейшие предпосылки для последовательного переустройства сельского хозяйства на социалистических началах.

В ряде отраслей сельского хозяйства производственно-сбытовые системы начинают заметно превращаться в «своеобразную форму домашней системы крупного государственно-социалистического производства». С наибольшей отчетливостью этот процесс выявился в сырьевых отраслях сельского хозяйства, где организация производителя облегчается в огромной мере высокой организованностью потребителя (социалистическая промышленность) и фактическим уничтожением в этих отраслях «свободного» рынка.

Новые формы социалистического земледелия начинают постепенно проникать и в продовольственные отрасли сельского хозяйства.

Дальнейшее развертывание социалистического строительства в деревне целиком упирается в проблему технической реконструкции крестьянского производства, в проблему его механизации и индустриализации.

Эти вопросы, неразрывно связанные с вопросами колхозного строительства, должны быть поставлены в настоящее время в центре внимания всей кооперативной работы.

Б. Маркус.

Вопросы охраны труда в платформе „пятнадцати“.

Открывая свой артиллерийский огонь по партии, группа Сапронова-Смирнова в противовес троцкистам решила наметить себе не только мишени «дальнего прицела». Она пытается пробить брешь поближе и в виде опыта ищет счастья на том, что она называет «цеховыми интересами рабочего класса».

Вооружившись бумагой, пером, гневом и несколькими вырезками из рабкоровских писем в «Труд», «группа 15» решила, что этого вполне достаточно для начала похода. Им не пришлось прихватить с собой такую «мелочь», как обоз цифр и фактов. Начав поход без этого обременяющего груза, оппозиционеры вынуждены были заменить их отсутствие трескучими фразами, рассчитанными не столько на убеждение, сколько на оглушение.

«*Улучшение положения рабочего класса приостановилось*», — пишут творцы платформы «пятнадцати».—Это не обмолвка, Сапронов и К⁰ пытаются подвести под этот тезис свой «базис» и преподносят нам букет следующих глубокомысленных «рассуждений»:

Прежде всего «группа 15» предлагает:

«*отменить изменения, внесенные в последние годы в Кодекс Законов о Труде, ухудшающие положение рабочего* [1]), как-то: сокращение продолжительности отпусков на вредных работах, расширение сферы применения женского труда, сокращение брони подростков и т. п.».

Далее «трогается» вопрос о рабочем времени.

«*Широко применяется, несмотря на безработицу, практика сверхурочных работ* [1]) НКТруда весьма редко отказывает в разрешении их».

В постановлениях партии, по их мнению, якобы

«ни одного слова нет о сокращении широко применяющихся *сверхурочных работ, которые действительно могли бы ослабить безработицу*» [1]).

Их вывод отсюда:

«Необходимо вести энергичную борьбу против обхода закона о нормальном рабочем дне, не допускать применения сверхурочных работ, кроме случаев крайней необходимости».

Под особую «защиту» сапроновцы берут временных рабочих. Здесь их обличающее перо неистощимо:

«Широко применяется практика найма «временных рабочих». Эти временные рабочие, поставленные в худшие усло-

---

[1]) Курсив мой. *Б. М.*

вия труда сравнительно с постоянными в отношении условий увольнения и выплаты выходного пособия, на деле отличаются от них сплошь и рядом только тем, что по истечении предельного срока они рассчитываются на несколько дней, а затем вновь принимаются как временные. *Это злоупотребление в значичительной степени влечет за собой, так называемую, «текучесть» рабочей силы, вытеснение квалифицированных рабочих неквалифицированными и понижение заработной платы* [1]). Вместо борьбы с этими злоупотреблениями, ЦИК и СНК СССР увеличивают предельный срок найма временных рабочих с одного до двух месяцев, что создает еще более благоприятную почву для злоупотребления».

Сугубого внимания удостоились вопросы технической охраны труда:

> «хуже всего обстоит дело с техникой безопасности, благодаря чему число несчастных случаев на предприятиях беспрерывно растет»,

пишут они в одном месте. Через несколько страниц эта мысль продолжается:

> «*Другой вид режима экономии—это сокращение расходов на технику безопасности* [1]). При недостаточности средств на капитальные работы, расходы на технику безопасности сокращаются в первую очередь. «Число несчастных случаев на предприятиях растет. На московских заводах и фабриках, например, в 1925 г. зарегистрировано 2.775 случаев, а в 1926 г. уже 6.111 [2]). По данным ЦСУ в I квартале 1925 г. на 100.000 проработанных человеко-дней было 22 несчастных случая с потерей трудоспособности, во втором квартале—24, в третьем—29, в четвертом—33 и т. д. («Труд», 8/III—27 г.).

Достаточно вчитаться во все эти утверждения, чтобы понять, что здесь перед нами—развернутое наступление на всю политику по охране труда: и в области правовой охраны труда неблагополучно (сверхурочные широко применяются, отпуска сокращаются) и в области оздоровления условий труда—худо, в частности и техника безопасности обстоит совершенно из рук вон плохо: расходы сокращаются, а несчастные случаи катастрофически растут.

Оппозиционерам хочется внушить партии, что в СССР дело с охраной труда благодаря политике ЦК обстоит в высшей степени печально. Для вящщей убедительности, они пристегнули к концу раздела об охране труда, «обобщающий» тезис: «*Внутренний распорядок на фабрике все более приближается к довоенному*».

Однако, они «пужают», а нам не страшно. Не страшно потому, что они вписывают в свою платформу такие «истины», которые их же выдают с головой. Но не будем забегать вперед.

Начнем по порядку. От нас требуют отмены тех «изменений, ухудшающих положение рабочих», которые внесены в Кодекс Законов о Труде в последние годы в области продолжительности отпусков на вредных работах. Но где они эти «изменения»? Покажите нам, назовите вслух хоть одно изменение, внесенное не только в Кодекс Законов о Труде, но и в последующие постановления ЦИК, СНК, НКТруда, которое сокращало бы в последние годы (ну хотя бы за четыре года) отпуска на вредных работах. Мы этого не знаем. Ни в одном законодательном справочнике этого никто не найдет. *Наоборот, мы сможем в любую минуту назвать до пятнадцати—двадцати постановлений, дополняющих после 1923 года основные списки профессий, имеющих право на удлиненые отпуска на вредных работах.* Мы можем показать также, что не только на бумаге, но и *фактически на деле из года в год растет средняя продолжительность отпуска.* Чтобы убедиться в этом, надо потрудиться просмотреть следующую таблицу:

[1]) Курсив мой. *Б. М.*
[2]) Цифры эти ничуть не соответствуют действительности.

Таблица № 1.

Продолжительность очередных отпусков по производствам в промышленности СССР в 1923, 1924, 1925 и 1926 гг.

(Данные ЦСУ).

Название группы производств	Средняя продолжительность очередн. отпуска в рабоч. днях в: 1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г.
1	2	3	4	5
Добыв. и обработка камней, земель и глины	12,4	12,1	11,7	12,2
Горная и горнозаводская промышленность	7,9	11,4	13,8	12,1
Металлообрабатывающая промышлен.	12,3	13,6	14,5	16,1
Производство машин, инструментов и аппаратов	13,0	13,9	14,0	15,4
Обработка дерева	10,2	11,1	10,4	10,7
Химическая промышленность	15,8	14,8	15,1	16,4
Произв. пищевых продуктов, напитков и наркотиков	15,7	15,4	17,4	18,0
Обработка твердых материалов животн. происхожд.	20,1	16,7	21,6	22,3
Кожевенная и меховая промышленность	17,3	15,9	15,9	16,9
Обработка хлопка	14,0	12,3	12,3	13,2
» шерсти	13,9	13,3	13,9	14,0
» шелка	16.6	19,8	15,2	15,1
» льна	11.6	13,6	12.3	12,9
» пеньки и прочих волокнистых веществ растительного происхождения	14,5	19,8	17,2	17,5
Обработка смешанных волокн. веществ	14,8	11.6	14,6	15,7
Одежда и туалет	16,3	16.6	15,8	14,9
Обработка бумаги	12,8	13,1	14,1	15,1
Полиграфические производства	19,3	20,4	22,4	24,1
Художественная и прикладная научная пром.	14,3	13.7	13,9	15,5
Производство и передача сил и водоснаб.	15,7	15,6	15,9	16,4
По всем производствам	12,7	12,9	14,0	14,0

Для большей ясности того, насколько у нас «неблагополучно» положение рабочего класса в этом вопросе, мы напоминаем, что в 1920 году в среднем на 1 работающего приходилось 6 рабочих дней фактически использованного ежегодного отпуска, в 1922 г.

10 дней, в 1923—12,7 дня, в 1924 г.—12,9, в 1925 г.—14 и в 1926 г.—14 дней. Тов. Сапронов кажется, готов позлорадствовать: раз 14 дней—где же здесь дополнительный отпуск по вредности? Но он проглядел, что речь идет не о календарных, а о рабочих днях (на каждый рабочий день в году приходится 1,2 календарных дня). Таким образом, если считать, что все без исключения рабочие и служащие имели бы право и использовали бы в натуре лишь очередной двухнедельный отпуск в году, то средняя цифра составляла бы 12 рабочих дней отпуска на человека, а остальные 2 дня на человека у нас получились благодаря тому, что часть рабочих пользуется удлиненным отпуском.

Некругло у «15» вышло в этом вопросе.

С тем же «успехом», что и в вопросе об отпусках, вы можете искать в Кодексе Законов о Труде изменений, ухудшающих положение рабочих и в других вопросах.

Мы не отрицаем, что профсоюзы и Наркомтруд принимали меры к расширению сферы применения женского труда. Мы исходили при этом из той «еретической» мысли (которую неоднократно высказывал и В. И. Ленин), что участие работницы в производстве является основой ее экономической независимости, что лишь на этой основе материальной самостоятельности достигается действительное, не бумажное, не декларативное равенство полов.

Более того, мы считаем положительным фактом то, что нам удалось реально приостановить вытеснение женского труда из производства. Это видно из следующих цифр: на 1/I—24 г. в цензовой промышленности было занято 423.168 женщин (27,4% ко всей рабсиле), на 1/I—25 г.—510.300 женщин (28,8%), на 1/I—26 г.—675.822 женщин (28,4%), на 1/I—27 г. 706.663 женщин (28,5%).

Мы считаем все это определенным достижением; пусть нам докажут вред этого. Но не сделано ли это в ущерб нашим завоеваниям по охране труда женщин? Демагоги из оппозиции могут из кожи вылезть вон, но *они не найдут фактов, которые доказали бы, что принятые меры нарушили в той или иной мере, завоевания Октября в области охраны женского труда*. Правда то, что в 1925 году был установлен точный список вредных работ, куда нельзя допускать женщин (до тех пор его не было). Тем самым было сказано, что нет законодательных ограничений для применения женского труда в других профессиях. Но пусть оппозиционеры докажут, что список этот не исчерпывает всех тяжелых вредных и опасных для женщин работ. Пусть оппозиционеры докажут, это; с нас же довольно того, что врачи, изучавшие этот вопрос, доказали обратное.

Оппозиционеры говорят о сокращении числа подростков в производстве: берем соответствующую справку из официальных источников: по данным ЦСУ число подростков, занятых в цензовой промышленности, составляло:

на 1/I—1924 г.	85.078	чел.	5,5%	к общему	числу	рабочих.	
на 1/I—1925 г.	90.864	»	5,1%	»	»	»	»
на 1/I—1926 г.	133.992	»	5,6%	»	»	»	»
на 1/I—1927 г.	139.368	»	5,6%	»	»	»	»

Мы видим непрерывный рост числа подростков в производстве.

В эти цифры не входят переростки, которые до последнего времени входили в «бронь» подростков и за счет коих будет происходить некоторое сокращение брони, путем их перевода в соответствующие категории рабочих (протокольные постановления СНК СССР от 12/VII—27 года).

Имеющий «глаза, чтобы видеть, и уши, чтобы слышать» без труда разберется и здесь в том, на чьей стороне правда. Не следовало бы «группе 15» «бухать в колокола, не заглянувши в святцы».

Не лучше вышло у оппозиции и с вопросом о сверхурочных работах. Краем уха они, вероятно, слышали о том, что на Женевской экономической конференции Жуо выступил с «разоблачениями» об отсутствии у нас 8-часового рабочего дня. Лавры Жуо не дают, очевидно, спать кое-кому из наших доморощенных «критиков».

Эти «критики» безапелляционно заявляют, что сверхурочные работы у нас так широко развились, что именно здесь, в борьбе с ними, лежит ключ к тому, чтобы «действительно ослабить безработицу».

Тут мы имеем и полновесное обвинение ЦК, который де этот вопрос «прозевал», тут сформулирована и заманчивая перспектива действительного ослабления безработицы.

Все кажется хорошо. Но вот беда, оппозиция опять забыла, что партия помнит завет Ильича и никому не верит на слово. Приходится взять цифры, лучше всего характеризующие факты. А они говорят следующее:

Таблица № 2.

Продолжительность рабочего дня промышленных рабочих СССР

(по данным ЦСУ).

	1923 г.	1924 г.	1925 г.	1926 г. (предвар. данные).
Средняя продолжительн. рабочего дня в часах	7,8	7,8	7,6	7,5
В том числе сверхурочн. часов . . .	0,28	0,19	0,18	0,17
% рабочих, работавших сверхурочно.	22,8	18,8	17,8	15,2
Число часов сверхурочн. работы на одного работавшего сверхурочно .	26,6	22,0	21,5	17,9

Мы видим здесь: 1) непрерывное уменьшение средней продолжительности сверхурочных работ на 1 рабочего; 2) % работавших сверхурочно непрерывно из года в год сильно снижается; 3) среднее число сверхурочных часов на 1 работающего сверхурочно непрерывно уменьшается; 4) самое количество сверхурочных работ по отношению ко всему урочному рабочему времени, составляет ничтожную величину: в 1923 г.—3,6%, в 1924 г.—2,4%, в 1925 г.—2,4%, в 1926 г.—2,3%. Вряд ли можно утверждать, что изживание этих сверхурочных работ может серьезно влиять на изживание безработицы.

Определенный успех борьбы со сверхурочными работами на лицо, особенно если принять во внимание, что некоторый хотя бы ничтожный % сверхурочных неизбежен и «в случаях крайней необходимости» милостиво допущен даже т. Сапроновым.

Считаем ли мы, однако, удовлетворительным нынешнее положение вопроса. Нет, нет и нет. И это неоднократно подчеркнуто в резолюциях и решениях партийных и руководящих советских органов: об этом можно прочесть в неоднократных директивах НКТ и НКРКИ—ЦКК. (См. указания: а) от 14/IV—24 г. «Известия НКТ СССР», № 17/28, 1924 г.; б) от 12/IV—26 г. «Изв. НКТ», № 24—25, за 1926 г.; в) 30/VIII—26 г. «Изв. НКТ», № 36, за 1926 г.). Об этом есть и в постановлении ЦИК и СНК СССР от 11/VI—26 г. «о режиме экономии», об этом можно прочесть в последних директивах СНК РСФСР, принятых в мае 1927 г. по докладу НКТруда и т. д.

И *все эти указания, партия и советские руководящие органы догадались сделать до «откровений» т.т. Сапронова-Смирнова.*

Насколько приведенные выше факты похожи на клевету, которую возвела «группа 15» на партию, видит теперь каждый. Факты положительно восстают против оппозиции.

Следующий вопрос: *о временных рабочих.* Действительно, закон устанавливает для них упрощенный порядок увольнения и иные нормы выплаты выходного пособия. Но ведь это вполне естественно и понятно каждому рабочему, что временному работнику, нанятому на несколько дней, даже на несколько недель, для подсобной работы или для замещения больного, никакое предприятие не сможет платить двухнедельного выходного пособия или предупреждать за 2 недели об увольнении. Если бы закон был иным, то его не выдержало бы никакое предприятие. Но «группа 15» хочет и здесь заработать капитал и указывает на возможность обхода закона.

Не скрываем, такие попытки возможны, как мыслимо предполагать нарушение и обход любого закона. Но они предусмотрены. В самом постановлении ЦИК и СНК СССР от 14/I—27 г., есть специальный пункт (22), указывающий, что закон об условиях труда временных рабочих не распространяется на случаи, когда уволенный временный рабочий или служащий, вновь нанимается на работу в то же предприятие, учреждение или хозяйство после перерыва, не превышающего одной недели. («Изв. НКТ», № 12, за 1927 г.).

16 апреля 1927 г. НКТруда СССР, вместе с ВСНХ, НКПС и ВЦСПС издало распоряжение (№ 17), устанавливающее пределы применения постановления ЦИК и СНК СССР от 14/I—27 г. «об условиях труда временных рабочих». В нем указано, что постановление может применяться к рабочим и служащим, привлекаемым для выполнения различных подсобных работ (погрузка, переноска, разгрузка, уборка материалов, выполнение ремонтных работ, различных работ подсобного характера) и для борьбы со стихийными бедствиями.

В том же постановлении, черным по белому запрещено выполнение длительных работ, путем неоднократного найма работников на одну и ту же работу и увольнения в целях использования правил постановлений ЦИК и СНК СССР от 14/I—27 года.

Таким образом, *нарушение закона о временных рабочих, автоматически приводит к тому, что работник перестает считаться временным и не попадает под действие этого закона, а работает на основе общих норм Кодекса Законов о Труде.*

Впрочем, писавшие платформу не столько стремились опорочить содержание закона «о временных рабочих», сколько делали из него всяческие выводы о грехах, в которых закон этот повинен и в которых заключается, так сказать, «гвоздь» вопроса. Последуем и мы за ними.

Первый грех—«текучесть» рабочей силы: оппозиция утверждает, что по данным НКТруда полный средний оборот рабсилы происходит у нас в течение 10 месяцев [1]). Как известно, злополучный закон был издан в январе 1927 года, а материалы о «текучести», приводимые в платформе, относятся к прежним годам. Так что немного непонятно, зачем ставить в связь злоупотребление законом о временных рабочих с тем, что было до его издания. Но это еще полбеды. Несколько хуже вяжутся рассуждения оппозиции с цифрами за последние годы. Вопрос этот характеризуется материалами ЦСУ, разработанными, к сожалению, лишь до II полугодия 1925—26 г.

Оказывается, что в 1923—24 г., за год выбывало [2]) 93,8% средне-месячного числа рабочих, в 1924—25 г.—92,5% в I полугодие 1925—26 г.—46%. Это высокие цифры, но все же и здесь авторы платформы хватили через край.

Надо ли еще говорить о том, что *утверждение будто злоупотребления временными рабочими «влечет за собой понижение заработной платы», является уже просто клеветой и наветом.* Всем известны основные данные о росте заработной платы. Мы не приводим их только потому, что они неоднократно были оглашены и в партийной и в профессионалистской печати.

Наконец, пресловутое вытеснение квалифицированных рабочих неквалифицированными, является опять-таки ничем иным, как полетом свободной фантазии авторов платформы, недоказанными ни в малой степени.

Переходим к следующей теме. Наши «прокуроры» узнали из корреспонденции «Труда», что несчастные случаи сильно растут. Из чего они сделали «обобщающий» вывод, что в связи с режимом экономии, сократились расходы на технику безопасности.

Мы берем материалы НКТруда и узнаем из них следующее: в РСФСР во всех госуд. предприятиях общесоюзной, республиканской и местной промышленности, расположенных на территории РСФСР, было израсходовано на капитальные вложения в области санитарного оздоровления условий труда и техники безопасности (в подсчет вошли лишь работы, перечисленные в особой номенклатуре ВСНХ и НКТ):

в 1924/25 г.	15,6	милл. руб. [3])
» 1925/26 г.	20,7	» » [3])
» 1926/27 г.	29,9	» » [3])

[1]) К слову,—в НКТ СССР таких данных вообще не имеется, а НКТ пользуется данными ЦСУ.

[2]) Именно число выбывших, а не вновь принятых на работу, характеризует «текучесть» рабсилы. *Б. М.*

[3]) См. примечание на стр. 86.

Госпланом СССР и РСФСР намечено на 1927—28 г.—36—37 милл. руб. (ориентировочно) [1].

Если взять по всему СССР (имеются данные лишь начиная с 1926—27 года, то окажется, что в 1926—27 году, на охрану труда было ассигновано по промышленности планируемой ВСНХ СССР—37 милл. руб. и по остальной промышленности 8 миллионов, всего свыше 45 миллионов рублей. На 1927—28 год намечается по контрольным цифрам Госплана более 20% увеличения. На жел.-дор. транспорте было ассигновано в 1926—27 г. около 4 миллионов рублей, а на 1927—28 г. намечается около 7—8 милл. руб. на работы по оздоровлению условий труда.

Но если так неудачно обстоит дело у «группы 15» со всеми данными в области охраны труда, то мудрено-ли, что они легко оказались сбитыми с толку заметкой в «Труде» о количестве несчастных случаев. Если в совершенно ясном вопросе об ассигнованиях на технику безопасности с ними произошел прискорбный «несчастный случай», то мудрено-ли, что они запутались в более сложном вопросе—в статистике несчастных случаев.

С регистрацией промышленного травматизма у нас дело обстоит не ахти как хорошо; полная регистрация несчастных случаев в довоенное время была очень плоха, она не налажена и по сей день. Но если это верно, то нельзя забывать и того, что она непрерывно и заметно улучшается. Характерно, например, что по материалам Главсоцстраха РСФСР еще в I квартале 1926 г. извещения о несчастных случаях были получены инспекцией труда в 58,8% всех оплаченных страхкассами несчастных случаев, во II квартале 1926 г. их было получено 66,1%; в III квартале—72,8%. Этим обстоятельством в значительной степени об'ясняется необычайно быстрый темп роста числа *зарегистрированных* несчастных случаев, который был приведен в заметке в «Труде» и о котором полнее (и точнее) можно судить по прилагаемой таблице.

Число зарегистрированных в органах НКТ несчастных случаев на 1.000 рабочих

(по сквозным данным по одному и тому же кругу предприятий с числом рабочих 250 и больше).

Таблица № 3.

	Всего несч. случ.	В том числе смертн.
1925/26 г. I квартал	21,1	0,067
II »	25,2	0,071
III »	29,3	0,062
IV »	30,1	0,061
1926/27 г. I квартал	31,2	0,075
II »	33,9	0,073

[1]) Сюда не входят данные по военной промышленности, а также по предприятиям местной промышленности, не планируемым ВСНХ. Сюда не входят мелкие работы по охране труда, выполняемые за счет цеховых расходов. Сюда не входят работы в новостроящихся предприятиях или цехах. Сюда не входят, наконец, мероприятия, имеющие к охране труда косвенное отношение (ремонт котлов, противопожарные меры и т. п.).

Характерно, что по данным органов соцстраха рост несчастных случаев, оплаченных кассами, происходит значительно медленнее, чем по материалам НКТруда. За 3 квартала—примерно на 5—6%: в I квартале 1926 г. было 32,4 несч. случая на 1000 застрахованных, во II квартале—34,2; в III—34,8. (Надо иметь в виду, что в этих цифрах отчасти отражен не только профессиональный травматизм, но и, так называемый, «бытовой травматизм», т.-е. увечья, не связанные с профессией).

В связи с невозможностью ясной оценки действительной картины движения несчастных случаев по этим данным, в ряде мест было произведено углубленное (монографическое) изучение несчастных случаев на крупнейших предприятиях. Выводы этих обследований не дают настолько мрачной картины, какую хочется видеть нашим оппозиционерам.

По Москве и Московской губернии тщательное изучение специалистами несчастных случаев на 9 крупнейших текстильных фабриках с 45.000 рабочих доказало, что по сравнению с довоенным временем, общее число несчастных случаев увеличилось (с 23,9 в 1912 г. на 1.000 рабочих до 48—в 1926 г.) в то же время коэффициент смертельных случаев на 1.000 рабочих упал с 0,05 в 1912 г. до 0,02 в 1926 г., число тяжелых случаев, закончившихся инвалидностью, понизилось на 1.000 рабочих с 4,3 в 1912 г. до 0,42 в 1926 г.

Такая же картина получилась при изучении травматизма на 9 крупнейших металлозаводах Москвы и Московской губернии с 20.578 рабочими: общее число несчастных случаев увеличилось (с 100—в 1912 г. до 193,5—в 1926 г. на 1.000 рабочих), смертельные случаи снизились с 0,5 до 0,1 на 1.000 рабочих и тяжелые случаи, закончившиеся инвалидностью, уменьшились с 9,9 на 1.000 рабочих в 1912 г. до 1,2 в 1926 г. Среднее число потерянных рабочих дней на 1 несчастный случай упало с 24,6 дня в 1912 г. до 12,2 дня в 1924 году.

По Ленинграду, по данным Губстатотдела, в 1925 г. на 1.000 рабочих приходилось 102,7 несчастных случаев, а в 1926 г. 121,7. Но при этом число смертельных и тяжелых несчастных случаев снизилось за то же время с 3,23 на 1.000 рабочих в 1925 г. до 2,38 в 1926 году.

По подмосковному угольному бассейну, средний годовой показатель несчастных случаев дал некоторое снижение (с 48 до 47 случаев на 200.000 проработанных человеко-часов).

В некоторых предприятиях (правда, это исключение) удалось резко понизить несчастные случаи, благодаря усилению мер по технике безопасности: мы можем для примера привести такие заводы, как «Металлампо» в Москве (228 случ. на 1.000 рабочих в 1925 г., 174—в 1926 г., около 150—в 1927 г.), государств. пивоваренный завод, пробочный завод в Ленинграде и проч.

Считаем ли мы на основании всего этого, что положение вопроса с несчастными случаями достаточно удовлетворительно? Нет и нет.

Так или иначе, несчастные случаи у нас очень часты, они растут непрерывно и даже—более того—несмотря на увеличение ассигнований на технику безопасности они вряд-ли уменьшатся в ближайшем году. Но какое, группа Сапронова, имеет право делать из этого платформу против партии, против ее ЦК, когда неоднократно сама партия подчеркивала этот вопрос в

своих решениях и давала твердые указания в направлении усиления работы по охране труда и в частности борьбы с травматизмом: 25 марта 1927 г. *ЦК ВКП(б) в резолюции по рационализации производства писал:*

«Хозорганы, профсоюзы и органы Наркомтруда должны разработать ряд практических мер по оздоровлению и улучшению условий труда, механизации тяжелых и вредных работ, с тем, чтобы эти мероприятия одновременно облегчали под'ем производительности труда рабочего (мероприятия по технике безопасности, улучшение освещения, нормальная температура, вентиляция и пр.)».

Постановлением IV Всесоюзного С'езда Советов, весной 1927 года также дана директива «об усилении работы по охране труда и технике безопасности путем осуществления мероприятий по оздоровлению и улучшению условий труда, а также путем проведения необходимой культурно-просветительной работы по борьбе с травматизмом среди работающих». Более конкретные директивы можно найти в резолюции VII С'езда Профсоюзов по докладу т. Шмидта. СНК СССР дал ясные указания хозорганам и Госплану об усилении расходов на охрану труда (пост. от 15/IV—27 г.). СНК РСФСР разработал указания об усилении охраны труда в постановлении от 11 июня 1927 г. и т. д.».

И все это было сделано не по напоминаниям «группы 15», а до того, как они собрались из этих вопросов создать «платформу» против нашей партии и ее ЦК.

Мы видим, что партия борется с травматизмом, прежде всего не криком, а непрерывным усилением средств, отпускаемых на технику безопасности. Улучшение заводского оборудования и транспорта, строительство новых предприятий, обучение рабочих основам техники безопасности, введение на предприятиях особых работников по технике безопасности и привлечение внимания рабочих и профорганизаций к вопросам охраны труда,—вот ряд мер, которые помогут изживанию травматизма. Без паники и демагогии, партия добьется на этом фронте определенных успехов.

Подгоняя все свои «предпосылки» к утверждению, что внутренний распорядок на фабрике все более приближается к довоенному, оппозиционеры не могли, конечно, ни словом обмолвиться о действительном положении у нас охраны труда: ясное дело, если бы они правдиво рассказали об этом,—не пришлось бы писать самой платформы. Именно, поэтому, они ничего не рассказали партии о том, что наша гос. промышленность, планируемая ВСНХ СССР «по довоенному», тратит в год, сверх расходов на оздоровление условий труда, 24 млн. рублей на спецодежду, 4 миллиона рублей на спецпитание, именно, поэтому, они ничего не рассказали о проведении в жизнь законодательства об охране беременности и материнства, об охране труда подростков, о сокращенном рабочем дне на вредных работах и т. д. и т. д. Они молчат об этом, ибо им нечего сказать здесь.

Они ни слова не смогли сказать о том, что мы попустительствуем тем или другим нарушениям в области охраны труда. Мы помним, что наше Советское государство имеет еще бюрократические извращения, что на определенных условиях допущен в хозяйстве и нэпман. И мы ничуть не собираемся гладить по головке ни бюрократа, ни нэпмана, наступающего на законнные права рабочего: достаточно сказать, что на 100 обследований частных предприятий инспекцией труда, мы имеем до 50 привлечений к ответственности. В то же время в государственных предприятиях, на каждые 100 обследований, инспекция труда привлекала к ответственности в 1924 и 1925 году—6—7 предприятий, а в 1926 г. от $10^0/_0$ до $13^0/_0$.

Обо всем этом оппозиция ничего не говорит членораздельно, предпочитая махать кулаками в воздухе, требуя установления «строжайших мер взысканий за непринятие мер по обеспечению безопасности работ». И даже здесь она не открывает Америки, ибо НКТруд и НКЮст. еще до платформы «15» дали конкретные указания всем судам о мерах судебной борьбы с несчастными случаями на производстве.

Мы подходим к итогам.

В вопросах охраны труда оппозиция оказалась пустоцветом:

1. Оценки, которые «группа 15» дает состоянию охраны труда, не только не соответствует, но прямо противоречат действительности.

2. Ни одного нового здорового делового предложения, которое бы своевременно не было предусмотрено партией, оппозиция в области охраны труда не дала.

3. Линия, намеченная и последовательно проводимая нашей партией в вопросах охраны труда, является единственно правильной и достигающей необходимых результатов. У нас нет никаких оснований пересматривать ее.

А. Вознесенский.

Аграрная революция в Китае и сельско-хозяйственный пролетариат.

(*В порядке постановки вопроса*).

В 1912 году Сун-ят-сен, только что избранный в Нанкине временным президентом Китайской республики, опубликовал в бельгийской социалистической газете «Le Peuple» (Народ) свою демократическую платформу. В ней он впервые коснулся и аграрного вопроса [1]:

Тов. Ленин, тотчас-же ухватился за нее, как «за исключительный по интересу документ».

Товарищ Ленин писал: «Какая экономическая необходимость вызвала в одной из самых отсталых крестьянских стран Азии распространение самых передовых буржуазно-демократических программ по отношению к земле?—*Необходимость разрушения феодализма во всех его видах и проявлениях*». («Невская звезда» 15-го июля 1912 г. № 17).

И дальше: «Главным представителем, главной социальной опорой китайской буржуазной революции выступает крестьянин».

Несколькими месяцами позднее, Ленин ставит общий для будущего теоретический вопрос: «Сумеют ли крестьяне Китая, не руководимые партией пролетариата, удержать свою демократическую позицию *против* либералов, которые только ждут удобного случая, чтобы перекинуться направо?—Это покажет будущее» [2].

«Будущее»,—через 15 лет,—целиком подтвердило прогноз Ленина. Мы имеем сейчас и ответ на тот вопрос, который,—предупреждая события, ставил китайской революции Ленин. *Ответ этот—отрицательный.*

Китайская революция, с 1911 года, переходя различные этапы своего антиимпериалистического, национального, антифеодального развития, подошла к с а м о м у р е ш а ю щ е м у, к самому основному моменту, к разрешению главной и непосредственной задачи буржуазно-демократической революции: к разрушению, выкорче-

[1]) Как известно вождь будущего Гоминдана, как и многие честные китайские народники того времени, развивал мысль «экономической революции в Китае», в ы д в и г а я и д е ю п е р е д а ч и з е м е л ь н о й р е н т ы г о с у д а р с т в у, посредством единого налога в духе Генри Джорджа. Ленин высмеял такую национализацию земли в рамках буржуазного строя, ссылаясь на «Нищету Философии» и на полемику Маркса с Родбертусом в «Теориях прибавочной стоимости».

[2]) Л е н и н. Собр. Соч., том XIX, стр. 19.

выванию преобладающих в китайской экономике феодальных форм землевладения, к революционному, плебейскому разрешению аграрной проблемы, к «крестьянской аграрной революции»—как выражался Ленин [1]).

От робких лозунгов: снижения арендной платы, уменьшения налогов, предоставления крестьянам заброшенных пустырей, снижения учетно-ссудного процента в деревенских ломбардах и ссудных кассах, уничтожения обязательств потомков платить долги своих предков (а иногда и итти за них в рабство),—лозунгов, выдвинутых на I-й Крестьянской Конференции в Кантоне, в мае 1925 года,—восставший сельский пролетариат и беднейшее крестьянство смело выставляют требования конфискации помещичьих земель, земель джентри, зовут на борьбу с кулаком, начинают передел земли, а для этого, и в процессе этом, пытаются уничтожить помещичий-полицейский аппарат насилия в деревне, вооружаются, разоружают помещичью-кулацкую милицию (минтуаней), кое-где власть на местах захватывается крестьянскими и батрацкими руками (вторая половина 1926 и 1927 гг.).

Хунань, Хубей, Гуаньдун становятся театром гражданской войны в деревне. Как в русской деревне начала XX столетия, в китайской деревне находят свое конкретное выражение двоякого рода классовые противоположности: между большинством крестьянства (70% крестьянства) и всем помещичьим классом и между сельскими рабочими и сельскими предпринимателями-кулаками.

Но китайская деревня испытывает большую перенаселенность, густота населения и дошедшее до крайности обнищание его, придают этим классовым противоположностям,—и возникшей из них классовой борьбе в деревне,—*особую, невиданную остроту.* Если в России 1902—1906 года преобладали классовые противоречия всего крестьянства против всего помещичьего класса [2]), то в Китае чем дальше, тем больше выпирают на первый план классовые противоречия и классовая борьба,—сельского паупера, арендатора и батрака *против—и* помещика, *и* джентри, *и* кулака, *и* посредника-арендатора, *и* ростовщика, *и* скупщика. Отсюда—необычайная усложненность борьбы, необычайное упорство борющихся сил,—знаменитые «эксцессы», которые так испугали не только сельскую буржуазию (Фын-Юй-сянь—выразитель ее интересов на севере Китая), но и некоторых китайских товарищей коммунистов. В течение двух лет, в ряде провинций, восстания беднейшего крестьянства сменяются, на некоторое время, контрволной помещичьих и *кулацких* репрессий, но с новой силой вздымаются, пробуждают к самостоятельной политической деятельности новые и новые резервы сельского пролетариата и полупролетариата, освобождая восставшее крестьянство от опеки и влияния деревенской буржуазии, «подымая» на поверхность самые глубокие, самые отсталые «пласты» деревни. Отходят от движения одни, «почтенные» (кулаки, зажиточные, арендаторы-посредники),

[1]) «Аграрная программа социал-демократии в Русской революции 1905—1906 г.» Ленин. Собр. Соч., том IX, стр. 475. «Наша партия встала решительно на путь признания к р е с т ь я н с к о й а г р а р н о й р е в о л ю ц и и... Плеханов, проводивший программу вместе с Джоном, прямо говорил о необходимости перестать бояться к р е с т ь я н с к о й а г р а р н о й р е в о л ю ц и и—к а к н а ш е й б у р ж у а з н о й р е в о л ю ц и и в о б л а с т и з е м е л ь н ы х о т н о ш е н и й».

[2]) Л е н и н. Собр. Соч., том IX, гл. II. «Агр. революция в России», стр. 276—285.

на смену им подтягивается голытьба, батрак. Гражданская война не «декретируется» из-вне (Ленин, том XV, стр. 511—512), а идет из самых глубин, из недр разоренной, обнищалой деревни. *Экономические предпосылки аграрной революции в Китае таковы, что аграрное движение в своем темпе опережает под-час выступления городского пролетариата и остается вне руководства компартии.* В то же время оно заставляет выпрямить классовую революционную линию самой партии. История китайской компартии за последние месяцы подтверждает это самым наглядным образом.

От скромных цифр членов крестьянско-батрацких союзов в Гуаньдуне в мае 1925 г. [1])—всего 200.000 членов, крестьянско-батрацкие организации вырастают до мощных об'единений; по мере расширения влияния Национального правительства на север, по пути следования национально-революционной армии, а в некоторых случаях опережая ее, в течение 1926 г. революционные деревенские организации перекидываются в отдельные провинции до берегов Янцзы, охватывают Хунань и Хубей; перебрасываются на север от Великой реки в Хенань, об'единяют уже *многие миллионы* восстающего крестьянства и становятся возбудителями аграрной революции в деревне (в исчислении «многих миллионов» исходим из цифр, данных в отчетах Киткомпартии, хотя они, вероятно несколько преувеличены).

«Массы крестьян-бедняков,—(«отбросов»—по словам помещиков, «лодырей»—по словам кулаков),—*совсем неимущих крестьян* [2]), идущих на заработок к кулаку; арендаторов, отдающих 60—70% своего урожая предпринимателю,—совершают «чрезмерности», творя великое дело революции, невиданное в прежние годы... Не будь этих крестьян-бедняков, не было бы у нас революции. Разгромить их, значит разгромить революцию,—так описывает в партийном органе «Guide Weirly» (Еженедельная Спутник). от 12/III—27 г., революционный процесс в китайской деревне Хунани, один из китайских коммунистов.

Буржуазно-демократическая революция в Китае еще не вышла из первой стадии своего развития. На пути ее стоят большие трудности [3]).

Крестьянская аграрная революция в Китае имеет свои слабые стороны.

Это, во-первых, ее недостаточная экстенсивность, ее территориально и численно малый розмах.

Это, во- вторых, то, что она не захватила еще целиком важнейших промышленных провинций (хубей задет крестьянским движением слабо).

---

[1]) Фактически союзы возникали в 1923 г. сначала в виде профессионального союза деревенских пауперов, занятых вывозкой нечистот из города для удобрения полей деревни. Эти пауперы получают от хозяев в деревне необходимые инструменты, включая выгребную лопату, редко перевозочные средства и доставляют деревенскому населению экскременты. До 1923 г. они пользовались в Кантоне экскрементами даром, а в тот год кантонская городская буржуазия обложила и свой кал налогом с деревни. На этой почве возникла «стачка» с.-х. рабочих, кало-возов, закончившаяся организацией первого профсоюза сельского пролетариата. (См. отчет крест. секции Гоминдана крестьянской конференции в мае 1926 г.).

[2]) «Нет у меня куска черепицы, нет у меня даже клочка земли, чтобы воткнуть шило»—характерная песнь «совсем неимущих» крестьян.

[3]) Сталин. «Революц. Китай и ошибки оппозиции», стр. 51. Его же. «Большевик», № 10, стр. 25—28.

Это, в-третьих, что она идет стихийно, почти без руководства пролетарской партии и даже промышленного пролетариата. Это ее органический недостаток.

Чрезвычайная напряженность аграрной революции, ее углубленность не соответствуют ее территориальному размаху (пока Хунань, Хубей, Гуаньдунь лишь отчасти Хенань, Цзянси и Фуцзян); она пока охватила единичные провинции. Но на ряду с этим, бок о бок с революционными провинциями остаются районы, не затронутые аграрным движением, превращаемые бежавшими и местными помещиками, джентри, кулаками в плацдарм контр-революции у самых очагов движения. Для 400.000.000 с лишним населения Китая, даже *десяток миллионов* организованного и восставшего крестьянства *еще малая доля*.

Вспомним, что знаменитое Тайпингское восстание крестьян в половине прошлого столетия, вовлекло в борьбу *весь южный и приянцзийский Китай и стоило одних человеческих жертв два десятка миллионов*. Нынешнее движение есть еще только предвестник приближающейся гигантской волны.

Крестьянское движение долго не дооценивалось китайской компартией. Оно надвигалось стихийно, возникши в чисто аграрных провинциях и перебрасываясь в чисто аграрные же районы; туда, где нет крупной организованной буржуазии (*а наиболее организована в Китае промышленная буржуазия*), но зато где и нет промышленного пролетариата. *Исторический опыт учит нас, что наиболее широкое по размаху, наиболее углубленное, наиболее четкое в классовом отношении и наиболее устойчивое крестьянское движение бывает в районах, где есть промышленный пролетариат.* Последний является застрельщиком и авангардом движения. В России в свое время сыграли большую роль в развитии крестьянского движения промышленные рабочие, возвращавшиеся с фабрик в деревню. (См., что об этом пишет тов. М. Н. Покровский). То же самое мы видим в наше время в Японии. Там наибольшее число стачек сельскохозяйственных рабочих и крестьянских волнений наблюдается в *промышленных* районах, где имеется революционный фермент в лице индустриальных рабочих. Наибольшее количество стачек сельхоз рабочих и прямых действий крестьянства, закончившихся удовлетворением требований участников движения, падает в Японии именно на те районы, где имеется промышленный пролетариат, руководящий и организующий сельский пролетариат и крестьянство. Япония уже знает комбинированные действия промышленных рабочих и сельского пролетариата, когда промышленные рабочие руководят выступлениями, а деревня поддерживает их, доставляя рис, продукты питания, помогая семьям забастовщиков. *Это особенно важно для Китая, где связь рабочего с деревней особенно крепка.* Участие в аграрной революции промышленных районов, вроде Чжецзяна, Цзянсу имело бы решающее значение для размаха всей революции, для устойчивости движения. *Крестьянская аграрная революция в Китае не захватила этих районов и в своих зачатках, при первом кризисе, много потеряла на неустойчивости крестьянских масс* [1]).

---

[1]) Очень характерны в этом отношении сообщения «Тасса» от 25 июля из Ханькоу, о быстром спадении крестьянского движения, разгроме уцелевших крестьянских союзов и «ослаблении» революционного духа среди крестьянства.

Крестьянская аграрная революция в Китае в значительной степени развивается без руководства компартии [1]). У движения не было крепкого стержня, крепкого подлинно пролетарского костяка. Сельский пролетариат и полупролетариат в организационном отношении смешаны, растворены в массе крестьянства, не имеют своих собственных классовых об'единений. В этой связи надо вспомнить вопрос Ленина в 1912 г.: «С'умеет ли крестьянство, *не* руководимое партией пролетариата, уберечь свою демократическую позицию *против* либералов, которые ждут только удобного случая, чтобы перекинуться направо». Этот вопрос актуален и теперь при наличии в Китае компартии. Ибо важно, *сумеет ли* партия пролетариата и *как* именно руководить крестьянской аграрной революцией. Сумеет ли она найти действенные каналы для проведения своего влияния на крестьянские массы?

Здесь мы вплотную подходим к вопросу о роли *сельскохозяйственного пролетариата*, о его революционном воздействии на крестьянство, роли сельскохозяйственного рабочего, как единственного классово сознательного, подлинного представителя пролетариата в деревне.

Чему нас учит теория и опыт русской революции?

Резолюция Стокгольмского с'езда РСДРП 1906 года говорит:

> «Партия во *всех* случаях и при *всяком* положении демократических аграрных преобразований ставит своей задачей *неуклонно* стремиться к *самостоятельной классовой* организации *сельского пролетариата*, раз'яснять ему непримиримую противоположность его интересов интересам крестьянской буржуазии, которая никогда, при существовании товарного производства не в состоянии уничтожить нищеты масс и, наконец, указывать на необходимость полного социального переворота, как единственного средства уничтожить всякую нищету и всякую эксплоатацию»...

Ленин на Первом Всероссийском С'езде Крестьянских Депутатов 22 мая 1917 г. развивает эту мысль, напирает на нее, уточняя понятие сельскохозяйственного пролетариата:

> «Для того, чтобы земля перешла в руки трудящихся есть только один основной путь: это организация сельскохозяйственных наемных рабочих, которые будут руководствоваться своим опытом, наблюдениями, недоверием к тому, что говорят мироеды, хотя бы они и выступали с красными бантиками и называли себя «революционной демократией».

> (Ленин: Собр. Соч., том XIV, ч. 1, стр. 171).

> «Сельскохозяйственные наемные рабочие и беднейшие крестьяне, т.-е. такие, которые добывают себе средства к жизни отчасти наемным трудом, не имея достаточно земли, скота, орудий, должны всеми силами стремиться к самостоятельной организации в особые советы или группы внутри общекрестьянских советов, чтобы отстаивать свои интересы против богатых крестьян, неизбежно стремящихся к союзу с капиталистами и помещиками».

[1]) О действительном лице китком партии и его руководстве достаточно сказано в резолюции Об'ед. Плен. ЦК и ЦКК 26/VII—27 г.—см. «Правда», 10 августа 1927 г.

> (§ 6 Проекта Резолюции по Агр. Вопросу на Крест. С'езде 1917 г., том XIV, стр. 175).

И, наконец, в ряде статей о необходимости создания пролетарского костяка в деревне, Ленин решительно выступает за создание «*самостоятельной*, классовой организации сельского пролетариата» (том XIV, ч. 1, стр. 289). К ней «должны принадлежать все, занятые преимущественно или, главным образом, *или хотя бы отчасти* наемной работой в сельскохозяйственных предприятиях» (там же, стр. 289).

> «Существенно то, что основные классовые интересы всех, кто продает свою рабочую силу, однородны и, что сплочение всех, кто извлекает хоть часть средств к жизни от работы по найму «в чужих людях»—безусловно необходимо» (там же, стр. 289).

При этом Ленин не скрывает: «трудности организации сельских рабочих огромны» (там же, стр. 287).

Опыт российской революции был учтен Профинтерном (III Конгресс) в том смысле, что основная задача, которая стоит перед рабочим классом в целом, была определена, как помощь сельскохозяйственным рабочим, прежде всего, осознать себя как класс. Поэтому всякое смешение с.-х. рабочих с организациями трудовых крестьянских организаций, принесло бы только вред классовому воспитанию сельскохозяйственного пролетариата. *Воздействие на крестьянство можно оказать в значительной степени только через организации сельскохозяйственных рабочих*». (Резолюция XXIII. «Крестьянский Интернационал и профсоюзы»).

III Конгресс Профинтерна установил, что борьба против феодальных пережитков, против помещика и кулака в деревне в большинстве стран, и тем более в странах колониальных и полуколониальных, *выливается в стихийные формы, не имея руководства рабочего класса*. Для придания этой борьбе организованных, устойчивых форм, лучшим средством является боевой союз трудового крестьянства с рабочим классом. Усиливающийся в деревне (и, добавим от себя, в китайской, в особенности) процесс расслоения создает в ней одно из звеньев контрреволюционного фронта в лице зажиточного крестьянства и кулаков. В противовес этим силам необходимо организовать в *самостоятельные* об'единения, группы сельскохозяйственных рабочих, поддерживать революционное крыло об'единений трудового крестьянства, для того, чтобы идеологически высвобождать широкие массы трудящегося крестьянства от кулацко-интеллигентских влияний и устранить из них кулацко-интеллигентские элементы. (Тов. Лозовский правильно подчеркнул, что одной из слабостей китайского крестьянского движения является как раз тот факт, что даже руководство многих крестьянских комитетов в Хунани находилось в руках интеллигентов-отпрысков зажиточных семей).

Поэтому III Конгресс Профинтерна указал на «*важность организационной самостоятельности классовых об'единений сельскохозяйственных рабочих*» и на «*нецелесообразность создания смешанных с трудовым крестьянством постоянных* организаций» [1]).

[1]) См. Речь т. Анцеловича в заседании Конгресса 22 июля 1924 г., стр. 315 отчета и резолюцию «о сельскохозяйственном пролетариате и крестьянстве», стр. 34 отчета III Конгресса Профинтерна. 8—22 июля 1924 г.

Конгресс сверх того подчеркивает сугубую необходимость *приступить к созданию отдельных, не смешанных с крестьянством, классовых организаций* сельскохозяйственного пролетариата в восточных и колониальных странах.

Что же мы видим в Китае? Многое из этих уроков позабыто. Сельскохозяйственные рабочие оставались до сих пор вне поля зрения профессионального движения и наших товарищей. Сельскохозяйственные рабочие, вопреки урокам Ленина и резолюции Профинтерна, организационно вливались, смешивались, растворялись в крестьянские организации и не получили до сих пор своей организационной самостоятельности даже в виде отдельных групп в крестсоюзах. Это в то время, как мы знаем, что численность их по минимальному расчету (т. Михальского»[1]) составляет не меньше 30.000.000 и вместе с мельчайшим, парцельным крестьянством составляет свыше 50% трудящихся деревни.

В программные требования крестьянства Гуаньдунской провинции вносятся лишь *особые* требования с.-х. рабочих: об увеличении зарплаты, об уменьшении рабочих часов, лучшего обращения со стороны нанимателей, уравнения оплаты женщин и подростков с зарплатой взрослых рабочих и мужчин (1925—26 г.).

За последнее время, уже после создания организационного центра крестьянской аграрной революции в Ухане (и до перехода его в стан контрреволюции), был сделан не шаг вперед, а *шаг назад* в отношении организации и оформления с.-х. рабочего движения. В тезисах тов. Тан-Пин-Сяня, министра земледелия Нац. Рев. Правительства Китая, представленных VII расширенному пленуму ИККИ в ноябре 1926 г., мы читаем черным по белому:

> «Вопрос о том, надо ли организовать при крестьянском союзе отдел сельских рабочих для защиты их частных (?) интересов, *подлежит дальнейшему обсуждению*»[2]).

Это—во все-китайском масштабе.

В отношении же Гуаньдунской провинции, где *при существовании крупных лятифундий, процент с.-х. рабочих особенно велик, и где само крестьянское движение возникло из организаций с.-х. рабочих*, вопрос о с.-х. рабочих сводится к «улучшению экономического положения сельских рабочих и трудящихся детей и женщин в деревне»[3]).

VII расширенный пленум ИККИ в своих постановлениях[4]) и ИККИ, в своих дальнейших инструкциях Киткомпартии и ставшей известной в печати критике деятельности киткомпартии по аграрному вопросу, уже дали оценку недоучету руководящим китайским товарищам крестьянского движения. *Вопрос о с.-х. рабочих* должен несомненно составлять одним из существенных моментов этой недооценки, как и недооценки работы в профдвижении.

От исправления этих дефектов, от выпрямления линии наших товарищей в партии и профсоюзном движении, в не малой степени будет зависеть и дальнейший размах, углубление, а *главное—успешность* крестьянской аграрной революции в Китае.

---

1) «Численность сел.-хоз. рабочих во всех странах мира».
2) Тан-пин-сян. «Пути развития Китайской Революции». 1927 г., стр. 39.
3) Тан-пин-сян. Там же, стр. 44.
4) Тезисы и резолюции VII Расширен. Пленума ИККИ. 1927 г., стр. 16, § 98. Сравни также Резолюцию Об'единен. Пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) от 26 июля.

КРИТИКА и БИБЛИОГРАФИЯ.

А. П. СЕРЕБРОВСКИЙ. Рационализация производства и новое промышленное строительство СССР. ГИЗ. 1927 г. Стр. 217. Цена 60 коп.

Вопросы рационализации нашего хозяйства и в частности и в особенности промышленного хозяйства стоят в центре внимания партийной и советской общественности. Слово «рационализация» буквально не сходит со страниц наших газет и журналов. Книжный рынок переполнен книгами, книжками, брошюрами и брошюрками, посвященными вопросам рационализации. Однако, как известно, рационализация меньше всего коснулась нашего «издательского хозяйства» и качество выпускаемой литературы в большинстве случаев оставляет желать много лучшего. Особенно, как это не парадоксально звучит, это относится к литературе по рационализации.

С тем большим вниманием мы должны отнестись к рецензируемой нами работе т. А. П. Серебровского, одного из руководящих работников нашей промышленности, работе, посвященной злободневнейшим вопросам промышленного хозяйства,—вопросам рационализации и нового промышленного строительства.

Работа т. А. П. Серебровского состоит из шести глав, различных по об'ему и неравноценных по качеству. *Первая* глава посвящена вопросу—«Рационализация в СССР и на Западе» (10 стр.); *вторая*—«Почему СССР необходима рационализация» (23 стр.); *третья*—«Какие способы рационализации можем мы применить в СССР» (48 стр.); *четвертая*—«Как мы должны проводить рационализацию нашей промышленности» (9 стр.); *пятая*—«Новое промышленное строительство СССР» (90 стр.), и, наконец, *шестая*—«Рационализация в пятилетнем плане развития госпромышленности» (27 стр.). Центральное место в книге занимают, таким образом, вопросы нового промышленного строительства. Наоборот, глава, имеющая по сути дела *директивный* характер,—как *нужно* проводить и как *должна* проводиться рационализация промышленного хозяйства,—занимает совершенно незначительное место. Такое построение книги надо признать в высокой мере неудачным. В книге оказалось затушеванным как раз то, что должно было быть по сути дела центральным во всей рецензируемой работе.

Однако, кроме неудачной распланировки материала (по своему об'ему), работа А. П. Серебровского страдает и рядом органических дефектов, на которых следует остановиться особо.

Как, прежде всего, формулирует т. А. П. Серебровский задачи рационализации производства? «Советская власть,—пишет он,—рационализируя производство и уменьшая себестоимость промтоваров, не ставит себе задачи завоевания рынков сбыта в технически отсталых странах для превращения их в свои колонии, а ставит себе иную наиболее разумную задачу, а именно—*производительное использование остатков средств у крестьянства*, создавая тем самым благоприятные условия для развития и расширения сельского хозяйства» (курсив наш. *Г. Т.*).

С *таким* определением задач социалистической рационализации мы никак не можем согласиться.

«Производительное использование остатков (!) средств у крестьянства»! Это настолько же невразумительно, насколько и неверно!

Социалистическая рационализация ставит себе задачей такую постановку государственного промышленного хозяйства, которой обеспечивался бы максимально возможный темп его развития, темп индустриализации, темп социалистического строительства. Социалистическая рационализация ставит себе задачей повышение уровня жизни рабочего класса и крестьянства, а следовательно, и укрепление экономического и политического их союза; усиление *ведущей* в народном хозяйстве роли промышленности, а, следовательно, и его преобразующей—реконструктивной роли в отношении сельского хозяйства—перевод с. х. на более высокую техническую базу и постепенную переделку отсталого, индивидуального крестьянского хозяйства в хозяйство социалистическое.

И насколько задачи социалистического строительства шире и социально экономически неизмеримо сложнее задачи создания благоприятных условий «для развития и расширения сельского хозяйства», настолько и задачи социалистической рационализации шире и сложнее задач рационализации, как они представляются А. П. Серебровским. Если, наконец, считать «остатками средств у крестьянства» его прибавочный продукт, то государство, используя часть этого прибавочного продукта для целей индустриализации и социалистического строительства, отнюдь не посягает на весь прибавочный продукт крестьянства, ибо это означало бы не что иное, как лишение крестьянского хозяйства возможности расширяться и развиваться.

Недостаточно полно, а потому и *неверно* представляется т. А. П. Серебровским основное содержание рационализаторских мероприятий. «*Основными элементами рационализации на основе существующего оборудования являются стандартизация и специализация*» (стр. 43). (Курсив автора. *Г. Т.*). И дальше: «Специализация и стандартизация производства, являясь основным методом рационализаторских мероприятий, не исключает применения ряда других, которые могут дать менее реальный результат» (стр. 64). Если принять во внимание, что автор обещал в предисловии дать хозяйственникам «ряд практических советов, в каком направлении и как нужно проводить рационализацию», то такую установку, такое определение содержания рационализаторских мероприятий надо признать в корне ошибочной и вредной. Такого рода «советы» *не организуют, а дезорганизуют* хозяйственников.

«Стандартизация»—как и «специализация» производства в самой незначительной мере, а подчас и совсем не зависят от хозяйственника—руководителя промышленного предприятия — директора фабрики и завода. Как же будет воспринята им эта *директива-совет?* Опускать руки и ждать, когда все будет кругом «стандартизировано» и куда ни плюнь «специализировано»? Это было бы глубочайшим заблуждением и вреднейшей ошибкой! Никто не отрицает роли и значения «стандартизации и специализации», но *ошибочно и вредно* утверждать, что все другие рационализаторские работы менее эффективны и дадут «менее реальный результат».

Рационализация тепло-силового хозяйства, улучшение использования сырья и материалов, использование отходов и отбросов производства, сокращение накладных расходов и запасов сырья, материалов и топлива до нормальных пределов, улучшение внутризаводского транспорта, исправление органических дефектов в производственном процессе, повышение оборачиваемости капитала, лучшее использование рабочей силы и повышение производительности труда, и т. д. и т. п.—разве все это не рационализаторские мероприятия и разве их эффект настолько незначителен, что они не могут быть «допущены» в число «основных элементов рационализации»? Не говоря уже о суммарной эффективности всей совокупности этих рационализаторских мероприятий, мы могли бы привести *тысячи примеров*, когда каждое из них в отдельности давало значительнейший производственный эффект. «Директива—совет» «основными элементами рационализации» считать *только* стандартизацию и специализацию *дезорганизует* хозяйственника, ибо отвлекает его от всей той суммы рационализаторских мероприятий, которые он может и должен проводить, не дожидаясь «стандартизации и специализации».

Нельзя, наконец, признать правильным и то резкое противопоставление рационализаторских мероприятий и нового строительства, которое имеется у автора: «Унаследованная нами техническая база почти полностью использована,—пишет он,—и задача сводится, главным образом, не к тому, чтобы реконструировать промышленность, но чтобы строить новые заводы, новые фабрики». Столь решительное противопоставление этих двух задач опять-таки вносит известную путаницу. Конечно, новые фабрики и заводы, да еще построенные по последнему слову науки и техники, вещи очень хорошие, но пока «американский дядюшка» не оставил нам многомиллиардного наследства, а внутреннее накопление весьма ограничено, мы должны стремиться к тому, чтобы в максимальной мере и наиболее эффективно использовать намеченные фабрики и заводы с их подчас далеко несовременным оборудованием. И пока на новое промышленное строительство мы ограничены в средствах, задачи рационализации и переоборудования существующих фабрик и заводов стоят как важнейшие задачи. Об этом свидетельствуют и расходы промышленности на реконструкцию, расширение и переоборудование существующих предприятий. Из общей суммы капитальных вложений в промышленность в 1925—26 г. в 811 милл. рублей на работы по реконструкции и расширению было израсходовано 447 милл. рублей, в 1926—27 г. соответственно 976,2 милл. рублей и 545 милл. рублей. Конечно, по мере дальнейшего развития промышленности, по мере дальнейшего увеличения ассигнований на капитальное строительство, это соотноошение будет изменяться в пользу нового строительства, но, тем не менее утверждать, что наши задачи сводятся, «главным образом», к новому строительству, а не к рационализации и переоборудованию существующих предприятий—неправильно, ибо опять-таки дезорганизует хозяйственников.

Нельзя не остановиться и на характеристике А. С. Серебровского о рационализации в капиталистических странах Запада.

«*Пределы рационализации в капиталистическом хозяйстве,*—пишет А. П. Серебровский,—*по необходимости ограничены рынком сбыта*, так как покупательная способность основной массы трудящихся, как мы уже видели на примере Америки, становится относительно меньше, а продукция производства значительно возрастает» (курсив автора. *Г. Т.*).

Здесь действительное положение вещей поставлено на голову! Именно ограниченность рынков сбыта толкает капиталистов на дальнейшую рационализацию производства! Именно ограниченность рынков сбыта заставляет капиталистов снижать себестоимость и цены производимых им товаров, а это возможно только *на основе рационализации и через нее*, введения технических усовершенствований, снижения зарплаты и удлинения рабочего дня и т. д. и т. п.

Несколько ниже об этом же говорит и сам автор, но это находится в вопиющем противоречии с приведенной нами цитатой.

Особо надо отметить следующее рассуждение А. П. Серебровского. «*За последнее время*,—пишет он,—*рационализация на Западе переживает вторую фазу своего развития*: Раньше (когда? *Г. Т.*) рационализаторские мероприятия производства способствовали овладению *внутренним рынком*, и каждый капиталист стремился возможно шире его завоевать, конкурируя внутри страны с отдельными капиталистами; по мере освоения внутреннего рынка борьба переносится на овладение *внешними рынками*, и здесь уже конкуренция идет не только между отдельными капиталистами, но и между капиталистическими странами».

Таким образом, по схеме т. А. П. Серебровского первая фаза рационализации сводилась к овладению внутренним рынком, а вторая, в которую капитализм вступил только «за последнее время», расширила борьбу за овладение «*внешними рынками*». Эта наивная «теория» империализма свидетельствует о полнейшей невинности автора по части знания ленинской теории империализма. Но говорить через 13 лет после чудовищной империалистической бойни, имевшей своим содержанием борьбу за рынки *сбыта* и сырья, что только «за последнее время» и то только как результат «второй фазы» рационализации, борьба между капиталистами «переносится на овладение внешними рынками» это... тоже чудовищно!

Борьба за рынки сбыта—явление «последнего времени»! Империализм—результат «неумеренной рационализации»! Это воистину нечто совершенно «сногшибательное»!

Но этим автор не ограничивается. Дальше он утверждает, что «*в конечном результате* капиталистическая рационализация является препятствием к дальнейшему росту производительных сил и к введению технических усовершенствований. Но зато (!) в ней залог сплочения рабочего класса, залог упадка и разложения капиталистического строя, залог обострения классовых противоречий и окончательного свержения капитализма».

Это «в конечном результате»—изумительно! «В конечном результате» капитализм неминуемо погибнет и уступит место более совершенной форме хозяйства — социализму. Но совершенно другое доле, что дает и чем является капиталистическая рационализация *на данном отрезке времени*. Бесспорно верно, что капиталистическая рационализация несет рабочему классу безработицу, физическое и духовное его истощение и т. д. и т. п. Но утверждать, что та гигантская рационализаторская работа, которую проводит за последние годы капитализм, является *на данном отрезке времени* залогом «упадка и разложения капиталистического строя»—неверно, ошибочно. *На данном отрезке времени* капиталистическая рационализация, дополненная рядом технических усовершенствований, постановкой ряда новых производств, в значительной мере способствовали дальнейшему продвижению капитализма вперед и его экономической и политической стабилизации.

Неверно также утверждение А. П. Серебровского, что «в общем рационализация на Западе (обогащает) народное хозяйство тем, что увеличивается основной капитал, т.-е. больше механизируется процесс производства и наилучшим образом используются естественные богатства».

Совершенно не обязательно, чтобы рационализаторская работа вызывала увеличение основного капитала. Суть рационализации заключается и в лучшем, более совершенном использовании наличного оборудования. Из нашей практики мы знаем, что подчас простая перестановка машин по ходу производственного процесса давала значительный

производственный эффект. Между тем эта работа ни на йоту не увеличивала общей величины основного капитала.

Неверно представляются автором и источники капитальных вложений в промышленность царской России. «В прежнее время,—пишет А. П. Серебровский,—*в царской России* также *тратились большие средства* на капитальное строительство, ставились новые производства, новые заводы, но *затраты на них производились иностранным капиталом*».

Бесспорно, что иностранный капитал играл весьма значительную роль в развитии нашей промышленности (особенно это относится к 90 и 900 годам). По данным П. Оля, общая сумма иностранного капитала, вложенного в промышленность царской России ко времени войны, составляла больше 1.630 млн. зол. рублей. Но в корне ошибочно думать, что *только* иностранный капитал участвовал в капитальных вложениях в нашу промышленность. Капитальные вложения в промышленность за последнее предвоенное десятилетие в основном шли за счет накопления внутри страны.

Динамика внутренних накоплений и участия иностранного капитала [1]).

Годы	Капитал Туземный (милл. руб.)	Капитал Заграничный (милл. руб.)
1893—1896	103,7	144,9
1897—1900	111,8	450,7
1901—1904	209,4	181,6
1905—1908	339,1	370,7
1909—1911	913,1	284,0

Кстати сказать, возможность развития промышленности за счет накоплений внутри страны и являлась одной из предпосылок возможности социалистического строительства в нашей стране. Если бы этого условия не было, если бы развитие нашей промышленности целиком зависело от участия и доброй воли иностранного капитала, если бы все это было, то ни о каком строительстве социализма, ни о какой экономической независимости нашего хозяйства от хозяйства капиталистического нельзя было бы и говорить.

Конкретный материал приводится в книге А. П. Серебровского весьма обильный, хотя и имеет в большинстве случаев газетный характер и притом сплошь и рядом значительно устаревший. Автор добросовестно использовал газетную хронику и газетную информацию. Особенно это относится к главе II и III.

Чрезвычайно устаревшими данными оперирует автор в определении количества стандартов. В настоящее время количество утвержденных стандартов не 52, как об этом пишет А. П. Серебровский, а свыше 100.

Глава пятая, посвященная новому промышленному строительству СССР, носит узко информационный характер. На протяжении 90 страниц автор описывает все строящиеся и предполагаемые к строительству заводы и фабрики. Однако, в значительной мере и этот материал, особенно это относится к крупнейшим об'ектам промышленного строительства, представляющим наибольший интерес для читателя, известен уже из газет. Отдельные неточности, которые здесь встречаются, опять-таки об'ясняются некоторой устарелостью данных, которыми располагал автор.

---

[1]) М. Н. Покровский. Очерк истории русской культуры, т. I, стр. 176, ГИЗ 1921 г.

Глава шестая «Рационализация в пятилетнем плане развития промышленности» представляет собой перепечатку (без сколько-нибудь существенных изменений и сокращений и без всякой ссылки на источник) главы «Технико-производственного момента в перспективном плане развития госпромышленности в пятилетке 27/28—31/32», из большой работы, выпущенной ВСНХ СССР под названием: «Материалы к пятилетнему плану развития промышленности СССР». (См. стр. 73—86 названной работы).

В настоящем своем виде рецензируемая нами работа А. П. Серебровского, едва ли может претендовать на «директиву—совет» хозяйственникам в области рационализации промышленного производства.

Г. Ташин.

ОПЕЧАТКИ в № 15—16.

Напечатано:	Должно быть:
Стр. 36, строка 16 сверху—«Вот это безотносительное уже».	«Вот это безответственное уже»
Стр. 40, строка 9 снизу — «т. е. попросту жуликов»	«т.-е. попросту кулаков»

Редакция:
В. Астров.
Н. Бухарин.
В. Молотов.
А. Слепков.
Е. Ярославский.